

ISSN 2500-039X

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKVBU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Филология, педагогика,
ПСИХОЛОГИЯ

№1

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2023

Редакционная коллегия

- И. Н. Симашва*, д-р психол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
С. С. Ваулина, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
М. Н. Коннова, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
О. В. Александрова, д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;
Н. Г. Бабенко, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. В. Байбородова, д-р пед. наук, проф., ЯГПУ им. К. Д. Ушинского;
В. П. Бездухов, д-р пед. наук, чл.-кор. РАО, проф., СГСПУ;
Л. М. Бондарева, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
А. О. Бударина, д-р пед. наук, доц., БФУ им. И. Канта;
И. В. Вацков, д-р психол. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет; *А. А. Горелов*, д-р пед. наук, проф., СПбУ МВД;
У. Гравитис, д-р пед. наук, проф., Латвийская академия спортивной педагогики;
Ю. В. Доманский, д-р филол. наук, проф., РГГУ; *С. П. Евсеев*, д-р пед. наук, проф., НГУ физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта;
В. И. Заботкина, д-р филол. наук, проф., РГГУ;
И. Ю. Иеронова, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
А. В. Кузнецова, д-р филол. наук, проф., ЮФУ;
Л. В. Куликов, д-р психол. наук, проф., СПбГУ;
В. К. Пельменев, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф., САФУ им. М. В. Ломоносова;
А. А. Реан, д-р пед. наук, акад. РАО, МПГУ;
И. Д. Рудинский, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
И. В. Реверчук, д-р мед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Н. В. Самсонова, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
С. В. Свиридов, канд. филол. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
О. Р. Темиришина, д-р филол. наук, проф., Московский университет им. А. С. Грибоедова;
В. В. Хитрюк, д-р пед. наук, проф., Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка; *Н. С. Цветова*, д-р филол. наук, проф., СПбГУ;
Т. А. Шарыгина, д-р филол. наук, проф., НГУ им. Н. И. Лобачевского;
Ю. М. Шемчук, д-р филол. наук, проф., МГЛУ; *К. Г. Языков*, д-р мед. наук, проф., Сибирский государственный медицинский университет

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-68537 от 31 января 2017 г.

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 12.04.2023 г.

© БФУ им. И. Канта, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

<i>Петров А. В., Тимофеева Н. Ю., Чепурина И. В.</i> Городская речь как объект лингвистического исследования: устная и письменная разновидности	5
<i>Фалеева А. С.</i> Сочетания <i>в потоке</i> + <i>Р. п.</i> и <i>быть в потоке</i> в современной русской речи	16
<i>Заварзина Г. А.</i> Языковые маркеры террористически окрашенного текста и методика их выявления	30
<i>Новожилова А. А.</i> Текст музейной экспозиции: межкультурный и переводческий аспекты	40

Литературоведение

<i>Азарова Н. М.</i> Приключения души: трансляция системы мистической поэзии в языке Вениамина Блаженного	50
<i>Би Цзюньжу, Ли Мэнлун.</i> Три этапа издания и восприятия художественных произведений А. И. Солженицына в Китае	61
<i>Диль А. В.</i> Художественное воплощение концепта «Единство в многообразии» в стихотворении П. Б. Шелли «Love's philosophy»	71
<i>Косинская А. С., Кравченко С. В.</i> Категория жалости в «Расторжении брака» К. С. Льюиса и «Властелине колец» Дж. Р. Р. Толкина	82

Педагогика и психология

<i>Агапов М. А., Скалин Ю. Е., Бочарова Н. Н.</i> Скрининговая диагностика психоэмоционального состояния обучающихся в системе высшего образования ...	90
<i>Попова Л. А.</i> Цифровые дидактические игры как средство дистанционной поддержки школьников	102

CONTENTS

Linguistics

Petrov A, Timofeeva N., Chepurina I. Urban speech as an object of linguistic research: written and spoken varieties	5
Faleeva A. Word-combinations <i>в nomine</i> + Genitive and <i>быть в nomine</i> in modern Russian speech	16
Zavarzina G. Language markers of terrorist-colored text and methods for their identification	30
Novozhilova A. Museum exhibition text: intercultural and translation aspects	40

Literary studies

Azarova N. Adventures of the soul: transmission of the system of mystical poetry in the language of Veniamin Blazhenny	50
Junru Bi, Menglong Li. Three stages of publication and perception of A. I. Solzhenitsyn's artistic works in China	61
Diehl A. Artistic implementation of the concept «unity in diversity» in the poem by P. B. Shelley «Love's philosophy»	71
Kosinskaya A., Kravchenko S. The category of pity in «The Great Divorce» by C.S. Lewis and «The Lord of the Rings» by J.R.R. Tolkien	82

Pedagogy and psychology

Agapov M., Skalin Yu., Bocharova N. Screening diagnostics of the psycho-emotional state of students in higher education system	90
Popova L. Digital didactic games as a means of remote support for schoolchildren	102

УДК 81'27=161.1.394.014

А. В. Петров¹, Н. Ю. Тимофеева², И. В. Чепурина³

**ГОРОДСКАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ:
УСТНАЯ И ПИСЬМЕННАЯ РАЗНОВИДНОСТИ**

5

¹Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия

²Медицинский колледж «Монада», Евпатория, Россия

³Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Россия

Поступила в редакцию 31.07.2022 г.

Принята к публикации 26.11.2022 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-1

Для цитирования: *Петров А. В., Тимофеева Н. Ю., Чепурина И. В.* Городская речь как объект лингвистического исследования: устная и письменная разновидности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №1. С. 5–15. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-1.

Предпринята попытка обзора методологических тенденций изучения языка города. При этом обосновывается рациональность раздельного изучения письменного и устного вариантов городской речи. Подчеркивается активность лингвистических исследований городского пространства и выделяется понятие региолекта – регионального варианта национального языка. Анализ научных результатов лингвоурбанистики выявляет доминантное положение ономастического направления и недостаточность исследований городской речи. Приводятся аргументы нетождественности функционирования письменной и устной форм речи как с лингвистических, так и с семиотических и психологических позиций. Отмечаются факты деструктивных результатов механического перенесения приемов устной речи в городскую эпиграфику, описываются отличия словообразовательных процессов в письменной и устной речи. В качестве особенностей письменной коммуникации перечисляются визуальность письменного знака, возможность гибридного словообразования с помощью иных символично-графических систем, а также активность языковых норм. Отличительной особенностью устной формы признается возможность экспликации смысла посредством невербальных знаков. Соблюдение принципа несмешанного изучения живой речи и городской письменности должно обеспечить, по мнению авторов, большую достоверность научных результатов в сфере современного градоведения.

Ключевые слова: язык города, региолект, городской текст, устная речь, языковая норма

Введение

Современная система языка города представляет собой «сложный лингвистический объект» [44, с. 149], в котором литературная разговорная речь взаимодействует с диалектами и групповыми субкодами, пронизанными общим сленгом и через него связанными с кодифицированным литературным языком. Процесс интенсификации лингвистических исследований городской среды в определенной мере потеснил диалектные практики [51], поскольку языковая динамика в городском конгломерате опережает изменения диалектов. Именно на базе материалов городской речи реализуется возможность лингвиста-исследователя зафиксировать формы городского многоязычия — судьбу диалектов и субкодов. Необходимость синхронного наблюдения речевых тенденций обуславливает актуальность предпринятого исследования. Его новизна заключается в акцентированном внимании к методологическому принципу раздельного изучения письменной и устной разновидностей городской речи. Цель статьи — проанализировать методологические тенденции современных исследований по языку города и на фоне обзорного анализа сопоставить особенности функционирования городского текста и городской речи.

6

Методологические тенденции русского лингвистического градоведения

Феномен города в современной науке представляет собой объект кросс-культурных и междисциплинарных изысканий. Градоведением называют науку о городе, отличающуюся междисциплинарным подходом и включающую архитектуру, градостроительство, урбанизм и другие базовые отрасли наук о современном городе и системах расселения [37, с. 390]. Понятие «градоведение» подразумевает намеренно открытый тип денотатного содержания и, соответственно, неограниченность применяемых к объекту методологий.

С точки зрения лингвистического градоведения [48], или лингвоурбанистики [44], городская конгломерация в силу своей полиэтничности и полигlossии также позволяет варьировать и интегрировать методологические принципы исследований от традиционно системного подхода до макроконцептуального [18], что выводит подобные исследования на уровень междисциплинарного знания о сознании и коллективном под-сознательном [44, с. 129]. При этом традиционными объектами лингвистического градоведения могут выступать как факты социологической природы — языки корпоративных групп и субкультур, так и связанные с ними формы отклонений живой речи от системных образцов на всех уровнях языка, то есть локальная специфика языка города. Впоследствии эти два направления обогатились перешедшей из историографии в лингвистику ономастикой.

Несмотря на то что исходным объектом лингвистического изучения города являются формы бытования общенационального языка в условиях определенной территории, развитие трех направлений лингвоурбанистики [44, с. 112–114] происходит неравномерно: объем исследова-

ний живой речи городских социолектов уступает объему исследований городского ономастикона. При этом внутри исследований городской речи отмечается сдвиг научного интереса в пользу письменных источников в качестве материала наблюдений, вплоть до замены городских письменных форм речи формами из интернет-пространства [26; 47]. Это обстоятельство, на наш взгляд, может повлечь некорректность результатов, поскольку письменная и устная формы бытования языка имеют существенные отличия.

Основания для раздельного изучения устной и письменной разновидностей разговорной речи

7

Выделенные В. Гумбольдом и Ф. Соссюром две формы существования языка (*energeia* и *ergon, parole* и *langage*) в русском языкознании отчетливо противопоставлялись. И. А. Бодуэн де Куртенэ отмечал невозможность простой «отражательности» устной формы в письменной: «Звуковым и всем прочим явлениям, сопряженным с процессом междучеловеческого общения в области произносительно-слуховой, чужд непосредственный переход в элементы и их сочетания, свойственные писанно-зрительной стороне междучеловеческого общения» [2, с. 3]. Далее ученый развивает мысль о различной природе письма и речи, настаивая на том, что эти две стороны коммуникации оказываются связанными исключительно ассоциациями, то есть психологически [2, с. 5].

Академик Л. В. Щерба, говоря о субкодовом синтезе устной речи, указывает, что в живом процессе употребления языка «норма слабеет, а то и вовсе исчезает при смешении языков и, конечно, при смешении групповых языков, причем первое случается относительно редко, а второе — постоянно» [45, с. 26]. Параллельно утверждается «образцовость» литературной деятельности писателей, поскольку она «в принципе свободна от неправильных высказываний, так как писатели сознательно избегают ляпсусов, свойственных устной речевой деятельности... избегают и тех элементов групповых языков, которые не вошли в том или другом виде в структуру литературного языка» [45, с. 26].

В высказанных положениях И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы проступает проблематика будущей статьи Б. М. Гаспарова, который отмечает традицию научной «второстепенности» устной речи [5, с. 63]. Рассматривая феномен устной разговорной речи (РР) с точки зрения ее семиотического потенциала, автор выделяет наличие «дополнительных к коммуникативным возможностям средств» и «невозможность ретроспективы» или «необратимость» устной речи в качестве ее дифференцирующих отличий [5, с. 68]. При этом ученый показывает принципиальную неизменность механизма устной речи, несмотря на появление средств ее технической записи [5, с. 71]. В отличие от письменной формы устная речь не может быть воспринята целостно [5, с. 70] и потому не имеет строгой структурированности. Это обуславливает неполноту речевого потока, его дефрагментацию в процессе прямой коммуникации и неизбежное (по Б. М. Гаспарову,

«категорически обязательное» [5, с. 76]) нарушение нормы. Здесь фиксируется действие антиномии кода и текста, открытой М. В. Пановым [29, с. 18–19].

Невозможность отождествления устной и письменной речи отмечается и современными авторами, в частности А. А. Волковым: «...письменная речь не является простым воспроизведением устной, но функционирует и развивается по присущим ей законам. Она образует особую сферу общественно-языковой практики, называемую письменной словесностью, или письменностью» [3, с. 3]. При этом вслед за Е. И. Литневской следует признать существование особого формата онлайн-переписки, при котором условия коммуникации максимально имитируют живое общение [26]. Однако при всех равных составляющих, включая невоспроизводимость некоторых электронных текстов (общение в чате), онлайн-коммуникация отличается от живой речи невозможностью использовать в информационном обмене невербальные кодовые системы, применение которых, по Б. М. Гаспарову [5, с. 82–88] и Н. И. Жинкину [11], является главной особенностью устной коммуникации.

В условиях непосредственного контакта невербальные средства коммуникации заполняют моменты семантического и структурного «зияния» дополнительной информацией [16, с. 167]. Так, в живом диалоге в качестве ответа на вопрос вместо неполного предложения можно получить ухмылку или гримасу, объясняющую мысль говорящего красноречивее вербального описания. При этом для экспликации невербального кода необходимо наличие общей пресуппозиции, актуализирующей фоновые знания коммуникантов — их общий культурный и / или практический опыт [11; 50].

Другим существенным отличием письменной формы разговорной речи от устной является свобода собеседников в прерывании коммуникации при развитии ее нежелательных сторон [5, с. 69; 25, с. 259]. Эта своеобразная «безнаказанность» участников провоцирует определенные злоупотребления постулатом вежливости П. Грайса, когда при отсутствии живого контакта можно «повернуться спиной» к собеседнику, объясняя прерывание общения техническим сбоем.

Специфика текста связана и с его визуальностью. Стихийные «эксперименты» в области письменной речи демонстрируют существенность семиотического аспекта графического знака. Так, в пространстве социальных сетей возникло явление «языка падонкафф», который в своей основе представлял исключительно графический феномен [39], не нашедший в устной речи форм устойчивого бытования.

Затруднения при передаче письменного знака в живой речи наблюдаются на примере форм современной рекламы, в частности граффитов — гибридных знаков, утрачивающих коннотативные оттенки при прочтении вслух [32]. Визуальность и дискретность единиц письменной разговорной речи не может не сказаться на ее существенных отличиях от устной речи. В этом отношении современная языковая ситуация подтверждает правоту тех ученых, которые отстаивали устность как важнейший параметр разговорной речи [13; 24].

Объекты исследований языка города в отечественных лингвистических школах

Научные работы, посвященные анализу речевой ситуации в городе, в своем большинстве фокусируются либо на применении схемы комплексного исследования разговорной речи Е. А. Земской к оригинальному материалу местной речи [15], либо на анализе языковых явлений одного системного уровня [8, с. 16].

В отечественной лингвоурбанистике выделяются региональные центры наиболее активного изучения языка города: Саратов [34], Красноярск [44], Омск [46], Екатеринбург [10; 17; 20], Пермь [4; 7], Лесозаводск [43], Владивосток [19], сохраняющие в своих разработках системность и преемственность научных школ. Представители этих школ фиксируют общие тенденции изменения языка в различных регионах и специфику его территориальных вариантов. Последнее обстоятельство подводит к дискуссии о необходимости выделения такой отрасли лингвистики, как филологическая регионалистика [9; 21; 33], главным объектом которой выступает региолект [40], или региональный вариант литературного языка. Региональный характер отмечается в особом влиянии диалектов, в действии межязыковой интерференции, наличии экзотизмов и высокой частотности отдельных стилистически нейтральных единиц, каковыми являются, например, номинации климатических, географических и культурных реалий.

Возросшее внимание к региональным вариантам языка обусловлено не только поступательным развитием коллоквиалистики, но и общегосударственной политикой повышения уровня самоидентификации жителей регионов, воспитания предметного восприятия местной самобытности.

При этом стоит отметить, что корпоративные субкоды изучаются безотносительно их территориальной характеристики. То есть языковая ситуация в большинстве урбанистических исследований рассматривается без учета региональной специфики субкодов. Из перечисленных школ социологическое направление лингвоурбанистики системно разрабатывается в Перми [4] и Красноярске [31]. Отдельные исследования социальной дифференциации языка одного города проводились во Владивостоке [28]. В результате сложившегося подхода к социолектам как явлениям надтерриториального характера полиглоссия современного горожанина представлена недостаточно цельно.

Проблематика городского ономастикона, напротив, во всех научных школах представлена широко. Объектами научного интереса становятся как явления городской топонимики в зависимости от типа самих объектов или от типа номинаций [1], так и системные ономастические описания города [44], в том числе и в диахроническом аспекте [18]. Отдельным аспектом градоведения становится концептуальное пространство городской жизни, которое изучается двунаправленно: через восприятие конкретного концепта горожанами [36] и обратно — через структуру концепта отдельного города в языке [18]. Активность ономастических исследований обусловлена «цементирующей» [44, с. 148] ролью ономастического дискурса в процессе изучения языка города, а также фактологической связанностью онима с территорией: ее ландшафтом, климатом и процессом их изменений [33].

Развитие ономастических исследований обусловило возникновение словарей онимов отдельных городов и территорий. Данный тип лексикографии отличается нестандартным подходом к отбору языковых единиц. Составляются как словари неофициальной топонимики, так и словари экспрессивных средств городской эпиграфики [38]. Диахронический аспект изучения языка города находит отражение в словарях определенного писательского идиостиля или словарях городской речи определенного исторического периода [5].

Внутри ономастического направления особое место отводится городской письменности, в особенности эргонимам и прагматонимам. Стремительность развития этой области городского ономастикона усилила научный интерес к ней [12; 17; 28; 48]. В городской вывеске, как и в других онимах, отчетливо эксплицированы общие и региональные тенденции смены нормативной и экспрессивной «языковых эпох» [29, с. 206]. Компактность и доступность материала облегчают проведение исследований данного аспекта городского пространства.

На фоне количественного и качественного разнообразия работ по городской ономастике исследования повседневной речевой практики горожан значительно уступают в объеме исследованиям письменных форм (Пермь, Омск). Несомненно, это соотношение обусловлено сложностью фиксации и обработки речевого материала в процессе научного наблюдения. В связи с этим становится заметной методологическая тенденция ограничения изучения городской словесности текстовым материалом. Такая взаимозаменяемость городской устной и письменной речи обосновывается в большинстве работ по эргонимам и неофициальной топонимике [1; 8; 30; 38; 41; 42] и закрепляется констатацией определенной традиции [44, с. 125]. Однако процессы продуцирования и восприятия устной и письменной форм языка, рассмотренные выше, не утратили своей специфичности несмотря на возникновение новых коммуникационных технологий.

Сегодня в условиях социальной востребованности языковых компетенций повышается значимость устных форм коммуникации: способность к непринужденному общению на публике воспринимается положительно и влияет на рейтинг говорящего [22; 24; 35]. Неподготовленная публичная речь стала обыденным явлением в самых различных сферах [23, с. 450]. При этом отмечается экспансия приемов устной коммуникации в письменные формы общения. Изменяется формат межличностного взаимодействия: новые виды дистантного контакта [27] сближают устную и письменную разновидности разговорной речи (социальные сети и чаты [26; 49]).

Тем не менее различие между устной и письменной разновидностью языка города на уровне словообразования прослеживается в граффитисатах, полноценное функционирование которых вне письменной речи затруднено визуальным характером разноязычных контаминаций: *BarDisk*, *ПурFest*, *Салон ШляпОК* или субституций иных символьных систем: *7я*, *Ка\$ино*.

Помимо глобальных отличий восприятия графического и звукового символа создание эргонима нацелено на оказание максимального воздействия на реципиента, то есть экспрессивно заряжено. Неслучайно, именно тексты городских вывесок оказываются полем словообразова-

тельных экспериментов. Стремление к уникальности и неповторимости номинации вводит в механизм рекламного нейминга спекулятивные языковые стратегии, в частности профанацию клиповой емкости сообщения, за которой кроется использование нечеткости ценностных ориентиров реципиента [32, с. 208].

Специфичность функционирования устной и письменной разновидностей городской речи проявляется и на уровне ортологии: представление об обязательной нормированности письма, закрепленное на уровне концептуальных структур национального сознания, обуславливает сопротивление публики использованию жаргонных и арготических элементов в городских текстах. Нередкими явлениями современной языковой ситуации стали судебные разбирательства на предмет оскорбительного содержания названий урбанистических объектов и торговых брендов [14, с. 62]. Абсолютная свобода в переключении субкодов в устной речи оказывается не параллельна соблюдению письменной нормы. Написанное слово вызывает более глубокую реакцию аудитории, нежели устный оборот, и что прощается при устном обмене информацией, то нередко табуировано при письменном. Хотя в последнее время при общении в социальных сетях ненормированность письменной речи стала практически равнозначна устной разновидности, однако статус эргонима и тем более прагматонима как текстов официального характера оказывается препятствием для стилистического снижения в процессе номинации.

Таким образом, суммируя результаты анализа методологических тенденции при изучении языка города, следует признать неравномерность научного «покрытия» проблематики данной сферы языкознания: его доминантой оказывается изучение городского ономастикона и в особенности — городской эпиграфики. Следует также признать необходимость отдельного рассмотрения в качестве объекта лингвистики фактов устной и письменной коммуникации, в частности явлений городской эпиграфики и городской речи, поскольку это две специфичные формы бытования языка города.

Выводы

При положительном и неоспоримом значении ономастического направления в лингвоурбанистике для определения ведущих тенденций варьирования языка необходимо системное и регулярное наблюдение за региолектами в сопоставительном аспекте их особенностей. Речевая стихия города позволяет с большей объективностью оценить степень девиаций групповых и территориальных субкодов и выделить среди них тот продуктивный пласт, который открывает исследователю глубинные изменения современного языка.

Список литературы

1. Баранова Л. А. Народные топонимы Симферополя (к вопросу о формировании лингвокраеведческой компетенции иностранных учащихся) // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция : сб. науч. ст. Симферополь, 2016. Т. 2. С. 40–47.

2. Бодуэн де Куртене И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10075813> (дата обращения: 20.07.2022).
3. Волков А. А. Грамматология. Семиотика письменной речи. М., 1982.
4. Гаранович М. В. Лексикографическое описание лексики субкультур г. Перми // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. Вып. 1. С. 33–37.
5. Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект // Тартуский университет : ученые записки. Вып. 442. Тарту, 1978. С. 64–112.
6. Евсюкова О. Н. Принципы номинации в топонимии Магадана // Региональная лингвистика (Крайний Север-Восток России) : учеб. пособие. Магадан, 2016. С. 173–190.
7. Ерофеева Т. И. Локальные элементы в литературной речи горожан // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990. С. 15–22.
8. Ерофеева Т. И. Современная городская речь. Пермь, 2004.
9. Ерина Т. Н. Чебоксарский региолект русского языка: лингвистические наблюдения // Вестник Чувашиского университета. 2015. №4. С. 239–242.
10. Живая речь уральского города. Свердловск, 1988.
11. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. №6. С. 6–38.
12. Замалетдинова Л. Р. Современные русские урбанонимы в аспекте креативной речевой деятельности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
13. Земская Е. А. Языковая игра. М., 1983. С. 172–214.
14. Иванова Г. А. Городская вывеска: внешняя и внутренняя сторона эргонима // Интерпретация образа человека: Опыт лингвистического описания собирательного образа горожанина (образ жителей г. Кирова) / науч. ред. Л. В. Калинина, С. В. Чернова. Киров, 2011. С. 57–62.
15. Исмаилова Н. В. Язык города Уфы: функционирование различных подсистем и билингвизма : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2007.
16. Китайгородская М. В. Наблюдения над построением устного просторечного текста // Разновидности городской устной речи : сб. науч. тр. / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М., 1988. С. 156–182.
17. Клименко Е. Н., Попова Т. В. Словарь екатеринбуржца. Екатеринбург, 2012.
18. Колесов В. В. Язык города. М., 1990.
19. Коновалова О. Ю. Языковая игра в современной русской речи. Владивосток, 2008.
20. Красильникова Е. В. Язык и культура (к изучению языка города) // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990. С. 4–8.
21. Красильникова Е. В. О различных явлениях в языке жителей разных городов // Функционирование литературного языка в уральском городе : сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 4–12.
22. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2000. №5. С. 63–91.
23. Крысин Л. П. О Толковом словаре русской разговорной речи // Слово и язык. М., 2011. С. 446–456.
24. Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М., 2003.
25. Лебедева Н. Б. Русская естественная письменная речь: проблемы и задачи лабораторного исследования // Актуальные проблемы русистики : сб. ст. Томск, 2000. С. 257–263.

26. Литневская Е. И. Письменные формы разговорной речи (К постановке проблемы). М., 2011.
27. Лутовинаова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия Российского педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 71. С. 58–65.
28. Михайлокова Н. В. Отражение социальной дифференциации языка в текстах вывесок (на материале языка г. Владивостока) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. № 4 (22). С. 303–308.
29. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку : в 2 т. М., 2007. Т. 2.
30. Петров А. В. Реализация творческого потенциала в речи крымчан // Современная картина мира: крымский контекст. Симферополь, 2017. С. 45–68.
31. Подберезкина Л. З. Язык столбистов // Язык и личность. М., 1989. С. 89–96.
32. Попова Т. В. Современные графо-орфографические игры: коммуникативные удачи и неудачи (на материале графикатов русского языка рубежа XX–XXI вв.) // Лингвистика креатива-2. Екатеринбург, 2012. С. 147–164.
33. Региональная лингвистика. Магадан, 2016.
34. Сиротинина О. Б. Языковой облик города Саратова // Разновидности городской устной речи. М., 1988. С. 247–253.
35. Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI вв. М., 2007.
36. Стернин И. А., Адонина Л. В. Концепт русский язык в сознании севастопольцев // Аналитический сборник по результатам мониторинга функционирования русского языка в г. Севастополе. Севастополь, 2007. С. 163–188.
37. Сысоева В. А. Градоведение как междисциплинарная наука о городе // Наука – образованию, производству, экономике : матер. 11-й Междунар. науч.-техн. конф. Минск, 2013. Т. 2. С. 390–391.
38. Тан Х., Криницкая М. Ю. Функционирование неофициальных топонимов в русском и китайском языках // Ученые заметки ТОГУ. 2016. Т. 7, № 3 (2). С. 143–146.
39. Хакимова Е. М. Лексический субстандарт в функциональном аспекте // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2012. № 12. С. 86–92.
40. Хорошева Н. В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3 (15). С. 32–36.
41. Чепурина И. В. Контаминированные производные в спонтанной речи жителей Крыма // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2017. Т. 3 (69), № 2. С. 118–134.
42. Шарипова О. А. Неофициальные топонимы как подсистема языка города // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Гуманитарные науки. С. 203–206.
43. Шарифуллин Б. Я. Языковая политика в городе: право языка vs. языковые права человека (право на имя) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 172–181.
44. Шмелева Т. В. Язык города: опыт изучения и перспективы. История как серия открытий // Аналитический сборник по итогам мониторинга функционирования русского языка в г. Севастополе. Севастополь, 2007. С. 111–162.

45. Щерба Л. В. О тroyаком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.
46. Юнаковская А. А. «Язык города» как лингвистическая проблема // Вестник Омского университета. 2011. №3. С. 193–197.
47. Яковлева Е. А. Лингвистическое градоведение: достижения, проблемы, перспективы (на примере исследования языка полиэтничной Уфы) // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, №6. С. 419–434.
48. Яценко Т. А. Прагматонимы как отражение языковой картины мира крымчанина // Современная картина мира: крымский контекст. Симферополь, 2017. С. 68–90.
49. Blommaert J. Sociolinguistic & English language studies // Urban language & Literacies. 2012. Paper 85.
50. Grice H. P. Presupposition and Conversational Implicature // Radical Pragmatics. N. Y., 1981. P. 183–198.
51. Wiese H. Voices of language outrage: Standard language constructs and the discourse on new urban dialects // Urban language & Literacies. 2014. Paper 120.

Об авторах

Александр Владимирович Петров — д-р филол. наук, проф., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия.

E-mail: liza_nada@mail.ru

Наталья Юрьевна Тимофеева — канд. филол. наук, преподаватель русского языка и литературы, медицинский колледж «Монада», Евпатория, Россия.

E-mail: natashanorge@mail.ru

Инна Владимировна Чепурина — канд. филол. наук, доц., Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Россия.

E-mail: simgt@inbox.ru

A. V. Petrov¹, N. Y. Timofeeva², I. V. Chepurina³

URBAN SPEECH AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH: WRITTEN AND SPOKEN VARIETIES

¹Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

²Organization of Professional Education medical college “Monada”,
Evpatoriya, Russia

³Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russia

Received 31 July 2022

Accepted 26 November 2022

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-1

To cite this article: Petrov A. V., Timofeeva N. Yu., Chepurina I. V. 2023, Urban speech as an object of linguistic research: written and spoken varieties, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1. P. 5–15. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-1.

The article focuses on methodological tendencies in urban language research. Authors, meanwhile, substantiate rationality of its spoken and written varieties as separate fields of study. These studies are marked with a high rate of activity and they highlight a new concept of the «regiolect» – a regional variety of the national language. The analysis of the scientific results of linguo-urbanistics reveals the dominance of the onomastic vector and obvious lack of research into urban speech. The authors specify discrepancies in the function of written and spoken language in linguistic, semiotic and psychological aspects. They also state destructive results of simple mechanical transfer of oral speech techniques to urban epigraphy, the differences between word-formation processes in written and oral speech are described. The visibility of a written sign, the possibility of hybrid word formation with the help of other symbolic and graphic systems, as well as the activity of language norms are listed as features of written communication. A distinctive feature of the oral form is the possibility of meaning explication through non-verbal signs. According to the authors, greater reliability of scientific results in the field of modern urban studies can be achieved through compliance with the principle of unmixed study of living speech and urban writing.

Keywords: urban language, regiolect, urban text, colloquial speech, language norm

The authors

Prof Alexander V. Petrov, Professor, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

E-mail: liza_nada@mail.ru

Dr Natalia Y. Timofeeva, Lecturer, Organization of Professional Education medical college “Monada”, Evpatoriya, Russia.

E-mail: natashanorge@mail.ru

Dr Inna V. Chepurina, Associate Professor, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russia.

E-mail: simgt@inbox.ru

А. С. Фалеева

СОЧЕТАНИЯ В ПОТОКЕ + Р. П. И БЫТЬ В ПОТОКЕ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Вятский государственный университет, Киров, Россия

Поступила в редакцию 25.02.2022 г.

Принята к публикации 13.05.2022 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-2

16

Для цитирования: Фалеева А. С. Сочетания *в потоке* + Р. п. и *быть в потоке* в современной русской речи // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №1. С. 16–29. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-2.

На примере непредикативного сочетания *в потоке* + Р. п. и предикативного сочетания *быть в потоке* рассматривается проблема метафорической вербализации внутреннего состояния человека. Внимание к семантике лексемы *поток*, а также к коннотативным особенностям указанных сочетаний обусловлено высокой частотностью метафорического употребления слова *поток* и сочетаний типа *я в потоке* в текстах современных СМИ и социальных сетей. Цель статьи — выявить семантические особенности и коннотативные признаки сочетаний *в потоке* + Р. п. и *быть в потоке*, используемых в современной русской речи. В основе исследования лежат методы компонентного и контекстуального анализа. В работе эксплицированы коннотативные семы существительного *поток*, представленные в его словарных толкованиях; на материале данных Национального корпуса русского языка выявлены и проанализированы коннотативные семы, актуализирующиеся при употреблении сочетаний *в потоке* + Р. п. и *быть в потоке* в конкретных типах контекстов. Показано, что феномен потока в русском языковом сознании оценивается преимущественно отрицательно, что выражается с помощью определенных лексико-семантических и морфолого-синтаксических языковых средств, регулярно встречающихся в контекстах.

Ключевые слова: семантика, состояние, коннотации, метафора, в потоке

Введение

Для описания явлений окружающей действительности, феноменов духовной жизни или собственного состояния человек часто использует метафоры. В рамках когнитивного направления в лингвистике «метафору принято трактовать как одну из основных ментальных операций, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [27, с. 72]. В последние годы наблюдается повышенный интерес исследователей к способам метафорической вербализации физических и эмоциональных внутренних состояний человека. Так,

например, Н.Г. Талашова на материале английского языка выявляет средства описания женских отрицательных эмоциональных состояний [19], Е.Ф. Жукова анализирует, как выражается семантика психоэмоционального состояния в пословицах [9], Л.В. Тарасова и О.В. Байкова делают обзор работ, в которых описываются языковые маркеры состояния депрессии [20]. Ср. также наш опыт исследования темпоральной лексики *весна* как репрезентанта внутреннего состояния человека [25]. Актуальность такого рода работ обусловлена тесным взаимодействием лингвистики и психологии в рамках антропоцентрической парадигмы научного знания. «Язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество», — писал И. А. Бодуэн де Куртенэ [2, с. 71].

Настоящая статья посвящена исследованию одной из распространенных концептуальных метафор — метафоры водного потока, с помощью которой человек характеризует многие процессы окружающего мира и собственной внутренней жизни, ср.: *жизнь течет, время протекает, речь льется, эмоции переливаются через край*.

Н. А. Туралина отмечает: «Все индоевропейские народы считали воду культовым явлением» [24, с. 89]. С бытовой точки зрения, как утверждает С.М. Богатова, сравнение жизни с водой также вполне закономерно: «Вода является неотъемлемым атрибутом жизни любого человека, мы оперируем с водой ежедневно и ежечасно, сталкиваемся с ней в различных ее проявлениях и агрегатных состояниях» [3, с. 19]. Сочетание архетипической природы феномена водного потока и важной роли воды в повседневной жизни каждого человека способствует вневременной актуальности данной метафоры.

Новизна исследования заключается в том, что традиционная метафора водного потока, образно представляющая внутреннее состояние человека, в статье впервые анализируется с учетом широкого контекстуального окружения, что позволяет проследить и объяснить возникновение у данной метафоры в русском языковом сознании отрицательных коннотаций. Эти отрицательные коннотации парадоксальным (на первый взгляд) образом возникают у предикативного сочетания, активно используемого в современной речи и призванного номинировать гармоничное внутреннее состояние человека: *быть в потоке*.

Кратко охарактеризуем суть наблюдаемого процесса.

В XXI в. в публицистических текстах и в живой разговорной речи стало активно употребляться предикативное сочетание *быть (пребывать, находиться, ощущать себя...)* в потоке, обозначающее внутреннее состояние человека, ср.: *В жизни, я считаю, нужно **быть в потоке** — без информационных технологий сегодня уже не обойтись!* (Татьяна Романова. «В том, что моя жизнь изменится, я не сомневаюсь» // lenta.ru. 21.10.2019). *И мы не чувствовали какой-то особой усталости. **Мы были в потоке**. С самого детства я был погружен в спортивную среду («Спорт драйвит бизнес!» // lenta.ru. 13.12.2017). Часы ограничивают: когда смотришь на них, **находишься не в потоке** — то есть время управляет тобой, а не ты им («У России нет того самого миллиарда...» // lenta.ru. 28.11.2017). Когда **вы в потоке**, лучшее приходит к вам естественным путем* (Прачева И. Быть в потоке: со-

веты энергетического специалиста №1 в мире // www.marieclaire.ru). Ты только из отпуска, поэтому пока «не в потоке»)) Дай себе время) (forum.cosmo.ru. 21.03.2009).

Рассматриваемое состояние впервые получило название «потока» в работах американского психолога М. Чиксентмихайи, заметившего, что люди описывают состояние внутреннего подъема, вдохновения, погруженности в свое занятие, используя метафору несущего их потока. М. Чиксентмихайи охарактеризовал этот феномен в книге «Поток: Психология оптимального переживания» [26].

В русском языке лексема *поток* тоже обладает метафорическим потенциалом: в словарях у нее выделяется до четырех дефиниций [4; 8; 16; 21; 22]. Новое, предикативное употребление сочетания *в потоке* пока еще не отражено в словарях, освоено не всеми носителями русского языка и наблюдается прежде всего в языке интернета и социальных сетей, причем в текстах интернет-публикаций проявляется неоднозначное отношение носителей языка к «потоку» как 'состоянию воодушевления, вдохновения, гармонии внешнего и внутреннего'. Анализ случайно выбранных 65 постов в Инстаграме* с хештегом #впотоке, включенным в текст, показал, что в 31 контексте содержится нейтральное или положительное отношение к пребыванию *в потоке*, а 34 контекста включает элементы, свидетельствующие об иронии пишущего: смайлы, обозначающие смех; вводные конструкции: *как модно сейчас говорить, я нахожусь #вмоменте, #впотоке, #вресурсе*; создание похожих хештегов по популярной модели «предлог В + предложный падеж»: *текст написан #впотоке #вдоминикане; 11 лет #вресурсе, #впотоке, #вмоменте, не хватает нашего сопровожданца, она #вотпуске* и др. Ср. в связи с этим сделанные ранее А. А. Матусевич наблюдения относительно распространения номинаций по модели названия социальной сети «ВКонтакте» и их часто негативной оценки носителями языка [14, с. 49].

Почему же сочетание *быть в потоке*, обозначающее внутреннюю гармонию, в русской речи оказывается способным развивать отрицательные коннотации? Мы предполагаем, что это происходит под влиянием семантики давно известного русскому языку непредикативного сочетания *в потоке чего-либо*, которое тоже может обозначать состояние человека. Ср.: *Все труднее становится ориентироваться в потоке новых проектов, ремейков и спин-оффов* (Илья Кролевский // lenta.ru. 13.12.2019). *И все мы — и зеки, и сотрудники — медленно растворяемся в потоке времени...* (Варсегов-Грачева. «А у нас на зоне...». Записки начальника отряда Дмитрия Пентегова. Часть 2 // Комсомольская правда. 22.02.2013). *Я в потоке ежедневных дел забыла об этом случае, и вдруг выясняется, что она действительно подала в суд!* (Я наказала сотрудницу-хамку // Труд-7. 25.02.2009). *В потоке информации никто о красоте письма и слова уже не задумывается, а жаль* (Агишева Гузель. Вы любите получать бумажные письма? // Труд-7. 09.10.2007). *Главное — не слушать, иначе застрянете в потоке слов и бесполезных советов* (Наталья Гранина. Продавцы и покупатели устали друг от друга // Известия. 13.01.2006).

* Принадлежит Meta — организации, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Цель статьи — проанализировать семантическое развитие лексемы *поток* в русском языке и проследить появление определенных коннотаций у непредикативного сочетания *в потоке* + *Р. п.*

Для того чтобы достичь данной цели, необходимо предпринять следующие исследовательские шаги:

- проанализировать словарные дефиниции слова *поток* в словарях русского языка разных исторических периодов;
- обратиться к Национальному корпусу русского языка для извлечения примеров употребления сочетания *в потоке* в предикативной и непредикативной позициях;
- выявить семантические особенности непредикативного сочетания *в потоке* + *Р. п.* с учетом его типичного контекстуального окружения;
- сделать вывод о возможном влиянии семантики непредикативного сочетания *в потоке* + *Р. п.* на восприятие носителями языка предикативного сочетания *быть в потоке*.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили 386 контекстов из основного корпуса Национального корпуса русского языка [15], включающих в себя предложно-падежную словоформу *в потоке*. При этом примеры непредикативного употребления данной словоформы значительно преобладают над примерами предикативного употребления (в соотношении 378:8), что говорит, во-первых, о новизне предикативного употребления сочетания *быть в потоке* для русской речевой практики и, во-вторых, о важности анализа особенностей традиционного, непредикативного, функционирования сочетания *в потоке* + *Р. п.* для понимания того «фона», на котором в русскую речь входит предикативное сочетание *быть в потоке*.

В ходе работы применялись методы анализа словарных дефиниций, компонентного, контекстуального анализа; для получения общих статистических данных использовались корпусные менеджеры Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Исследование осуществлялась в несколько этапов. Был проведен анализ предметно-денотативных и коннотативных сем лексемы *поток*, отраженных в этимологических и толковых словарях. Далее были выявлены семантические особенности контекстов, в которых употребляется непредикативное сочетание *в потоке* + *Р. п.*, после чего все контексты были распределены на три тематические группы: *в потоке* + *Р. п.* в событийном аспекте, *в потоке* + *Р. п.* в эмоционально-психологическом аспекте и *в потоке* + *Р. п.* в философско-бытийном аспекте. Затем был осуществлен анализ коннотативного содержания исследуемых контекстов и самого сочетания *в потоке* + *Р. п.* За основу анализа было взято представление о коннотации как об области значения, включающей не только стилистические компоненты, но и ассоциации, культурные представления и оценки. При этом, по мнению П. Ю. Красицьниковой, «оценка занимает высшую позицию в иерархии компонентов коннотативного значения» [11, с. 30]. В результате проведенной работы был сделан вывод о возможном влиянии существующих оценочных коннотаций непредикативного сочетания *в потоке* + *Р. п.* на восприятие носителями русского языка предикативного сочетания *быть в потоке*.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе исследования мы изучили семантические и коннотативные признаки лексемы *поток*, отражающиеся в этимологических и толковых словарях.

В этимологическом словаре под редакцией Н. М. Шанского указывается, что происхождение и внутренняя форма слова *поток* напрямую связаны с глаголом *течь*: «Поток. Общеслав. Производное (с перегласовкой *e/o*) от *potekti (> *потечь*). См. *течь*. Буквально — «текущая вода» [29]. Внутренняя форма мотивирует прямое значение лексемы *поток*, фиксируемое толковыми словарями, ср.: «Поток — стремительно текущая река или ручей» [4, с. 942].

20

Семантика лексемы начала расширяться еще в древнерусском языке, о чем свидетельствуют данные «Материалов к словарю древнерусского языка» И. И. Срезневского. Словарная статья содержит три актуальных и в настоящее время дефиниции: «Поток — 1) поток, ручей; струя; 2) яма, ров с водой; 3) стремительное движение, натиск» [13, с. 1292].

В статье из толкового словаря В. И. Даля содержатся сведения, что существительное *поток* может быть производным от глаголов *потекать* (направиться потоком, течь) и *поточить* (разграбить, расхитить). Данная словарная статья богата иллюстративным материалом, в котором отражается широкая сочетаемость существительного *поток*: *Толпы за толпами потекли на площадь. Поток времен, бег, ход, течение времени. Поток ругательств, брани. Потоки слез. Неудержный поток любви, ненависти* [21, с. 365]. Примеры показывают, что лексема *поток* сочетается с конкретными и с абстрактными, с одушевленными и неодушевленными существительными, что подчеркивает ее семантическую многогранность.

В толковых словарях Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, Д. В. Дмитриева, С. А. Кузнецова для определения лексемы *поток* (света, людей, слез, слов, чувств и т. д.) используется слово *масса*: «Поток — движущаяся в каком-л. направлении (направлениях) масса чего-л.» [4, с. 942]. *Масса* — это вещество, компоненты которого однородны: «Масса — 2. Тестообразное бесформенное вещество, густая смесь» [16, с. 284], а это значит, что предметы, люди, мысли, двигающиеся в потоке, тоже теряют «форму» и индивидуальность.

В словарях С. И. Ожегова, Д. В. Дмитриева, Т. Ф. Ефремовой отражаются относительно недавно появившиеся значения слова *поток* — «точное производство» и «группа учащихся». В сознании русских людей товары, произведенные при единичном производстве или вручную, воспринимаются как более качественные и ценные, чем те, что вышли с потоковой линии. Поток ориентирован на «средние стандарты, а не на конкретного потребителя и его индивидуальные запросы» [17, с. 111]. Индивидуальное обучение или обучение в небольших группах также считается более продуктивным: именно в малых группах, а не в потоках обучающиеся «находятся в непосредственном взаимодействии друг с другом, что приводит к возникновению эмоциональных связей, а также специфических межличностных ценностей и норм» [1, с. 93].

Таким образом, в словарных статьях отражаются такие коннотативные признаки лексемы *поток*, которые в сознании носителей языка соотносятся с быстротой, снижением качества и стиранием индивидуальных черт.

В теории М. Чиксентмихайи состояние «потока» определяется через девять элементов: «ясная цель, баланс между способностями субъекта и требованиями задачи, недвусмысленная обратная связь, чувство контроля над своими действиями, внимание, слияние действия и сознания, потеря самосознания, ауто телические переживания, трансформация времени» [5, с. 428]. В перечисленных составляющих состояния «потока», казалось бы, наблюдается противоречие: ясная цель, чувство контроля соединяются с потерей самосознания. Психологи комментируют данный факт так: «В психологической науке пока отсутствует единое мнение о соотношении элементов “потока”, продолжаются дискуссии по уточнению следующих элементов “потока”: ясная цель, потеря самосознания» [5, с. 428].

С помощью анализа языковых данных можно определить, в каком состоянии находится человек при взаимодействии с потоком: видит перед собой ясную цель или ведет себя неосознанно. Проанализируем контексты из основного корпуса НКРЯ, в которых отражается отношение к состоянию *в потоке чего-либо* субъекта, взаимодействующего с «потоком» или являющегося его частью.

В процессе исследования контекстов нам удалось выявить, что феномен потока может рассматриваться в трех аспектах: в событийном — «в потоке событий, дел», в эмоционально-психологическом — «в потоке чувств и переживаний» и в философско-бытийном — «в потоке жизни, бытия, судьбы». Все контексты были распределены по группам в соответствии с выражаемым значением. Рассмотрим каждую группу и ее особенности подробнее.

1. «В потоке» в событийном аспекте значит «в потоке дел, событий, впечатлений». Примеры данной группы составили 23% от общего числа.

Словосочетание *в потоке событий* в контекстах встречается 13 раз. Также в анализируемых примерах используется выражение *в потоке жизни* со схожим значением «в потоке жизненных событий» (встречается 10 раз): *Он продолжает двигаться в потоке повседневной жизни* (А. Р. Фонарев. Развитие личности в процессе профессионализации // «Вопросы психологии»). Жизнь в данном случае рассматривается как «установившийся порядок в повседневном существовании; быт» [4, с. 306]. К этой же группе относятся сочетание *в потоке дел*, употребляющееся реже (4 раза): *Надеялись, что захлебнется в потоке текущих дел* (Г. Трошев. Моя война). В данной группе есть немало примеров, когда слова *событие* или *дело* заменяются близкими по смыслу: *в потоке обстоятельств, в потоке перемен, в потоке бед, в потоке забот и т. д.*: *Что она другой породы, Женя знала когда-то, да забыла в потоке забот* (Т. Набатникова. День рождения кошки).

Нередко после сочетания *в потоке* используются ряды однородных членов с бессоюзной связью. Ср.: *И это в тревожное время, сочиняя уйму музыки, живя в потоке переездов, гастролей, репетиций, спектаклей, перемещений стран, городов, квартир...* (Дневник С. С. Прокофьева. Первые впечатления // «Российская музыкальная газета»). *В потоке перемен, во*

вселенской толчее, переизбытке информации, в хаосе вспыхивающих и угасающих мод, при агрессивном давлении всяческих СМИ художник, как все мы, незаметно теряет свою независимость («Улитки после дождя» // «Театральная жизнь»). В шуме и грохоте больших городов, в потоке беспощадной политической, общественной, литературной жизни мне особенно отродно мое уединение (Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Воспоминания). Такие конструкции передают динамизм происходящих событий.

Поток в событийном аспекте также может рассматриваться и как внешний фактор, фон, чаще всего звуковой, ср.: *в потоке отборного негритянского мата, в потоке декламаций, в потоке поздравлений, в потоке музыки, в потоке глухих слов, в потоке громокипящего Символа Веры, в потоке самых убедительных просьб и воззваний о помощи.* Лексемы, обозначающие содержание потока, экспрессивны, называют не гармоничные, а создающие хаотичный шум звуки.

Можно сделать вывод, что в событийном аспекте поток воспринимается как нечто очень быстрое, динамичное, насыщенное и не всегда приятное.

2. «В потоке» в эмоционально-психологическом аспекте значит «в потоке чувств и переживаний, в потоке внутреннего состояния». Примеры данной группы составили 16,5% от общего числа контекстов.

Нахождение *в потоке чего-либо* как в особом внутреннем состоянии может оцениваться в контекстах как положительное: в потоке можно *пригреться* или *чувствовать себя хозяином положения*, ср.: *Пригрелся я в потоке воспоминаний* (Е. Весник. Дарю, что помню). *Он был теперь в потоке, там, где всегда чувствовал себя хозяином положения* (В. Аксенов. Таинственная страсть). Всего нам встретилось 18 примеров с положительными коннотациями. В то же время с помощью словосочетания *в потоке чего-либо* нередко выражается неудовлетворительное эмоционально-психологическое состояние: *в потоке полусознанных данных, в потоке переживаний, в потоке пустяковых мыслей, в потоке нервного излучения* — в 22 примерах присутствуют слова с отрицательной оценочностью.

Одним из употребительных в контекстах стало устойчивое сочетание *в потоке сознания* (14 примеров): *О, эти острые, колющие мозг мелочи в потоке сознания, сколь о многом они говорят, когда он передает нам духовное напряжение и жажду равновесия* (А. Эфрос. Профессия: режиссер). Поток сознания — это одна из ведущих для философии метафор, предложенная американским философом У. Джемсом: «Всякий определенный образ в нашем сознании погружен в массу свободной, текущей вокруг него “воды” и замирает в ней» [7, с. 36]. Примеры и цитаты из психологической литературы показывают, что мысли в «потоке сознания» выходят из-под контроля.

Стоит отметить, что в контекстах, указывающих на то, как человек ведет себя «в потоке», встречаются и глаголы движения: *двигаться, плыть, плавать, купаться* (8), и глаголы эмоционального восприятия: *чувствовать себя, ощущать себя, реагировать* (7), и глаголы статики: *располагаться, быть, находиться, лежать, жить* (10). Примерно одинаковое количественное соотношение между данными группами глаголов в очередной раз указывает на действительную непредсказуемость поведения «в потоке»,

а пусть и незначительное преобладание статичных глаголов свидетельствует о бездеятельности, пассивности субъекта, находящегося в данном состоянии: *Я лежал в ожидании нового приступа и в потоке несущихся воспоминаний искал что-то* (М. Тарковский. Жизнь и книга // «Октябрь»).

Некоторые из контекстов, наоборот, призывают войти в состояние потока и двигаться вместе с ним: *Писатель, чтобы быть не в болоте, а в потоке, должен все время оставаться автором книги вообще* (О. Славникова. Капсула времени // «Октябрь»). *Только истинно взрослый способен в потоке читать не паузы, а — поток* (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана). *Пожалуй, я бы определила счастье, как состояние участия в потоке* («Желания: единственный мотор, который нас не обманывает» // «Пятое измерение»). Эти примеры побуждают к движению в единстве с потоком и противопоставляют поток статичному состоянию: *не в болоте, а в потоке; не паузы, а поток; состояние участия в потоке*. Данные контексты афористичны и отражают понимание потока, отраженное в работах М. Чиксентмихайи.

Таким образом, примерно одинаковое соотношение активного и пассивного типов поведения в потоке чего-либо, а также положительного и отрицательного отношения к состоянию в потоке чего-либо свидетельствует о еще несформировавшемся представлении о внутреннем эмоциональном состоянии потока как об однозначном феномене.

3. «В потоке» в философско-бытийном аспекте значит «в потоке жизни, в потоке бытия, в потоке судьбы». Поскольку водный поток — это метафора, связанная с водой как основой мироздания, она часто употребляется в философских контекстах. Примеры данной группы составили 60,5% от общего числа анализируемых примеров. Их анализ позволил сделать следующие выводы.

Поток жизни может рассматриваться как поток событий, поток общего оживления или поток бытия. Значение «в потоке жизни, то есть в потоке оживления, возбуждения содержится в четырех примерах, ср.: *Очень скоро, поднявшись по длинной, широкой лестнице, они снова оказались в потоке жизни* (И. Бахтина. Зачем я тебе?). Значение «в потоке жизни как в потоке бытия» встречается 16 раз: *Восточная традиция выражается у Богданова в естественном растворении в «потоке бытия»* (В. Шпаков. Одинокий голос человека). *Мы пылинки в потоке мировой судьбы* (Ю. Бондарев. Выбор // «Огонек»). *Я — электрическое нечто в потоке электричества по всей Вселенной, в потоке материи* (Ю. К. Олеша. Книга прощания). *В потоке природного бытия личности не на чем утверждаться* (В. В. Зеньковский. История русской философии). Если к потоку жизни как к потоку событий или общего оживления в контекстах проявляется нейтральное отношение, то поток бытия оценивается как нечто неподвластное человеку: об этом свидетельствует употребление слов и словосочетаний *растворение в потоке бытия, не на чем утверждаться, тонули в потоке бытия, пылинки*.

Нахождение в потоке иногда рассматривается как развернутая метафора всего существования, как неизбежная реальность. Поток в этом случае может сопоставляться или отождествляться с жизнью, ср.: *И, конечно, в потоке читательских писем причудливо переплетаются трагическое и комическое, как они переплетаются в жизни, да и художественном*

мире самого Шолохова (Н. Корниенко. «...Душою плачешь и смеешься от души» // «Наш современник»). В потоке *этой реки (то есть жизни)* повседневные события сгущены предельно; спасти его — все равно что грести против течения *в потоке, в котором несутся все* (Ю. Трифонов. Дом на набережной).

Часто развернутые метафоры представляют собой периоды, в структуре которых в очередной раз подчеркивается динамичность состояния потока: *Им некогда, они летят, плывут, несутся в потоке, загибают руками, все дальше и дальше, все скорей и скорей, день за днем, год за годом, меняются берега, отступают горы, редуют и облетают леса, темнеет небо, надвигается холод, надо спешить, спешить — и нет сил оглянуться назад, на то, что остановилось: и замерло, как облако на краю небосклона* (Ю. Трифонов. Дом на набережной). В данном примере «в едином потоке» находятся глаголы движения, наречия образа действия в сравнительной степени, фразеологизмы; отражается и стремительная смена времени (*день за днем, год за годом*), и смена пространства (*все дальше и дальше; меняются берега, отступают горы*), и погодных условий (*темнеет небо, надвигается холод*). Кульминацией становится повторение глагола *спешить*, после которого во второй части периода делается заключение: после такого интенсивного движения в потоке у человека «нет сил оглянуться назад».

Развернутые метафоры часто включают в себя длинные ряды однородных членов, построенных градационно: *Ничего, кроме событий, фактов, имен, названий, лет, минут, часов, дней, десятилетий, столетий, тысячелетий, бесконечно исчезающих в потоке, наблюдаемом мною, Клио, в потоке, не ведающем горя, лишенном страсти, текущем не медленно и не быстро, не бессмысленно, но и без всякой цели, в потоке, затопляющем все* (Ю. В. Трифонов. Нетерпение). Субъект не успевает осознать, что происходит с ним в стремительном потоке, *текущем не медленно и не быстро, не бессмысленно, но и без всякой цели*.

Состояние *в потоке чего-либо* представлено в развернутых образных контекстах как естественное и постоянное. Об этом свидетельствует использование таких лексем и их сочетаний, как *непрерывно, постоянный, естественный, все время, естественная необходимость, природные законы, истины, вечность: Люди ведь все время в потоке событий...* (В. В. Вишневский. Дневники военных лет). Здесь очень интересно отношение Декарта к тому, что складывается стихийно, *в потоке* или что древние называли «зависимыми происхождениями», «*потоком естественной необходимости*» (М. Мамардашвили. Картезианские размышления).

В анализируемых контекстах прослеживается идея упования человека на судьбу, в некоторых примерах лексемы *поток* и *судьба* выступают как синонимы: *Мы все лишь крошечные частицы, плывущие в потоке, который мы зовем судьбой* (П. Е. Рубинин. Хроника: 1894—1984). *Ты — щепка в потоке: вынесет или нет — воля Судьбы* (К. Серафимов. Экспедиция во мрак). В данных примерах выражается мысль о полной зависимости человека от судьбы-потока.

Похожая идея выражается также при помощи не единичного употребления фразеологизма *щепка в потоке* (10 употреблений). Это выражение пришло из индийской философии: «Поэтому-то Будда и говорит: “Будь как щепка в потоке”. Вы станете щепкой в потоке лишь в том слу-

чае, если отбросите мысль о своем “я” — в противном случае вы ею не станете, борьба будет продолжаться» [18]. В восточной картине мира к данному феномену имеется положительное отношение. Наоборот, в русском языковом сознании само слово *щепка* обладает отрицательными коннотациями. Так, анализируя употребление фразеологизма *щепка в море*, А. С. Голикова заметила, что «в русском языке “щепка в море” является метафорой... для беспомощности перед слепой судьбой» [6].

Действительно, в анализируемых контекстах присутствуют семы пассивности, слабости, ср.: *дело в потоке: он берет тебя, как щепку, и несет; как щепки в потоке воды, несет всех в одном направлении; люди и эпизоды мелькают, как щепки в потоке*. В потоке теряется уникальность и индивидуальность личности: *Счастье общности, где все не щепки в потоке* (М. Анчаров. Самшитовый лес); личность умалывается, уничижается: *Сталкиваются в потоке жизни отдельные щепочки* (М. А. Осоргин. Времена). Стоит отметить, что слово *щепка* и в других русских оборотах имеет отрицательный компонент смысла, ср.: *разбить в щепки, как щепка* (ирон. «очень худой, тощий»). В одном из примеров слово *щепка* заменяется словом *былинка*: *Чувствовала себя былинкой, что несетя в потоке* (А. П. Ладинский. Анна Ярославна — королева Франции). В словаре указывается, что *былинкой* называют обычно высохшую, пожелтевшую травинку [4, с. 107]. Частотное употребление фразеологизма *щепка в потоке* подчеркивает, что человек *в потоке чего-либо* бессилен.

В философском аспекте также рассматривается поток времени: «Уподобление времени, например, водному потоку является устойчивой схемой метафорического переноса для РЯКМ: время течет, течение времени, предлог в течение и т. д.» [10, с. 13]. В анализируемых примерах удалось обнаружить несколько вариантов выражения потока времени: авторы используют само словосочетание *в потоке времени* (21 употребление), словосочетание *в потоке истории* (6), а также варьирующиеся словосочетания *в потоке дат, будней, дней* и т. д. (5). Анализ контекстов показал, что словосочетание *в потоке времени* используется, когда автор указывает на пассивное положение субъекта в потоке: *Его герои не действуют, а скорее располагаются в потоке медленно текущего времени, обволакивающего их, скывающего, не позволяющего совершить элементарное действие* (О. В. Аронсон. Коммуникативный образ. Кино. Литература. Философия). *Ничто не менялось в потоке времени* (А. Дмитриев. Повесть о потерянном). *Мы можем в нем (во времени), как в потоке, стоять и ждать — то ли поток усилится и покроет нас с головой, то ли вдруг исчезнет под подошвами ног* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема). Поток истории, а также лет, будней, дней, наоборот, рассматривается как последовательный и динамичный поток событий: *Но есть в этой нескончаемой реке времени — в потоке дат, не привязанных ни к чему, — и какие-то надежные опоры* (О. Губин. 2012: конец света майя не покажется? // «Знание — сила»). *Но в потоке дней видны были берега трудовой жизни* (А. Белый. Серебряный голубь).

Таким образом, человек может находиться как в потоке реальных событий, так и в потоке субъективных и абстрактных ощущений: чувств, переживаний, бытия в целом. Однако во многих контекстах (в 121 проанализированном примере) проявляется негативное отношение к феномену потока и к состоянию субъекта, находящегося *в потоке чего-либо*.

В целом анализ контекстов позволил нам выделить следующие коннотативные признаки словосочетания *в потоке чего-либо*: динамизм, пассивность, стирание индивидуальности, отсутствие внутреннего и внешнего контроля, непредсказуемость, бессилие. Средствами выражения данных негативных коннотаций являются следующие.

1. Глаголы со значением растворения, исчезновения: *терять / теряться* (13), *растворять / растворяться* (14), *тонуть* (23), *задыхаться* (2), *барахтаться* (2), *исчезать* (8), *захлебываться* (9), *утонать* (7): Крик *теряется в потоке e-english* — *особого языка чатов* (Н. Лосева. Слезы без смайликов. Эмоциональное напряжение Сети поднялось до предела // «Известия»). *Все другие отношения с женщинами выстраиваются в потоке какого-то одного, общего желания, теряют свою характерность* (Н. Крыщук. «Да» и «нет» Николая Пунина // «Звезда»). *Ленинградский дух, дух творческой интеллигенции растворяется в потоке мигрантов* (Петроградградия // «Огонек»). *Мы барахтаемся в потоке и, время от времени выбираясь на берег (если не захлебнемся), пробуем осмыслить, оценить направление* (М.С. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей). Частотная употребительность глаголов *тонуть* и *растворяться* указывает на необратимость явлений, происходящих с человеком в потоке.

2. Выражения, указывающие на негативные последствия нахождения в потоке: *В потоке общественно-культурных изменений время сжимается, а человек и общество утрачивают почву под ногами* (А.Н. Ильин. Проблема информационного консьюмеризма // «Информационное общество»). *В потоке информации и напыщенных суждений индустриальная мощь СССР, колоссальные усилия армии и тыла начинают казаться ничтожными* (Ф. Вахитов. Ленд-лиз для русского солдата // «Бельские просторы»). *В потоке перемен... художник, как все мы, незаметно теряет свою независимость* (Улитки после дождя // «Театральная жизнь»).

3. Слова в родительном падеже, указывающие на содержание потока и обладающие негативной окрашенностью: *утонет в потоке информационного мусора, тонет в потоке литературы низкопробной, в потоке нелегальных переселенцев, теряясь в потоке более дешевого импортного мороженого; тонули в потоке клишированных образов; захлебываться в потоке казней, расправ и насилия и т. д.* (всего 27 словосочетаний).

4. Указания на то, что субъект в потоке теряет уникальность: *Становишься очередным глупцом в потоке эпифеноменов* (В. Приданников. Путь самоотверженного // «Уральская новь»). *Все другие отношения с женщинами выстраиваются в потоке какого-то одного, общего желания, теряют свою характерность* (Н. Крыщук. «Да» и «нет» Николая Пунина // «Звезда»).

5. Указания на то, что в потоке трудно выделить составные части: *не можем разобраться в потоке информации; не может их выделить в потоке информации; попытки нацунать в потоке сомнительных, а часто и фантастических сообщений о телепатии хоть что-либо достоверное; мелькало в потоке непонятных слов; в потоке мелких сообщений не мог ничего разобрать.*

6. Указания на шаткость состояния субъекта, находящегося в потоке чего-либо: *Плывущий в потоке нечистот человек еще не умер, но уже не*

жив (Н. Дежнев. Год бродячей собаки). В потоке природного бытия личности не на чем утверждаться (В. В. Зеньковский. История русской философии).

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Анализ контекстов употребления непредикативного сочетания *в потоке* + *Р. п.* показал, что человек может находиться в потоке событий, в потоке чувств и эмоций и в потоке бытия в целом. При этом, судя по языковому материалу, во многих случаях человек *в потоке чего-либо* теряет силы, становится пассивной частицей или теряет контроль над происходящим. Нами были выявлены шесть типов языковых средств, актуализирующих в условиях контекста семы 'динамизм', 'пассивность', 'стирание индивидуальности', 'отсутствие внутреннего и внешнего контроля', 'непредсказуемость', 'бессилие'. Перечисленные коннотативные признаки отчасти отражаются в словарных толкованиях существительного *поток*, но наиболее ярко проявляются при контекстуальном функционировании непредикативного сочетания *в потоке* + *Р. п.* Негативная «аура», сформировавшаяся у сочетания *в потоке чего-либо* в русской речи, свидетельствует об отрицательном отношении к феномену потока в русском языковом сознании. Вероятно, этот отрицательный коннотативный фон влияет на ироническое восприятие нового для русской речи предикативного сочетания *быть в потоке* и является одним из препятствий для освоения носителями русского языкового сознания его положительного значения.

Список литературы

1. Баранова Н. М., Змушко А. А. Инновационные технологии: обучение в малых группах по методике сотрудничества // Полилингвильность и транскультурные практики. 2008. №3. С. 92–97.
2. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. М., 1963. Т. 2.
3. Богатова С. М. Метафорическая модель «Жизнь — вода» в творчестве Вирджинии Вулф // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №3. С. 19–23.
4. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / под ред. С. А. Кузнецова ; РАН. Ин-т лингв. исслед. СПб., 2014. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01.02.2022).
5. Волк М. И., Савельева Д. И. Соотношение опыта «Потока» с особенностями внутренней мотивации и индивидуально-личностными чертами студентов // Вестник РУДН. Сер.: Психология и педагогика. 2017. №4. С. 427–439.
6. Голикова А. С. Межъязыковая интертекстуальность как фактор художественного перевода. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/Golikova-2018.pdf> (дата обращения: 14.01.2022).
7. Джемс У. Поток сознания. Психология. М., 1991.
8. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 14.01.2021).
9. Жукова Е. Ф. Психоземotionalное состояние человека в пословицах // Вестник НовГУ. 2013. №72. С. 93–96.

10. Катунин Д. А., Антонова М. К. Метафорическое представление времени как воды / жидкости в русской языковой картине мира // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. №1. С. 12–16.
11. Красильникова П. Ю. Оценочный компонент коннотативной семантики в поэтических текстах // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2017. №5. С. 25–34. doi: 10.18384/2310-7278-2017-5-25-34.
12. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. М., 2001.
13. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского. СПб., 1902. Т. 2. Л—П.
14. Матусевич А. А. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики : дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2016.
15. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.01.2022).
16. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М., 2019.
17. Орлова В. К., Гагарин А. И. Проблемы качества продукции в массовом производстве // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. №2. С. 109–112.
18. Ошо. Медитация. Первая и последняя свобода. URL: <https://osho.secretblog.ru/book53-read-online/154/> (дата обращения: 18.01.2022).
19. Талашова Н. Г. Средства описания женских отрицательных эмоциональных состояний (на материале английского языка) // Евразийский союз ученых. 2015. №11-4 (20). С. 42–44.
20. Тарасова Л. В., Байкова О. В. Языковые маркеры состояния депрессии // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. №2 (50). С. 278–281.
21. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. СПб. ; М., 1880–1882. Т. 3. П.
22. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003.
23. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2014.
24. Туранина Н. А. Стихии воды и огня в языковом сознании писателей-женщин // Наука. Искусство. Культура. 2012. №1. С. 88–92.
25. Фалеева А. С. Лексема *весна* как средство образной репрезентации внутреннего состояния человека // Мир русского слова. 2021. №4. С. 55–64.
26. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания / пер. с англ. Е. Перовой. М., 2012.
27. Шеховцева Т. М., Камышанченко Е. А. Структурирование концепта сила по антропоморфной метафорической модели (на материале современного английского языка) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. №46. С. 71–83.
28. Этимологический онлайн-словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky> (дата обращения: 11.01.2022).

Об авторе

Анна Сергеевна Фалеева — аспирант, старший преподаватель, Вятский государственный университет, Киров, Россия.

E-mail: FaleevaAnn@yandex.ru

A. S. Faleeva

**WORD-COMBINATIONS В ПОТОКЕ + GENITIVE
AND БЫТЬ В ПОТОКЕ IN MODERN RUSSIAN SPEECH**

Vyatka State University, Kirov, Russia

Received 25 February 2022

Accepted 13 May 2022

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-2

To cite this article: Faleeva A.S. 2023, Word-combinations *в потоке* + Genitive and *быть в потоке* in modern Russian speech, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1. P. 16–29. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-2.

29

*The article deals with the problem of metaphorical verbalization of the inner state of a person using the example of a non-predicative combination **в потоке** + Genitive and a predicative combination **быть в потоке**. Attention to the semantics of the lexeme **поток** (flow) and to the connotative features of these combinations is due to the high frequency of metaphorical use of the word **поток** and combinations like “**Я в потоке**” in the texts of modern media and social networks. The purpose of the article is to identify semantic features and connotative signs of combinations **в потоке** + Genitive and **быть в потоке** in the modern Russian speech. The research relies on component and contextual analysis. The work explicates the connotative senses of the noun **поток**, which are presented in its dictionary definitions; connotative senses that are actualized when using combinations **в потоке** + Genitive and **быть в потоке** in specific types of contexts are identified and analyzed on the data from the National Corpus of the Russian language. It is shown that the phenomenon **поток** in the Russian language consciousness is evaluated mainly negatively, which is expressed by certain lexical-semantic and morphological-syntactic language means that are regularly encountered in contexts.*

Keywords: semantics, state, connotations, metaphor, *v potoke* (with the flow)

The author

Anna S. Faleeva, Phd Student, Assistant Professor, Vyatka State University, Kirov, Russia

E-mail: FaleevaAnn@yandex.ru

Г. А. Заварзина

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННОГО ТЕКСТА И МЕТОДИКА ИХ ВЫЯВЛЕНИЯ

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия

Поступила в редакцию 23.08.2022 г.

Принята к публикации 29.11.2022 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-3

30

Для цитирования: Заварзина Г. А. Языковые маркеры террористически окрашенного текста и методика их выявления // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №1. С. 30–39. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-3.

Под террористически окрашенным текстом (Т-текстом) можно понимать речевое произведение, содержащее специфические языковые элементы террористической угрозы, по особенностям которых можно выявить не только социально опасную направленность высказывания, но и степень ее выраженности. Материалом для анализа послужил архив запрещенного в Российской Федерации экстремистского сайта «Kavkaz», в котором представлено несколько тысяч веток обсуждения разных тем. Была предложена комплексная методика анализа Т-текстов, направленная как на обнаружение, так и на идентификацию и распределение на шкале опасности Т-информации, – методика уровневой и семасиологического анализа языкового материала. Сделан вывод о том, что представленная методика позволяет определить в дискурсивном пространстве вербальные признаки террористической угрозы, представленные на эксплицитном и имплицитном уровнях, и таким образом обеспечивает высокий уровень объективности анализа языковых данных.

Ключевые слова: терроризм, дискурс терроризма, террористически окрашенный текст, языковой маркер, семасиологический анализ, анализ языковых уровней

Введение

Терроризм как явление международного масштаба в современную эпоху заставил многие государства признать, что именно он представляет собой одну из главных угроз их безопасности. Характеризуя средства осуществления террористической деятельности, следует понимать, что для достижения своих целей террористы используют как невербальные, так и вербальные приемы. Ср.: «Экстремизм немислим без вербальной составляющей... вербальная часть присутствует в любом экстремистском деянии как самоцель (подстрекательство, пропаганда) либо как этап подготовки преступления» [4, с. 52]. В настоящее время в связи с появлением новейших технических средств и способов

организации межличностной коммуникации произошли серьезные трансформации каналов ретрансляции вредоносной информации и технологий воздействия на сознание людей. Указанные факторы обуславливают необходимость разработки эффективной лингвистической методики, позволяющей обнаруживать в дискурсивном пространстве вербальные признаки террористической угрозы, представленные как на эксплицитном, так и на имплицитном (что особенно актуально в новейшую эпоху!) уровне.

Как известно, террористический дискурс представляет собой «совокупность чрезвычайно опасных, деструктивных высказываний, характеризующихся насильственным диктатом, анонимностью, симулятивностью» [11, с. 225], использованием иррациональных языковых конструкций, ориентированных на сокрытие реального положения вещей, что порождает двойные стандарты в восприятии террористических проявлений; использованием морально-амбивалентных социальных технологий, направленных на обеспечение нравственной поддержки политики террора и подчинение нравственно-политического сознания общества и др. Несомненно, «идеология неразрывно связана с понятием “дискурс” и оказывает влияние на структуры дискурсивных практик в целом и, конечно, на структуру дискурса конкретных обзоров общественного мнения в частности» [16, с. 223]. Одним из средств актуализации главной интенции дискурса терроризма — воздействия на реципиента и убеждения его в правильности своей позиции — является террористически окрашенный письменный текст (Т-текст), который содержит языковые элементы, или маркеры, позволяющие выявить не только социально опасную направленность высказывания, но и степень террористической угрозы. Подобные языковые средства, выступая «индикатором определенной идеологии, функционируют в тексте в качестве единиц репрезентации идеологического кода» [2, с. 141].

Материал и методы исследования

В качестве материала для исследования был использован архив датасета <https://www.azsecure-data.org>, в котором представлено большое количество так называемых веток обсуждения разной тематической (религиозной, бытовой, спортивной, политической) направленности, в которых участвуют несколько тысяч пользователей. Обращаем внимание на то, что в приведенных в настоящем тексте и выделенных курсивом примерах сохранена орфография и пунктуация источника. Трудность анализа подобных речевых произведений состоит в том, что террористически маркированная информация в них представлена чаще всего имплицитно в сообщениях, «на первый взгляд не имеющих никаких призывов, а замаскированных под личное или социальное мнение, авторскую ремарку или статистическую информацию» [4, с. 73].

Для анализа языкового материала была предложена комплексная методика, направленная на обнаружение → идентификацию → распределение на шкале опасности → блокировку (удаление) / пропуск информации, сочетающая элементы уровневого анализа языкового материала, в рамках которого текст рассматривается как смысловое пространство,

формируемое языковыми средствами разных уровней (лексического и грамматического), и семасиологического анализа, позволяющего выявить элементы жесткой идеологизированности, обусловленной господствующей в Т-пространстве террористической идеологией, и однонаправленной оценочности, определяемой соответствием / несоответствием того или иного понятия основным положениям идеологии терроризма. В качестве дополнительных методов исследования языкового материала применялись методы описательного и контекстуального анализа, лексикографический и статистический методы.

Результаты и обсуждение

32

Как известно, любой текст — это смысловое пространство, формируемое средствами разных языковых уровней: лексического и грамматического (словообразовательного, морфологического и синтаксического).

Исследование показало, что Т-индикаторами лексического уровня исследуемого текста могут выступать ключевые словесные знаки, являющиеся: а) наименованиями видов террористических актов и их особенностей (ср.: *захват заложников, поджог, взрыв, массовое убийство* и др.); б) обозначением субъектов террористического действия (напр., *муджахид* и др.) и субъектов — объектов, на которые направлено террористическое действие (напр., *заложник, кяфир, предатель, неверный* и др.); в) наименованием целей (результатов) террористического действия (напр.: *у меня все по полочкам, чеченцы у сердца, русские на мушке*); г) номинациями средств совершения террористических действий (напр., *бомба, выстрел, взрывчатка, детонатор, граната* и др.); д) обозначением направлений деятельности, связанных с производством, распространением, потреблением и развитием террористического продукта (напр., *убивать, взорвать, джихад, священная война* и др.). В семантике подобных лексических единиц, как правило, обнаруживаются ядерные или периферийные (потенциальные, вероятностные) семы *связанный с насилием; связанный с гибелью людей; основанный на запугивании; направленный на устрашение; содержащий угрозу обществу*. Ср. значение слова «терроризм» в толковых словарях русского языка: «устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства» [5]; «политика и практика террора, понимаемого как 1) устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения; 2) жесткое запугивание, насилие» [15] и др.; ср. также семантику словесного знака «терроризм» в энциклопедических словарях: «насильственные акты, совершаемые против лиц или объектов, находящихся под защитой государственных или международных прав» [3]; «преступление против общественной безопасности, которое выражается в совершении взрыва, поджога или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также в угрозе совершения указанных действий в тех же целях» [17].

Следует отметить, что особое место в структуре Т-окрашенного текста занимают терминологические лексемы, называющие виды оружия и его элементы (напр., *тактические фонари; лазерные целеуказатели; коллиматорные / голографические прицелы; гладкоствольное ружье Mossberg 500* и др.), негативно-оценочные словесные знаки, созданные по различным метафорическим и метонимическим моделям русского языка (ср. зооморфные метафоры и метафорические сравнения: *свиньи; ...подобны собакам, попробовавшим человеческой крови, – их можно только отстреливать...; если выбирать между двумя клетками, с голодным-бешеным медведем-россия и сытым дрессированным-НАТО, то, конечно, НАТО благо... пусть лучшие НАТО, чем Россия*), а также эвфемистические номинации, направленные на вуализацию опасных явлений реальной жизни (ср., напр., специальное приложение в операционной системе Android под наименованием «*Рассвет радостных вестей*», предназначенное для массового размножения и рассылки сообщений от имени пользователя в интересах «Исламского государства»^{*}).

Как показало настоящее исследование, отличительной особенностью террористически окрашенного текста являются жесткая идеологизированность [6; 8], обусловленная не особенностями отражаемых реалий, объективной внеязыковой или языковой действительностью, а господствующей в Т-пространстве террористической идеологией, и яркая однонаправленная оценочность, определяемая соответствием / несоответствием того или иного понятия основным положениям идеологии терроризма.

Идеологизированность находит свое отражение в плане содержания ключевых лексических единиц Т-текста и может проявляться на уровне всех макрокомпонентов значения: денотативного, или предметно-логического, компонента, представляющего собой результат абстрактно-логического отражения объективной действительности, закрепленный в сознании за данным словесным знаком; эмотивного, или эмоционально-оценочного, компонента, содержащего результат отражения принятых в обществе эмоций и оценок, связанных с реалией, которую обозначает данный словесный знак; собственно языкового компонента, в котором закреплены результаты отражения языковой действительности: информация о семантических отношениях данной словесной единицы в системе языка и об особенностях ее речевой реализации, закрепленных в семантике слова; эмпирического, или образного, компонента, показывающего результат чувственно-образного отражения предмета или явления, закрепленный в сознании за словесным знаком [7; 9].

Идеологизированные денотативные семы ключевых слов Т-текста содержат информацию о прогрессивности / непрогрессивности, истинности / ложности явления или понятия, о его морально-этической ценности с точки зрения добра и зла, справедливости, понимаемых в русле идеологии терроризма, а также информацию о солидарности / враждебности понятия террористической идеологии (напр., *terror – благо для мирового сообщества*). Идеологизированные денотативные семы мо-

^{*} Организация, признанная в соответствии с законодательством РФ террористической.

гут содержать и информацию о принадлежности реалии, обозначаемой словесным знаком, к той или иной политической формации или религиозной концепции (напр., *ислам – единственная религия, которая диктует правильный миропорядок; только законы, устанавливаемые мусульманскими странами, – законы, достойные существования на Земле*). Причем эта принадлежность определяется не объективными критериями, а идеологическими установками террористических организаций. Подобные семантические компоненты могут быть как ядерными и явно выраженными, так и периферийными, или вероятностными.

Эмотивный компонент в семантике ключевой лексики Т-текста содержит информацию о социальных оценках тех или иных реалий с точки зрения террористической идеологии. Как показывает языковой материал, в большинстве случаев идеологизированные оценочные семы формируются под влиянием идеологизированных денотативных сем и сопутствуют им. По характеру оценочности единицы Т-текста четко распадаются на две группы: слова с положительной оценочностью и слова с отрицательной оценочностью. Первая группа лексических единиц связана с обозначением понятий, принципиально важных для идеологии терроризма и составляющих саму ее суть (напр., *джихад, устрашение, насилие, террор, убийства* и др.), вторая группа слов – с обозначением понятий, враждебных террористической идеологии (напр., *русня, неверный* и др.).

В основе *собственно языкового* компонента значения лежат ассоциативные связи слов, присутствующие в сознании человека как члена определенного языкового коллектива. В структуре названного компонента значения слова мы выделяем три микрокомпонента: парадигматический, синтагматический и стилистический.

Парадигматический микрокомпонент значения слова заключает в себе информацию о парадигматических семантических связях словесных единиц в системе того или иного языкового образования или той или иной семантической общности слов. Среди регулярных отношений наиболее универсальными являются отношения синонимии и антонимии.

Многие процессы в развитии синонимических отношений в составе лексики Т-текста определяются господствующими в нем идеологическими установками. Указанный факт обуславливает существование в семантике многих слов идеологизированных парадигматических сем, содержащих информацию о существенных с точки зрения террористической идеологии синонимических связях и отношениях словесных знаков. Так, например, слово *моджахед* (и его вариант *муджахед*) в Т-дискурсе входит в синонимический ряд положительно окрашенных словесных знаков: *борец за веру – боец за правое, священное дело – джихадист* в значении «человек, прилагающий искренние усилия для духовного развития, распространения ислама и борьбе за веру» (ср. в общенародном русском языке: *моджахед – джихадист – душман – дух-повстанец – басмач – бандит*, члены которых имеют ярко выраженную отрицательную оценочность).

Синтагматический микрокомпонент [10] семантики слова, именуемый в научной литературе селективным компонентом значения [14],

конфигуративными признаками [13], сочетаемостной ценностью и др. отражает своеобразие его лексической, синтаксической и фразеологической сочетаемости. Как известно, допустимой является сочетаемость таких словесных единиц, в структуре значения которых присутствуют одинаковые или непротиворечащие семантические компоненты, и, наоборот, недопустимой — сочетаемость словесных единиц, имеющих антонимические или взаимоисключающие семы. Соответственно, лексемы Т-текста, которые содержат с точки зрения террористической идеологии ярко выраженную положительную оценку, употребляются только в сочетаниях, выступающих обозначениями понятий, присущих носителям этой идеологии. Ср.: *Путь к освобождению палестинских территорий от оккупации лежит... через участие всех правоверных арабов и палестинцев в священной войне — джихаде*. С другой стороны, прилагательные, обозначающие «чуждые терроризму» явления, сочетались с иными словесными единицами (напр., *русские оккупанты; американские террористы* и др.).

В стилистическом микрокомпоненте значения слова содержится информация о характеристиках, приобретаемых словом в процессе его речевого функционирования и закрепляющихся в сознании носителей языка за данной материальной оболочкой. В соответствии с основными типами стилистической информации, входящей в семантику языкового знака, стилистический микрокомпонент значения слова представит в нескольких разновидностях, которые условно могут быть названы функционально-стилистическим, количественно-стилистическим (частотно-стилистическим), темпорально-стилистическим, социально-стилистическим и экспрессивно-стилистическим микрокомпонентами.

Функционально-стилистический микрокомпонент значения, включающий информацию о принадлежности лексической единицы к той или иной функциональной разновидности языка, также может содержать идеологизированные семы. Так, напр., многие словесные знаки, номинирующие оружие и его виды и являющиеся, как правило, понятными только специалистам, в Т-тексте утрачивают сему «специальное» и становятся общеупотребительными.

Наполнение *количественно-стилистического* микрокомпонента значения, содержащего информацию об ограниченности или неограниченности употребительности слова, также во многих случаях определяется идеологическим установками терроризма. Так, например, высокая частотность употребления в Т-дискурсе свойственна словам, которые представляют собой наименования явлений и понятий, играющих значительную роль в жизни террористов (в первую очередь религиозные лексемы *Всевышний, Аллах, Коран, ислам, мусульмане* и различные цитаты из Корана). Значительную группу слов-характеристик Т-текста составляют жаргонные и просторечные лексемы, используемые для номинаций явлений и понятий, соотносимых исключительно с идеологическим противником: *А что вы такие смелые делаете здесь на форуме, так идите и укрепляйте Имарат, так сами признаете, что за поражениями придется отвечать*, а также инвективная (обценная) лексика.

В целом анализ собственно-языкового компонента ключевых лексем Т-текста позволяет говорить о том, что в содержании названного ком-

понента лексической семантики наглядно проявляется высокая степень идеологизированности, обуславливающая устойчивость ее синтагматических, парадигматических и стилистических характеристик.

Содержание *эмпирического* компонента значения отдельных единиц Т-текста во многих случаях также оказывается обусловленным идеологическими установками. Так, например, эмпирический компонент слова *муджахид* в сознании носителя террористической идеологии связан с представлением о мужественном, сильном человеке, сражающемся за справедливость (в отличие от объективного образа человека, связанного с убийствами, насилием и террором).

Очевидно, что словесные знаки, в плане содержания которых содержатся ядерные идеологизированные (с точки зрения идеологии терроризма!) семы, находятся ближе всего к шкале социальной опасности; слова с периферийными идеологизированными семками — в середине шкалы опасности; языковые знаки с вероятностными идеологизированными семками — на низком уровне шкалы опасности.

Маркерами словообразовательного уровня Т-языка, на наш взгляд, могут выступать: а) глагольные приставки *о-, по-, до-, за-, при-, у-*, которые приносят в основу деструктивных глаголов Т-текста значение общего результата действия. (напр., *покончить, добить, зарезать, пристрелить, убить* и др.); б) негативно-оценочные суффиксы при именовании лиц, против которых направлены террористические акты (напр., *русак, русня* и др.): *Да уж таких героев полно у русни; ты станешь для руссаков своим? русак стоит*); в) полные наименования террористических организаций вместо аббревиатур (напр., *Исламское государство* вместо ИГИЛ).

Среди маркеров морфологического уровня можно выделить:

— собственные имена существительные (напр., в разных графических вариантах *Аль-Каида**, *Хамас, Хесболла, Талибан**, *Братья-мусульмане**, *Партия исламского возрождения** и др.);

— отрицательно-оценочные имена прилагательные, в том числе окказионального характера (напр., *кафирская Русня; А это было руснийское даже то, что написано английскими буквами прочитать не может* и др.);

— формирующие четкие оппозиции местоимения *мы — они, наши — их*;

— деструктивные глаголы (в первую очередь в форме повелительного наклонения) с ядерной денотативной семой «лишить жизни» / «умертвить», как межстилевые (напр., *убить, добить, прибить, забить; застрелить, пристрелить, перерезать (горло), перестрелять; резать, зарезать, прирезать, перерезать; умертвить; ликвидировать; уничтожить; взорвать* и др.), так и стилистически окрашенные, содержащиеся в семантике ядерные функционально-стилистические семы «жарг.», «прост.» («грубо-прост.»), «разг.» и экспрессивно-стилистическую сему «сниженное»: *укокошить, разделить, истребить, кончить, порешить, прихлопнуть, обезглавить, мочить* и др.: *То есть захватить детей это нормально? Для русских нормально, и убивать их нормально, и грабить, сжигать беременных нормально (ваш Ульман), насиловать, потом убить, закопать... Ср., например, лозунг Неверных — мочить!, который содержит деструктивный призыв к уничтожению людей, исповедующих другую, не исламскую религию. Как отмечают тер-*

* Организации, признанные в соответствии с законодательством РФ террористическими.

рологи, «террористы используют фрагменты религиозных сочинений, вырывая из исторического контекста призывы к насилию и наполняя их новым содержанием, активизируя в рамках различных религий деятельность наиболее реакционных сект, члены которых становятся готовыми совершать насилие по отношению даже к представителям собственной религии, не разделяющим их представления о мире» [1, с. 199]. В образовании жаргонных глаголов могут участвовать приставки *за-* (*завалить*), *при-* (*прийткнуть*), *от-* (*отработать*), *раз-* (*разделаться*). Ср.: «Терроризм законодательно и объективно можно “зафиксировать” только тогда, когда крайние формы политического мышления переходят в “терроризм действия”» [12, с. 25];

– частица *давай (-те)*, участвующая в образовании форм повелительного наклонения глаголов в текстах-призывах.

Маркерами синтаксического уровня Т-текстов выступают:

– простые побудительные предложения, содержащие побуждение к насильственным действиям против лиц определенной национальности, расы, религии и / или иной социальной принадлежности;

– утвердительные высказывания, содержащие положительные оценки, восхваление геноцида, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, конфессии, этнической или иной социальной группы, оправдание культа силы и жесткости;

– сложные конструкции условного характера типа *Если не... (то)...* содержащие информацию угрожающего характера: сообщения о страшных последствиях, которые ждут аудиторию, если она не присоединится к субъект-группе или не будет преследовать объект-группу.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает графическое оформление языкового материала: наименования объектов «своего» мира приводятся авторами Т-текста всегда с прописной буквы (*Чеченская республика, Ичкерия*), а так называемые чужие имена собственные – со строчной, причем нередко с орфографическими ошибками (*русия, русня*), что, безусловно, отражает субъективное оценочное наполнение приводимых понятий (напр., *борьба за независимость Ичкерии*). Ср. также информацию о том, что в Telegram ИГИЛ часто использует хэштег #KhilafahNews для привлечения своих пользователей. Кроме того, авторы-создатели Т-текста нередко прибегают к транслитерированию текстовых данных (напр., *seychas mnogie sini Chechenii zanyati likvidaciyey soldat Rossiyskoy armii*).

Безусловно, лексический уровень языка позволяет выявить наибольшее число примеров социально опасных явлений, синтаксический – наименее ориентирован на обнаружение подобных элементов.

Выводы

Таким образом, предложенная методика анализа позволяет обнаружить языковые Т-индикаторы на всех уровнях системы языка и на уровне всех компонентов плана содержания словесных знаков, функционирующих в текстах террористического дискурса, что, безусловно, свидетельствует о разрушении в них системы традиционных представлений о добре и зле и весьма активном навязывании так называемой террористической картины мира. Подобная методика анализа, на наш

взгляд, может быть востребована при описании любых дискурсивных разновидностей, но особенно важна в процессе исследования разнообразных социально опасных текстов, содержащих информацию с элементами террористических / экстремистских угроз, что чрезвычайно актуально в настоящее время.

Список литературы

1. Базаркина Д. Ю. Модели общественных преобразований глазами террористов: революция или реакция? Попытка компаративного анализа на опыте ЕС // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. Вып. №41. С. 198 – 217.
2. Генералова С. Н. Идеологические коннотативы как отражение идеологического кода в президентском дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 7, №2. С. 137 – 145.
3. Гражданская защита. Понятийно-терминологический словарь / под общ. ред. Ю. Л. Воробьева. М., 2001.
4. Громова Н. С. Вербальный экстремизм как форма речевого манипулирования адресатом // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Ростов н/Д, 2016. Вып. 6. С. 72 – 76.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб., 2002.
6. Заварзина Г. А. Идеологизированность в семантике ключевых слов террористического дискурса // Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа. СПб., 2022. С. 573 – 578.
7. Заварзина Г. А. Русская лексика государственного управления: история формирования и современные процессы развития : дис. д-ра ... филол. наук. Воронеж, 2015.
8. Заварзина Г. А. Семантика политического словесного знака в современном русском языке // Вестник РУДН. Сер.: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2010. №3. С. 19 – 26.
9. Загоровская О. В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии. Воронеж, 2011.
10. Загоровская О. В. Русский язык на рубеже XX – XXI веков: исследования по социалингвистике и лингвокультурологии. Воронеж, 2013.
11. Кафтан В. В., Найдина Т. В. Дискурсивные практики современного терроризма в информационно-коммуникативном пространстве // Пространство и время. 2013. №3 (13). С. 222 – 230.
12. Назаров В. Л., Осипчукова Е. В. Международный опыт профилактики экстремизма. Екатеринбург, 2015.
13. Селиверстова О. Н. Обзор семантических работ по компонентному анализу // Филологические науки. 1967. Вып. 5. С. 212 – 221.
14. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.
15. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1994.
16. Тузиков А. Р. Концепция идеологии и идеологического дискурса в современной социологии – методология исследования социокультурных особенностей молодежного экстремизма в мировом пространстве // Вестник Казанского технологического университета. Сер.: СМИ (медиа) и массовые коммуникации. 2011. №17. С. 222 – 229.
17. Уголовное право: словарь-справочник / авт.-сост. Т. А. Лесниевски-Костарева. М., 2000.

Об авторе

Галина Анатольевна Заварзина — д-р филол. наук, доц., Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия.

E-mail: zga1311@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9129-9591

G. A. Zavarzina

LANGUAGE MARKERS OF TERRORIST-COLORED TEXT
AND METHODS FOR THEIR IDENTIFICATION

39

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

Received 23 August 2022

Accepted 29 November 2022

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-3

To cite this article: Zavarzina G. A. 2023, Language markers of a terrorist-colored text and methods for their identification, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1. P. 30—39. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-3.

A terrorist-colored text (T-text) can be understood as a piece of speech containing specific linguistic elements denoting a terrorist threat, according to the features of which it is possible to identify not only the socially dangerous content of the utterance, but also to evaluate the degree of its impact. The archive of the dataset of the extremist website “Kavkaz” banned in the Russian Federation, which contains several thousand links to various topics, served as the material for analysis. A comprehensive method of analyzing T-texts was proposed, aimed at detecting, identifying and distributing T-information over the danger scale: a method of level analysis of language material, in which the text is analyzed as a semantic space formed by linguistic means of different levels, and a method of semasiological analysis of language material, which allows identifying elements of rigid ideologization, due to the terrorist ideology prevailing in the T-space, and unidirectional evaluation, determined by the conformity/ non-conformity of a concept to the basic provisions of the ideology of terrorism. It is concluded that the presented method of linguistic analysis makes it possible to detect verbal signs of a terrorist threat in the discursive space, presented at the explicit and implicit levels, and thus provide a high level of objectivity in linguistic analysis.

Keywords: terrorism, discourse of terrorism, terrorist colored text, language marker, semasiological analysis, analysis of language levels

The author

Prof Galina A. Zavarzina, Associate Professor, Voronezh State Pedagogical University, Russia.

E-mail: zga1311@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9129-9591

А. А. Новожилова

**ТЕКСТ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ:
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Поступила в редакцию 06.08.2022 г.

Принята к публикации 26.12.2022 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-4

40

Для цитирования: Новожилова А. А. Текст музейной экспозиции: межкультурный и переводческий аспекты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №1. С. 40–49. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-4.

Тексты музейной экспозиции играют роль посредника между посетителями музея и его артефактами. Цель настоящего исследования – рассмотреть текст музейной экспозиции как эффективный инструмент осуществления межкультурной коммуникации. Обзор зарубежных и отечественных работ показывает, что многоязычная музейная экспозиция способствует развитию диалога и взаимопонимания между разными культурами. Выявляются грамматические и стилистические особенности текстов этикетаж Государственного Эрмитажа, которые должны учитываться при переводе музейных текстов с русского языка на английский. В частности, среди грамматических особенностей текстов музейных экспозиций выделяется обилие безглагольных конструкций, неполных предложений, случаи нарушения языковых норм. При том, что стиль текстов музейных экспозиций, как правило, публицистический, некоторым текстам присущи также черты научного, разговорного, художественного стилей. Отмечаются задачи переводчика по сохранению смысла и функционального стиля музейного этикетажа.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, диалог культур, текст музейной экспозиции, перевод музейных текстов, функциональный стиль

Введение

В современных условиях глобализации и гонки за техническим прогрессом и инновациями весьма актуальной представляется проблема сохранения культурного наследия. Значимый компонент этого наследия – музеи, поскольку они являются не только местом хранения исторических и культурных ценностей, но и частью воспитания молодых поколений. Связующим звеном между человеком и музейным экспонатом выступает музейный текст. Музейный текст относится к музейному дискурсу, который, с одной стороны, представляет собой часть искусствоведческого дискурса, с другой – неотъемлемую составляющую туристического дискурса.

В рамках переводоведения музейные тексты представляют собой малоизученный феномен. На сегодняшний день опубликовано не много научных работ, посвященных проблемам перевода текстов музейных экспозиций. В связи с этим данная область исследований представляется достаточно перспективной. Многоязычные тексты музейной экспозиции способствуют повышению аттрактивности музеев и привлечению большего количества иностранных туристов. Таким образом, перевод описываемых текстов всегда востребован и требует внимательного подхода, а изучение механизмов музейной коммуникации в целом и специфики перевода музейных текстов в частности актуально как для переводоведения, так и для музееведения и культурологии. Музеи являются не только местом хранения предметов, характерных для определенной культуры, но и центром межкультурной коммуникации и диалога культур. В связи с этим возникает необходимость обеспечения успешной коммуникации между представителями разных культур.

В настоящей статье тексты музейных экспозиций рассматриваются как средства и инструменты межкультурной коммуникации, проводится анализ грамматических и стилистических особенностей, влияющих на перевод таких текстов.

Текст музейной экспозиции как средство межкультурной коммуникации

Музей — значимая часть любой культуры. Он выполняет ряд важнейших функций: сохраняет культурное наследие как отдельного народа, так и всего человечества; формирует мировоззрение людей, уважение к истории и патриотизм; обеспечивает связь между эпохами [2, с. 62; 14, с. 114; 18, с. 56]. Музей также укрепляет межкультурную коммуникацию, поскольку сохраняет аутентичность культуры.

Музейная экспозиция представляет собой музейную коммуникацию, то есть является основной формой «общения» посетителя музея с музейными предметами. Она служит для поддержания интереса к определенным аспектам истории и к науке в целом. Таким образом, главная цель музейной экспозиции заключается в образовании и предоставлении информации [5].

При обмене информацией между представителями различных культур возникает межкультурная коммуникация, цели которой состоят в развитии более глубокого понимания различных точек зрения, сближении культур, укреплении равенства и улучшении творческих процессов [19]. М. Ю. Фадеева отмечает, что музейный экспонат, сопровождаемый информационной справкой, открывает более широкие возможности для диалога эпох, культур, погружая посетителя музея в процесс межкультурной коммуникации [16, с. 43]. Тексты музейной экспозиции, представленные на разных языках, во многом способствуют успешности такой коммуникации.

И. И. Данилова и А. И. Прокопенко определяют текст музейной экспозиции как текстовое сопровождение музейных экспонатов, нацеленное на массовую публику и дающее фоновые знания о предмете или

явлении, необходимое для успешного понимания экспозиции в целом [1, с. 57]. Таким образом, многоязычная экспозиция — это связующее звено в диалоге двух или нескольких культур.

Под диалогом культур понимается взаимодействие, влияние, проникновение или отталкивание разных исторических или современных культур как форм их конфессионального или политического сосуществования [7]. Невозможно переоценить роль музеев как посредников в межкультурном взаимопонимании. В эпоху глобализации музеи играют ведущую роль в образовании и научных исследованиях, что способствует росту авторитета музеев как мест для встреч и изучения взаимосвязей между различными культурами и цивилизациями [3, с. 119].

42

Музейная экспозиция и ее текст помогают иностранному посетителю познакомиться с особенностями культуры другой страны и лучше понять ее. Представители различных культур могут по-разному воспринимать одни и те же предметы и феномены, поэтому очень важно правильно интерпретировать музейную экспозицию.

Учет данных обстоятельств очень важен при переводе. Перевод любого текста, особенно текста музейной экспозиции, принадлежит двум культурам, связывает их, содержит черты оригинальной культуры, создавшей текст, и культуры, этот текст принимающей. Язык отражает в себе особенности культуры. Поэтому многие лингвисты считают, что постичь язык можно, только принимая во внимание особенности культуры носителей данного языка [13]. Э. Ю. Новикова отмечает, что переводчик в туристическом дискурсе, к которому относятся также и музейные тексты, выступает в качестве коммуникативного посредника — агента дискурса, способного осуществлять культурный трансфер [8, с. 74]. Перевод формирует многоязычный туристический дискурс, предлагая локализованный текст на родном для получателя языке во всей полноте его стилистических, лингвопрагматических, лексических, грамматических и лингвокультурных характеристик [4, с. 126]. Музейные тексты должны быть созданы с учетом потребностей посетителей музея и переведены профессиональными переводчиками с фокусом на национальные особенности и уровень знаний реципиента [15, с. 197]. Именно от качества текста и его перевода зависит, придет ли посетитель в музей. Поэтому коммуникация между музеем и посетителем должна быть тщательно продумана. Поскольку текст лишь поясняет музейную экспозицию, он не должен быть перегружен. Он должен быть доступным и интересным. Это касается и перевода, который призван способствовать успешности межкультурной коммуникации. В процессе перевода происходит преобразование текста, вследствие чего он становится понятным реципиенту, не знакомому с культурологическими или лингвистическими особенностями общества, в котором был создан оригинальный текст.

Текст музейной экспозиции интересен прежде всего разнообразием лексики. В связи с этим возникают определенные переводческие проблемы. Зачастую трудности переводчику доставляют реалии, аббревиатуры, безэквивалентная лексика, имена собственные, историзмы и т. п.

Еще одной интересной особенностью текстов музейных экспозиций является то, что их перевод невозможен в отрыве от экспоната и музейного пространства в целом. Текст неразрывно связан с экспонатом.

Музейный текст представляет собой письменный комментарий, выполняющий вспомогательную роль в музейной экспозиции. Музейные тексты — это система, отражающая идейную направленность экспозиции, значение представленных в ней фактов, явлений, событий; она содержит характеристики выставляемых экспонатов и помогает ориентироваться в экспозиции [11]. В соответствии с выполняемыми задачами тексты делятся на ведущие, объяснительные, навигационные (указатели), оглачительные и этикетаж. Однако все эти виды не обязательны для экспозиции, то есть в ней могут присутствовать только некоторые из них [12, с. 5].

Следует подчеркнуть, что переводчик должен учитывать фоновые знания потенциальных получателей текста, при этом перевод на английский язык осложнен тем, что получателем может выступать представитель не только англоязычной, но и любой другой культуры [10]. В связи с этим необходимо уделять внимание фрагментам текста, которые могут вызвать непонимание у реципиента. Например, иностранному посетителю могут быть неизвестны имена российских исторических деятелей, и его восприятие идеи экспозиции нарушится, вследствие чего коммуникация не будет успешной, так как коммуникативный эффект оригинала не совпадает с коммуникативным эффектом перевода.

Перевод текста без соответствующих комментариев может оказаться неполным. Более того, перевод музейных текстов невозможен без лингвокультурологических потерь, так как переводчик ограничен физическими рамками текста, который является частью музейной экспозиции и должен соответствовать по размеру тексту оригинала [10].

Чтобы перевод был адекватным, переводчику необходимо принимать во внимание лексические, грамматические и стилистические особенности текста и в соответствии с этим подбирать приемы перевода.

Грамматические и стилистические особенности перевода текстов музейных экспозиций

В ходе исследования был проведен анализ перевода текстов музейных экспозиций, выполненных профессиональными переводчиками. Материалом для анализа послужили тексты Государственного Эрмитажа (www.hermitagemuseum.org), а именно: главного музейного комплекса, Зимнего дворца, дворца Меншикова, музея Императорского фарфорового завода и Главного штаба. Основное внимание уделялось этикетажу и текстам экспликаций. В общей сложности было проанализировано около 80 этикеток и текстов экспликаций.

Следует подчеркнуть, что музейные этикетки представляют собой наиболее многочисленные из музейных текстов. Этикетка — это сопроводительный текст к отдельному экспонату. Этикетаж — система этикеток, дающая представление о составе экспонатов и содержании музейной экспозиции [11]. Основная задача этикеток заключается в привлечении внимания посетителя. Этикетка должна быть краткой и лаконичной, в ней не должно быть сложных конструкций. Этикетки представляют собой словосочетания. Необходимо отметить следующие выявленные особенности музейных этикеток: использование неполных предложений

и допущение нарушения языковых норм (опущение артиклей и глаголов-связок, изменение порядка слов, сокращение предложения). Эти особенности нужно учитывать при переводе.

В ходе анализа этикеток Эрмитажа был сделан вывод о том, что опущение артиклей — довольно частое явление. Это связано с тем, что этикетка представляет собой словосочетание, а не полноценное предложение. Рассмотрим следующие примеры:

Мозаичный стол «Времена года» = Mosaic Table Four Seasons

Крест алтарный = Altar cross

Перстень свадебный еврейский = Jewish wedding ring

Витраж с изображением святых Криспина и Криспиана = Stained Glass Panel with Saints Crispin and Crispian

Пластинки от ларца с изображением сцен из романа о Тристане и Изольде = Plaques from a casket, depicting scenes from "Tristan and Iseult"

Крышки для зеркал с галантными сценами = Mirror cases with courtly scenes

Витраж «Оплакивание» = Stained Glass Lamentation

Поклонение пастырей. Поклонение волхвов = Adoration of the Shepherds. Adoration of the Magi

Алтарь со сценами из жизни Христа = Altar with Scenes from the Life of Christ

Ваза с изображением двенадцати месяцев = Vase with the Twelve Months

Как видно из данных примеров, перед одними существительными нет артиклей, а перед другими они есть. Артикль опускается по большей части перед начальным существительным этикетки, но может присутствовать перед последующими.

Отдельного внимания заслуживает перевод конструкций с родительным падежом. При переводе любых текстов на английский язык следует избегать многократного повторения предлога *of*. Он делает предложение громоздким, а этикетка должна быть короткой и простой. Основной сложностью при переводе конструкций с родительным падежом является то, что в русском языке многократное употребление родительного падежа считается нормой. Обратимся к следующим примерам:

Портрет царевича Алексея Петровича (1690 – 1718), сына императора Петра I = Portrait of Tsarevich Alexey Petrovich of Russia (1690 – 1718), the son of Peter the Great

Костюм кавалера Ордена Святого Духа, принадлежавший Александру I, для церемонии посвящения (камзол) = Initiation Costume of the Holder of the Order of the Holy Spirit that belonged to Alexander I (jacket)

Лядунка гренадерского офицера гвардейской пехоты = Cartouche of Grenadier Officer of Guards Infantry

Палаш лейб-гвардии Конного полка образца 1741 – 1761 = Broadsword of the Life Guards Regiment of the Sample 1741 – 1761

Зал культуры и искусства кочевых племен Саяно-Алтая и Южной Сибири VI – XIII вв. = Hall of the Culture and Art of the Nomadic Tribes of the Sayano-Altai and Southern Siberia in the 6th–13th centuries

Кресло гротсмейстера Ордена Святого Иоанна Иерусалимского = Armchair of the Grand Master of the Order of St John of Jerusalem

В приведенных примерах содержатся довольно громоздкие и сложные конструкции с многочисленными предложениями *of*.

Рассмотрим примеры с притяжательным падежом:

Малый комендантский коридор = Small Commandant's Corridor

Мундирное платье Екатерины II по форме лейб-гвардии Конного полка = Catherine II's Uniform Dress Modelled after the Uniform of the Life Guards Horse Regiment

Чернильный прибор с монограммой Павла I = Inkstand with Emperor Paul I's Monogram

Шпага пехотная гвардейская, офицерская = Infantry Guards Officer's Sword

Как видно из примеров, варианты без использования предлога воспринимаются легче. Во избежание многократного повторения предлога *of* можно переводить такие конструкции притяжательным падежом, несколькими атрибутивными существительными (например, *лейб-гвардия Конного полка = Life Guards Horse Regiment*) или одним существительным (например, *костюм для церемонии посвящения = Initiation Costume*) и т. д.

Однако данные способы работают не всегда. В некоторых случаях невозможно полностью избавиться от предлога *of*, зачастую в этом даже нет необходимости, так как разумное употребление предлога делает перевод грамматически правильным и понятным.

Еще одной грамматической особенностью текстов музейных экспозиций является широкое использование номинативных конструкций:

Оплакивание Христа = The Lamentation

Тарелка мелкая = Dinner plate

Скульптура «Якутка» = Sculpture: Yakut Woman

Малиновая гостиная = Crimson Drawing-room

Чаще всего номинативные конструкции в текстах на русском языке распространены определением. Также существительные могут распространяться дополнением или обстоятельством.

В ходе анализа этикеток Эрмитажа можно сделать вывод, что при переводе номинативных конструкций с русского языка используются следующие части речи и их комбинации.

1. Прилагательное + существительное:

Белый зал = White Hall

Золотая гостиная = the Golden Drawing Room

2. Существительное + существительное:

Сабля с ножнами = Sabre with Scabbard

Налучье = Archery Bow Case

Молочник = Milk Jug

Тарелка глубокая = Soup Plate

3. Отдельного внимания заслуживают конструкции с дополнением, которые переводятся на английский язык причастиями (*Shaped like, Decorated with*), герундием (*Women Wearing Dresses*), существительным с предлогом (*in the Form of, with a Depiction of, with the Images of, with Paintings, in the Kokoshnik*), что иллюстрируют следующие примеры:

Яйцо пасхальное с изображением святых = Easter Egg with a Depiction of Saints; Easter Egg with the Images of Saints

Нащитная бляха в виде фигуры оленя = Shield Plaque in the Form of a Deer

Ваза с крышкой с аллегорической росписью в медальонах = Lidded Vase Decorated with Allegorical Paintings in Medallions

Стол. Ножка декорирована фигурами женщин в сарафанах = *Table. The Legs Decorated with Women Wearing Russian Peasant Woman's Dresses*

Конторка в форме аналая = *Writing Desk in the Form of a Lectern*

Табурет в форме бочонка = *Tabouret Shaped like a Small Barrel*

Боярышня в кокошнике = *Girl in the Kokoshnik*

Лоток в форме листа = *Compotier in the Form of a Leaf; Dessert Tray Shaped like a Leaf*

Ваза-ароматница с крышкой = *Lidded Pot-Pourri Vase*

Следует также отметить, что для обозначения дат в английском языке используются арабские цифры с соответствующим суффиксом (например, *оружейное искусство Ближнего востока XV – XIX вв.* = *Middle Eastern Arms and Armour, 15th – 19th centuries*); в заголовке все слова, кроме служебных, пишутся с заглавной буквы (*портрет Екатерины II верхом* = *Equestrian Portrait of Catherine the Great*). Необходимо помнить об этом при переводе.

46

Далее рассмотрим стилистические особенности текстов музейных экспозиций. Мнения лингвистов и искусствоведов по поводу отнесения музейных текстов к определенным стилям расходятся. Л. К. Чикина считает музейные тексты исключительно публицистическими [17, с. 18–21]. О. С. Насонова и Ю. В. Привалова относят такие тексты и к научному, и к публицистическому стилю, утверждая, что они обладают чертами обоих [6, с. 164–165]. Некоторые ученые утверждают, что музейным текстам могут быть присущи также черты других стилей: художественного, официально-делового и разговорного [9, с. 136].

Исследование показало, что тексты Эрмитажа могут принадлежать к различным функциональным стилям в зависимости от тематики экспозиции. Так, некоторым текстам в экспозициях Зимнего дворца присущи черты научного стиля. Они характеризуются наличием технической терминологии: *часы солнечные экваториальные аугсбургского типа; измеритель корабельный с дугообразным шарниром; циркуль измерительный; станок токарно-копировальный гильоширный*. Текстам Эрмитажа присущи также черты стиля бытового общения, характеризующегося наличием разговорно-бытовой и общеупотребительной лексики, называющей предметы повседневного обихода: *тарелка, молочник, ваза, блюдо, табакерка, чернильный прибор, платье, кафтан, пронизь, гривна, баба казацкая* и т. д.

Большинство текстов Эрмитажа имеют черты литературно-художественного стиля, для которого характерно использование средств выразительности. Яркими примерами являются этикетаж к произведениям искусства, а также описания убранства комнат: *Сдержанную гамму сменил сочный гранатовый цвет обивки; Потолок, богато декорированный золочеными узорами, по периметру украшен фигурами путти, а в центре – зеркалом в изысканной раме, в котором эффектно отражается люстра; Торжественный шаг и спокойствие коня, горделивая фигура императрицы напоминают о безоговорочном успехе Екатерининского переворота и твердом положении ее власти.*

Кроме того, тексты экспозиций имеют черты публицистического стиля, для которого характерны информативность и широкое употребление нейтральных слов, клишированных оборотов (*благодаря усилиям; пережив исторические события; во многом напоминает; заставляет думать о том; лег в основу; играл ведущую роль; по косвенным свидетельствам; цен-*

тральное место занимает; наглядно демонстрирует; позволяют составить представление; считается, что и т. д.), терминов из различных сфер (брокатель (ткань), станок, артиллерия, гарда, эфес), а также топонимов, антропонимов, названий учреждений, дат и цифр (Императорский фарфоровый завод; Невская порцелиновая мануфактура; искусство XV – XIX вв. и т. д.).

В связи с этим при переводе необходимо сохранять функциональный стиль оригинала. Так, научно-технические термины были переданы с помощью однозначных соответствий (циркуль измерительный = *divider*, токарно-копировальный станок = *copying lathe*, гарда с крестовиной = *crossguard*, клинок = *blade*, часы солнечные экваториальные аугсбургского типа = *equatorial sun-dial of Augsburg type*). Бытовая лексика также переводилась подбором соответствий (тарелка = *plate*, молочник = *milk jug*, блюдо = *dish* и т. д.) или, если бытовые лексические единицы являлись реалиями, они транслитерировались и сопровождалась пояснением (*еривна* = *grivna (torque)*, *архалук* = *arkaluk (kaftan)*).

При переводе текстов литературно-художественного стиля фигуры речи сохранялись:

The ceiling is richly decorated with glided stuccowork.

The restrained color scheme was replaced by a rich shade of red lining the walls that effectively set off the whimsical plant-like curls of the ornamental mouldings.

The festive gait and calmness of the horse, as well as the proud figure of the Empress herself, indicate the unarguable success of Catherine's bid for power and her firm position on the throne.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что музейные тексты имеют ряд грамматических особенностей, которые необходимо учитывать при переводе, а именно: опущение артикля перед начальным существительным, опущение глагола-связки, использование притяжательного падежа, а также типичных номинативных конструкций. Кроме того, текстам музейных экспозиций присущи черты различных функциональных стилей, и одной из главных задач переводчика, помимо прочего, является сохранение функционального стиля.

Выводы

Главной целью перевода музейного текста является донесение культурной и исторической информации. Для выполнения качественного перевода переводчики должны учитывать грамматические особенности текстов музейных экспозиций и стремиться не только передать смысл, но и сохранить функциональный стиль оригинала, чтобы полностью передать идею экспозиции. В силу того что тексты музейных экспозиций очень разнообразны с точки зрения стиля и мало изучены в переводоведении, их перевод предполагает большое количество различных переводческих приемов и решений.

Следует отметить, что данные тексты имеют множество других лексических особенностей, которые доставляют переводчику определенные трудности и которые не были рассмотрены в рамках настоящей работы, так как их анализ является предметом отдельного исследования.

Можно также предположить, что в связи с развитием связей между представителями различных культур и популярностью туризма интерес к переводу искусствоведческих текстов будет возрастать.

Список литературы

1. Данилова И. И., Прокопенко А. И. Музейная экспозиция как диалог культур: особенности перевода // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. №2 (16). С. 56–65.
2. Данилова И. И. Перевод музейных текстов: к вопросу об элиминировании межязыковых лакун // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2018. №1. С. 60–68.
3. Ковешникова Е. А. Музейная экспозиция как информационный текст межкультурной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2010. №13. С. 115–125.
4. Митягина В. А. Перевод как фактор формирования поли-, транс- и межкультурного туристического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. №20 (759). С. 114–126.
5. *Музейная коммуникация: модели, технологии, практики* / под ред. В. Ю. Дукельского. М., 2010.
6. Насонова О. С., Привалова Ю. В. Стилистические особенности перевода текстов искусствоведческой направленности // Успехи современного естествознания. 2014. №8. С. 164–165.
7. *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. М., 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6e4b249260a1b728ebfc6e> (дата обращения: 19.07.2022).
8. Новикова Э. Ю. Перевод в туристическом дискурсе: межкультурное измерение, жанрово-коммуникативная обусловленность // Иностранные языки в Высшей школе. 2017. №1 (40). С. 73–82.
9. Рябкова И. П., Дерюгина А. А. Искусствоведческий текст как объект перевода (на материале музейных текстов на русском, английском и финском языках) // Многоязычие в образовательном пространстве. 2020. №12. С. 135–141.
10. Сивохо М. И., Шноль К. Э. Перевод ведущих текстов музейной экспозиции: лингвокультурологический аспект (на материалах переводов для Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого) // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2020. №09 (65).
11. *Словарь музейных терминов* // Российская музейная энциклопедия. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?38> (дата обращения: 01.08.2022).
12. *Тексты в экспозициях медицинского музея* / под ред. К. А. Пашкова. М., 2017.
13. Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М., 2000.
14. Томилов Н. А. Социальная роль музеев: современное состояние (по материалам Омской области) // Культурологические исследования в Сибири. 2014. №2. С. 111–119.
15. Фадеева М. Ю. Многоязычное пространство регионального музея как составная часть брендинга города // Коммуникативные, номинативные и транслатологические аспекты территориального брендинга : монография / под общ. ред. В. А. Митягиной. Волгоград, 2018. С. 194–201.
16. Фадеева М. Ю. Инклюзивная функция перевода в цифровом пространстве современного музея // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2022. №2. С. 38–48.
17. Чикина Л. К. *Лингвистика текста* : учеб. пособие. Саранск, 1986.

18. Liao M.-H. Museums and creative industries: The contribution of translation studies // The Journal of Specialised Translation. 2018. №29. P. 45 – 62.

19. *Museums as places for intercultural dialogue: selected practices from Europe* / ed. by S. Bodo, K. Gibbs, M. Sani. MAP for ID, 2009.

Об авторе

Анна Алексеевна Новожилова — канд. филол. наук, доц., Волгоградский государственный университет, Россия.

E-mail: novozilova@volsu.ru

A. A. Novozhilova

49

MUSEUM EXHIBITION TEXT: INTERCULTURAL AND TRANSLATION ASPECTS

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Received 06 August 2022

Accepted 26 December 2022

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-4

To cite this article: Novozhilova A. A. 2023, Museum exhibition text: intercultural and translational aspects, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1. P. 40 – 49. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-4.

The article is devoted to the study of the texts of the museum exhibition, which play the mediator role between visitors of a museum and its artifacts. The purpose of the study is to consider the text of the museum exhibition as an effective tool for intercultural communication. The review of foreign and domestic works shows that multilingual museum exposition helps to develop a dialogue and understanding between different cultures. The author studied the museum labels of the State Hermitage Museum, their grammatical and stylistic peculiarities, which should be taken into account while translating museum texts from Russian into English. It is determined that the grammatical peculiarities of the museum texts are verbless constructions, incomplete sentences, where linguistic norms are violated. The style of the texts of museum exhibitions is, as a rule, publicistic, some texts also have features of scientific, spoken and literary styles. While translating, the translator should aim to save the meaning and functional style.

Keywords: intercultural communication, dialogue of cultures, text of the museum exhibition, translation of museum texts, functional style

The author

Dr Anna A. Novozhilova, Associate Professor, Volgograd State University, Russia.
E-mail: novozilova@volsu.ru

Н. М. Азарова

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДУШИ:
ТРАНСЛЯЦИЯ СИСТЕМЫ МИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ
В ЯЗЫКЕ ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННОГО**

50

Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия

Поступила в редакцию 02.12.2022 г.

Принята к публикации 27.01.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-5

Для цитирования: Азарова Н.М. Приключения души: трансляция системы мистической поэзии в языке Вениамина Блаженного // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №1. С. 50–60. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-5.

Вениамин Блаженный — поэт XX столетия, «открытый» критикой и литературоведением лишь тридцать лет назад. Художественная природа творчества Блаженного за это время не получила фундаментального описания. Общим местом многих работ о поэте стала констатация своеобразных религиозных основ его творчества, синтезирующих иудейское и христианское начала. В настоящей работе поэзия Вениамина Блаженного рассматривается в контексте языка мистиков как культурной системы — в качестве яркого примера трансляции типологических свойств языка мистики в поэзии конца XX в., что реализуется в грамматической составляющей, в частности в системе местоименной и отрицательной поэтики, в способе построения субъекта и в стратегии антидискурсивности. Ключевое слово и концепт поэзии Блаженного душа обнаруживает несомненное сходство с концептуализацией души и идеей метемпсихоза в еврейской и еврейско-христианской мистике.

Ключевые слова: Вениамин Блаженный, современная поэзия, язык мистики, еврейская мистика, душа, метемпсихоз

Язык мистиков — это культурная система, поэтому язык мистиков разных эпох, видоизменяясь и приспособляясь к уже существующим культурным системам, тем не менее обнаруживает явное типологическое единство. И если мы посмотрим на поэзию Вениамина Блаженного, не приписывая ее к определенной парадигме, то увидим очень много черт данного языка. Под культурной системой мы понимаем способную к самоорганизации систему, в которой по определенным правилам циркулирует информация, прежде всего языковая [14] (в данной статье мы не раз будем обращаться к этому труду). Основное свойство культур-

ной системы — динамичность, способность к перестройке и взаимодействию, что и позволяет говорить о процессах аккомодации. Под аккомодацией мы подразумеваем приспособление различных систем друг к другу, в процессе которого системы изменяются.

Когда мы говорим о типологических характеристиках языка мистики, в первую очередь надо понять, что у него нет строгого набора механизмов, приемов, алгоритмов. Все они могут меняться. Общность лежит прежде всего в когнитии и в развитии мысли, поэтому в поэзию можно читать любые мистические традиции, что сказывается и в поэтике.

Вениамин Блаженный не является здесь исключением. Мистик избегает лишних акцентов: он старается не различать главное и второстепенное, для него все является главным, отсюда бесконечные повторы и нагромождение однородного. Повторы связаны с подозрительностью к дискурсивности и с основным парадоксом всех мистиков: оппозицией молчания и говорения. Мистик понимает, что невозможно адекватно передать то, что он видит и чувствует, и тем не менее он продолжает об этом говорить. Он декларирует молчание, хвалит молчание, но говорит гораздо больше, чем обычный поэт. Мистикам свойственна особая говорливость, которая оказывается обратной стороной молчания. Мистик говорит много и беспорядочно.

Поэтому для мистиков характерно наличие огромных архивов с множеством самых разных документов, стихов, набросков, которые подолгу могут оставаться неразобранными после смерти авторов. В качестве классических примеров можно назвать Велимира Хлебникова с его архивом наволочек, и Фернандо Пессоа, знаменитейшего европейского мистика XX в., оставившего около шести тысяч фрагментов, публикация которых длится в течение последних пятидесяти лет [6; 20]. Вениамин Блаженный в какой-то мере следует тому же пути. Про таких поэтов, как Хлебников, Пессоа или Блаженный, мы никогда не можем сказать с уверенностью, что работы над их архивами закончены, и объявить их собрание сочинений полным.

Мистики, как правило, предпочитают вернакуляр титульному языку, и здесь Блаженный оказывается в хорошей позиции, потому что живет на периферии и может спокойно мешать научный и профанный (разговорный, местечковый) дискурс так, как ему удобно, не делая из этого какой-то собственный стиль.

Еще одна характерная черта, общая для многих мистиков (буквально начиная со Средних веков, с эпохи Хуана де ла Круса или св. Терезы), включая и Вениамина Блаженного, — это любовь к каллиграфии и переписыванию.

Особенность поэта-мистика состоит в том, что его авангардность не может быть стратегией, она является вынужденной: Блаженный должен сказать что-то, чего он сам не знает, поэтому его слово — некая система, которая постоянно уходит от нормы, но тем не менее не теряет норму из вида. Блаженный как поэт-мистик не озабочен неповторимостью и абсолютной оригинальностью собственного текста, он легко повторяет сам и признает, что и его могут повторить: он избавляется от уверенности в умении говорить.

В языке Блаженного прослеживаются и такие системные характеристики мистической поэзии, как предпочтение местоименной и отрицательной поэтики. Для всех мистиков характерно обилие местоимений вплоть до создания чисто местоименных текстов, например у Д. Хармса и Я. Друскина. В то время как многие поэты второй половины XX в. отказываются от *я*, практикуя так называемую смерть автора, *я*-говорение типично для мистиков, и *я* должно быть чуть ли не в каждом тексте. Этот типологический признак языка мистики, безусловно, присутствует в поэзии Вениамина Блаженного.

Я присутствует почти в каждом его стихотворении и иногда по многу раз, подкрепленное всей его парадигмой: *моя, меня, мне, мой*, избылиуют и глаголы в первом лице. Также важная характеристика мистицизма — тотальность мышления, что воплощается у Блаженного в частотности местоимений *весь, все* и т. д.

Блаженный, как и другие мистики, разворачивает очень широкий спектр приемов, связанных с отрицанием, формирующих своеобразную систему отрицательной поэтики: это и емкие отрицательные понятия, и отрицательные ряды и градации, например:

Сердце, что встарь освещало дорогу
Едва ли не миру, едва ли не небу — не Богу.

Оксюмороны, парадоксы и семантическая рассогласованность в мистических текстах не кажутся таковыми, если исследователь выступает в качестве наивного читателя. Адресат мистической поэзии соглашается с поэтической декларацией наивности в ситуации прямого общения с живым Богом, описанной Вениамином

Блаженным:
Я изъяснялся диким слогом,
Но лишь на этом языке
Я говорил однажды с Богом.

А.-М. Хаас подчеркивает, что для произведений мистиков характерны «сравнительно беспомощные формы языка, которые на поверку оказываются демонстрацией могущества языка» [15].

Почти все поэты-мистики, и Вениамин Блаженный, безусловно, вписывается в этот ряд, — это фигуры переходной эпохи, в том числе религиозного перехода и языкового билингвизма. Часто языковой билингвизм и религиозный переход соседствуют, и этот момент движения из культуры в культуру, из религии в религию напрямую связан с проявлением типологических черт языка мистики.

Время Блаженного в какой-то мере аналогично испанскому XV в., когда многие евреи крестились вынужденно. Их называли или конверсами, или марранами, или новыми христианами в отличие от старых христиан. Еще в XVII в. считалось, что определенные посты могут занимать только старые христиане, а новые христиане не могут, например, быть епископами. Почти все известные нам христианские поэты-мистики — Луис де Леон, Хуан де ла Крус, св. Тереза и другие — происходили

из конверсов, или новых христиан [16–18]. Но и 1960–1990-е гг. в России — переходная эпоха, когда многие поэты, обращаясь к христианству, по факту переходили в некий собственный вариант экуменизма, пантеизма или синкретической религии.

Вениамин Блаженный тоже в какой-то мере новый христианин, переживающий момент перехода, и не важно, что он делает это по собственной воле, а не по принуждению. Важен именно момент перехода, потому что он, как и те евреи, которые сделали это сознательно и стали истинными христианами, искал собственный путь в христианстве. Язык христианства, понимаемый в широком смысле, для новых христиан, выросших в еврейской традиции, был новым языком. И неизбежно этот путь вел к мистическому алгоритму, к общению с Богом напрямую.

Что такое мистик? Это тот, кто общается с Богом напрямую без посредников, что делает и Вениамин Блаженный. Живя в переходной эпохе 1960–1990-х гг., поэт, обладающий мистическим чувством и выросший в местечковой мистической традиции, в момент перехода ищет путь освоения более широкой культуры и преодоления *стыдного незнания*: незнания обычаев, правил, текстов¹. Стыдное незнание оказывается для него неким продуктивным вариантом формирования собственной религии, которая может вбирать любые другие религии и духовные пути. Многих поэтов-мистиков обвиняли в экуменизме или пантеизме, даже св. Терезу [16].

Под христианством и под Христом поэт может иметь в виду некий собственный экуменический вариант монотеистической религии. Этот синтез может смягчаться иронией или любыми парадоксальными сочетаниями всего со всем или любого с любым. Вениамин Блаженный говорит:

Что напялить на дурную голову —
Папскую тиару или узбекскую тюбетейку? —

и говорит это не как шутку, а понимая, что его путь должен быть особенным.

Но есть и другая сторона у этой черты языка мистики: именно благодаря репродуктивной способности аккомодации мистической системы к разным эпохам мы можем вчитать в поэтические тексты любые мистические традиции, и это в какой-то степени правомерно [7, с. 19–20], в то время как культура практикует приписывание какой-то однозначной принадлежности поэтов к определенной парадигме. Например, строки Вениамина Блаженного:

Лаптем свое я вычерпал хлебово,
Где перемешано чертово с Боговым —

прочитываются культурой как однозначно стоящие между русской православной и местечковой хасидской мифологическими традициями: «Одной стороной своего творчества Блаженный связан с еврейской (ха-

¹ О биографии Блаженного см. [1; 10; 12]; также материалы к биографии поэта можно найти в юбилейных сборниках [4; 5]. Один из первых религиоведческих анализов творчества поэта см. в [11].

сидской) традицией, однако другая сторона этого творчества, несомненно, растет из русских культурных корней» [3, с. 173], хотя, безусловно, здесь можно найти параллели с любыми мистиками и многими другими культурными системами.

Мистика начинается с теодицеи, с претензии к Богу. Блаженный, как и многие мистики предыдущих эпох, выражает активное несогласие с поощрением Богом мирового зла: «Если Бог всемогущ, то почему он не всеблаг?» — и наоборот. В какой-то мере это созвучно позиции гностиков, у которых библейский Бог ценился низко, так как был жестоким и невежественным, а благой Бог не был возведен никем до Христа. Отсюда:

54

Не такой это суп — не такой это рай
— и Господь не такой!..

Или:

Хочу я спрятаться во мгле
И от безжалостного Бога,
И от живущих на земле.

И еще:

Я из породы тех, кто сеял в землю... небо.

Бог безжалостен, он не такой, и поэтому я *должен сеять в землю небо*. Выстраивается ряд *новый, иной, другой*, относящийся как к *иному* (другому) благому Богу, так и к *новому* (иному) Христу и к мессианской позиции поэта. То же самое примерно нам говорит Есенин:

Я иное узрел пришествие —
Где не пляшет над правдой смерть.
Как овцу от поганой шерсти, я
Остригу голубую твердь.

И таких параллелей сквозь века огромное множество¹.

Душа — это основное слово, основное понятие и основное устремление в языке еврейской мистики всех эпох, и в каббале, и в хасидизме. Поэт конца XX в. стоит перед дилеммой: с одной стороны, душа — явный поэтизм, которым как будто неприлично злоупотреблять современному профессиональному поэту. Хотя, может быть, в XXI в. ситуация меняется, но критики Блаженного не могли не соотносить по привычке лексему *душа* с традиционной поэтикой, отсылающей чуть ли не к XVII—XIX вв. А с другой стороны, душа — это никакой не поэтизм, это настоящий философский термин еврейской мистики, без которого не обойтись [19]. В этом смысле Вениамин Блаженный обладает преимуществом поэта-мистика, не позиционирующего себя как профессионального поэта, и может вообще не принимать во внимание то, что за душой тянется шлейф поэтизма. Поэтому основное содержание поэзии Вениамина Блаженного — это приключения души.

Душа у Блаженного живет в отношениях тотальности с миром и способна быть всем. Тотальность — «способность видеть взаимосвязь между

¹ Подробнее о Есенине см. [2].

разрозненными вещами, благодаря которой искусство... могло воспринимать их одновременно — как фрагменты единого мира» [6, с. 19–20]. Я (душа) Блаженного — *всё*, в том числе всё живое и всё неживое. У души присутствует стремление *быть всем*, обнаруживающееся в легкости преобразования себя не только в любое существо, но и в любую сущность или в любой предмет, и не важно, что в этом ряду появляются как будто неодушевленные вещи:

Так долго я брел по земле, что уж кажется странным,
Что я называюсь не глиною и не барханом...

Или:

И вот душа на травянистом ложе
Приемлет образ мошки и букашки,
Но не святою быть она не может.

Множественная субъективация у Блаженного, как у многих других мистиков, фундируется системной традицией метемпсихоза, то есть способностью души принимать многие образы:

Я пребуду букашкой. И если простит меня Бог,
Я пребуду травинкой. И если Господь мне положит
Жить по смерти — избуду по смерти недолгий свой срок.

Или:

Железною стужей заносит шаги мои ветер.
Последнюю душу живу-изживаю на свете.

Метемпсихоз (переселение душ) — важная часть приключений души в еврейской традиции, восходящая еще к Платону и неоплатонизму, проходит через всю еврейскую мистику, буквально начиная с постталмудической [12]. Учитывая это, молитва за животных, мимо которой не проходит ни один читатель или исследователь Блаженного, не кажется необычной. Это не только непосредственная любовь к животным, но животные — это те самые души, в которых существуют и люди, и наоборот, животные переселяются и существуют в людских душах.

В контексте метемпсихоза и/или наличия у человека животной души становится неоправданным выделение любви к животным у Вениамина Блаженного как отдельной темы, и мы предлагаем рассматривать ее в связи с концепцией множественной субъективации и приключений души. Приведем пример из одного из самых часто цитируемых стихотворений поэта:

Отец мой — Михл Айзенштадт — был всех глупей в местечке.
Он утверждал, что есть душа у волка и овечки.
Он утверждал, что есть душа у комара и мухи.

Здесь Блаженный говорит не только о вере отца, но и самом отце: это его отец, душа которого после смерти может совершенно спокойно переселиться в комара или муху, волка или овечку — и все это будут те же самые, связанные и взаимодополняющие живые вещи.

Приключения души в еврейской мистике подразумевают, что душа — это некий динамический фактор: она блуждающая, она шагающая, и это фактор некоей положительной жизни на земле. Это очень важно: наше земное существование как бы не пропускается, в отличие от христианства, и не противопоставляется будущей жизни. В земной жизни именно душа обеспечивает постоянную связь с Богом. И душа способна и должна развиваться, а человек ответственен за это развитие души.

Но и в рамках еврейской философии условно можно выделить две разные линии соотношения души и тела. Есть линии, которые противопоставляют душу и тело, есть линии, которые этого не делают. Душа даруется непосредственно Богом, и она одной природы с Богом, поэтому именно через душу происходит общение Бога с человеком и человека с Богом. Более того, через душу человек может влиять на Бога [18]. Это принципиальный момент, отличающий мистика как от христианской, так и от еврейской ортодоксии — способность что-то изменить в Боге через свою душу. В текстах Блаженного очень много этому примеров, и таким образом у Блаженного-мистика частично решается проблема теодицеи:

Он так проходил по земле, словно Бог ему душу
Засунул в карман, а карман у бродяги дырявый,
И он прижимал к себе душу...

Еще одна очень интересная тема — это женское письмо. Близость к женскому письму — одна из основных характеристик языка мистической поэзии (Раймонд Луллий, Хуан де ла Крус, св. Тереза, Луис де Леон и др.). Тема женского письма, эволюции женского начала, безусловно, связана с душой, и связь эта происходит от основного текста, который цитируют все мистики, в том числе Вениамин Блаженный, даже, может быть, не осознавая этого. Речь идет о системной трансляции восприятия «Песни песней» как мистического символического текста. Мистики разных эпох репродуцирует сквозь века ситуацию прямого общения человека и Бога и ситуацию сакрального соотношения мужского и женского начал, заложенные в «Песне песней».

Душа в русском языке, как и во многих европейских, женского рода:

С тех пор, как в круг Христа душа моя вступила,
Сердечный участился стук,
Как будто возношу бревно я на стропила
С душою плотничьей сам-друг...

Вениамин Блаженный здесь варьирует гендерную ситуацию. Первое отношение — *в круг Христа душа моя вступила* — душа (и сам поэт) выступает в женском роде, и, соответственно, Бог (Бог-Отец ли это, или Христос, в данном случае неважно) — мужского рода. Как и в «Песне песней», круг Бога — мужской, моя душа — женский. Однако в конце текста Блаженный переворачивает эту ситуацию *с душою плотничьей сам-друг*, то есть сам-друг — это уже получается я, мужское начало, а плотничья душа, женское начало — это, соответственно, Бог. Поэты-мистики, транслирующие ситуацию любви «Песни песней», могут выступать и с одной стороны, и с другой, что по-разному выражено у разных мисти-

ков. Есть те, кто очень смело это делает, например Хуан де ла Крус, который просто пишет от имени своей души, и получается, что он пишет (а *душа* в испанском, как и в русском, женского рода) о себе в женском роде. Блаженный этого не делает, более того, его душа (женское начало) связана так или иначе с мамой:

И опять я с душой не один —
Между нами умершая мама.

Его душа, безусловно, женская, но не просто так, а потому что она имеет отношение к матери:

А я ведь видел мать такой большою,
Такой большою, светлую, как облако,
Как если бы была она душою
И не имела будничного облика.

И все-таки трудно представить Вениамина Блаженного, который говорил бы о себе непосредственно в женском роде. Отождествляя себя с душой, он тем не менее разными способами пытается избежать отождествления с женским началом. Поэт с осторожностью использует по отношению к субъекту женские грамматические формы, стремясь нейтрализовать род и переходя на говорение о душе в третьем лице:

Как это просто: «Душу отдал Богу».
А что же Бог? Он скажет: «Хорошо»,
И душу поведет с собой в дорогу,
И побреду я с пенем за душой.

Или призывает на помощь слово *дух*, которое в русском языке удобного мужского рода:

И еще после смерти мне стало казаться порою,
Что я весь превратился в замирное зреньё и слух,
Что читает мой дух над какою-то синей горою
И пронизан лучами вселенной мой трепетный дух.

Заметим еще одну интересную вещь: неизвестно, был ли Вениамин Блаженный знаком с ивритом, но какое-то представление он не мог не иметь, так как его отец, как и все мужчины в местечке, кто был старше Блаженного на 15–20 лет, получал традиционное еврейское образование в объеме хотя бы нескольких классов. В Библии *дух* (*rûah*) тоже женского рода, но по-русски получается, что, когда Блаженный заменяет слово *душа* на *дух*, хотя бы даже в интересах рифмы, они выступают как синонимы, но сохраняющие гендерное различие. Когда он говорит о себе, то он сам именно *дух*. Интересно еще, что мать у него — *душа*, женского рода, а отец может быть и *душой* и *духом*, но чаще *дух*, хотя принципиально это одно и то же:

Теперь я могу посылать ему письма
Во все концы света, ибо дух его обитает неведомо где
И неизвестно, в кого он воплотился.

Интерпретацию при расхождении родовой принадлежности основных сакральных слов в разных культурах — *духа* (*rûah* — в семитских языках женского рода) и пары *дух* — *душа* — можно проиллюстрировать цитатой из Кулиану, который исследовал еврейско-христианскую мистику: «Святой Дух оказывается ещё более ускользающим, чем Логос, иногда отождествляясь в раннем еврейском христианстве с самим Христом, иногда с ангелом, а иногда даже с женской ипостасью» [9, с. 31]. Вениамин Блаженный реализует это в изящной формуле, преодолевая мужской род русского слова *дух* пантеистическим звучанием женского рода слова *вселенная*:

Человек, умирая, становится образом божьим,
Он становится духом вселенной.

Любое высказывание Блаженного тяготеет к универсальности. Мистик всегда маргинален по отношению к мейнстриму и не может в него вписаться, но именно поэтому он всегда универсален. Возникает парадокс: тексты мистиков именно благодаря универсальности кажутся гораздо более современными нынешнему читателю, чем немаргинальные тексты их современников. Блаженный как поэт-мистик революционен и традиционен одновременно.

Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда №19-18-00429 «Языковые механизмы аккомодации культурных систем в различных видах дискурса XX и XXI вв.».

Список литературы

1. *Аверьянов В.* Житие Вениамина Блаженного // Вопросы литературы. 1994. №6. С. 40–73.
2. *Азарова Н.М.* Есенин глазами Целана или Целан глазами Есенина // Новый мир. 2020. №12. С. 138–151.
3. *Анкудинов К.* Стезей избытка // Новый мир. 2003. №1. С. 167–174.
4. «Моя судьба, безумье, бытие...»: матер. Вторых Междунар. науч.-литературных чтений, посвященных 100-летию В. Блаженного / под ред. У. Вериной. Минск, 2021.
5. *По ступеням света.* К 90-летию Вениамина Блаженного : сб. ст. / ред. У. Верина. Минск, 2012.
6. *Кавалканти Филью Ж.П.* Фернандо Пессоа: почти автобиография. СПб., 2021.
7. *Корчагин К.* В поисках тотальности. Статьи о новейшей русской поэзии. Екатеринбург, 2020.
8. *Корчагин К.* Между Уолтом Уитменом и битниками: Вениамин Блаженный и Ксения Некрасова // Новый мир. 2021. №7. С. 181–199.
9. *Кулиану Й.* Древо гнозиса: гностическая мифология от раннего христианства до современного нигилизма. М., 2019.
10. *Макарова Е.* «Когда меня не будет»: Памяти поэта Айзенштадта // Дружба народов. 1999. №12. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/1999/12/kogda-menyu-ne-budet.html> (дата обращения: 11.11.2022).
11. *Померанц Г.С.* Страстная односторонность и бесстрастие духа. М. ; СПб., 2014.

12. Блаженный В. Бог да грешник / авторизованная запись и публикация Д. Тонконогова // Арион. 1999. №2. С. 49–56.
13. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М., 2017.
14. Языковые стратегии и механизмы аккомодации культурных систем : сб. ст. М., 2021.
15. Haas A.-M. *Mystische Erfahrung und Sprache* // Haas A.-M. *Sermo mysticus. Studien zu Theologie und Sprache der Deutschen Mystik*. Friburgo, 1989. P. 19–36.
16. Pearson H. Santa Teresa la conversa: are there Jewish influences in the writings of Teresa of Avila? // *Mystical Theology and Spirituality in the Carmelite Tradition* (Twickenham, London: St Mary's University), 18–20 June 2015, 1–17, pro manuscripto. URL: <https://www.stmarys.ac.uk/research/centres/inspire/teresa-of-avila-1515-2015.aspx> (дата обращения: 04.11.2022).
17. Peers E. A. *Studies of the Spanish Mystics*. L., 1927. Vol. 1.
18. Roth N. *Conversos, Inquisition, and the Expulsion of the Jews from Spain*. Madison, 1995.
19. Saadia Ben Joseph *Al Fayyumi*. *The Idea of Development of the Soul in Medieval Jewish Philosophy*. Philadelphia, 1950.
20. Zenith R. *An Experimental Life*. Allen Lane, 2021.

Об авторе

Наталья Михайловна Азарова — д-р филол. наук, проф., ведущий научный сотрудник, Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия.
E-mail: natarazova@gmail.com

N. M. Azarova

ADVENTURES OF THE SOUL: TRANSMISSION OF THE SYSTEM OF MYSTICAL POETRY IN THE LANGUAGE OF VENIAMIN BLAZHENNY

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received 02 December 2022

Accepted 27 January 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-5

To cite this article: Azarova N. M. 2023, Adventures of the soul: translation of the system of mystical poetry in the language of Veniamin Blazhenny, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1 P. 50–60. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-5.

The poetry of Veniamin Blazhenny (the Blessed) can be seen as a vivid example of the translation of the typological properties of the language of mysticism in late 20th century poetry. The artistic nature of the work of the Blessed during this time did not receive a fundamental analysis. The soul, a key concept of Blazhenny's poetry, reveals undoubted similarities with the conceptualization of the soul and the idea of metempsychosis in Jewish and Judeo-Christian mysticism. This study focuses on grammatical elements, and in particular the system of pronouns and negative poetics, the way the subject is constructed and the strategy of anti-dish

cursiveness. The key word and concept of Blazhenny's poetry is the Soul which reveals an undoubted similarity with the conceptualization of the soul and the idea of metempsychosis in Jewish and Jewish-Christian mysticism.

Keywords: Veniamin Blazhenny, modern poetry, language of mysticism, Jewish mysticism, soul, metempsychosis

The author

Prof Natalia M. Azarova, Professor, Leading Researcher, the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: natazarova@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0003-0168-3280

Би Цзюньжу, Ли Мэнлун

**ТРИ ЭТАПА ИЗДАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА В КИТАЕ**

Цзилиньский университет, Чанчунь, Китай

Поступила в редакцию 09.02.2022 г.

Принята к публикации 15.12.2022 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-6

61

Для цитирования: *Би Цзюньжу, Ли Мэнлун. Три этапа издания и восприятия художественных произведений А. И. Солженицына в Китае // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №1. С. 61 — 70. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-6.*

Статья посвящена анализу состояний исследований художественных произведений Солженицына в Китае с 1979 по 2021 г. на основе данных из Национальной базы знаний Китая (China National Knowledge Infrastructure, CNKI). Выделяются три периода издания и восприятия художественных произведений писателя: этап первых переводов, публиковавшихся для служебного пользования, этап знакомства массовой аудитории с произведениями Солженицына, совпавший с периодом экономических реформ в Китае, и этап рефлексии, отмеченный переводами научной, научно-популярной и биографической литературы о Солженицыне с русского и других языков. Рассматриваются мнения различных ученых о художественной ценности творчества писателя и анализируются специфические черты исследований его художественного творчества в Китае. На основе данных CNKI прослеживается динамика количественных и тематических показателей публикаций о Солженицыне в Китае за 40 лет. Согласно выводам, ученые Китая воспринимают литературное наследие писателя как сложное явление, объединяющее художественные произведения и политическую публицистику. Несмотря на более чем 40 лет, прошедшие со времени первых китайских переводов, А. И. Солженицын привлекает неизменно большое внимание читателей и ученых-русистов Китая.

Ключевые слова: Солженицын, перевод, публицистика, русская литература, китайская русистика

Александр Исаевич Солженицын — писатель, в творчестве которого читатели и исследователи находят отражение событий русской истории XX в. Творческая деятельность и политические убеждения сделали его сложной фигурой литературной жизни.

Главный редактор книги «История исследования русской и советской литературы в Китае», профессор Чэнь Цзяньхуа подчеркивает в главе, посвященной изучению творчества Солженицына, что китайские русисты не единодушны в оценке творческой деятельности писателя. Одни исследователи считают Солженицына политиком, другие предпо-

читают смотреть на него как на писателя. Наиболее объективным представляется мнение профессора Жэнь Гуансюань [33, с. 398]. С его точки зрения, Солженицын-писатель и Солженицын-политик органически существуют в рецензиях и научных трудах китайских исследователей. Конечно, нам нельзя игнорировать несправедливые слова писателя о Китае. Но Солженицын-писатель, несомненно, достоин большого внимания исследователей и любителей русской литературы.

Переводы художественных произведений А.И. Солженицына появились в Китае в начале 1960-х гг. и сразу привлекли большое внимание читателей и русистов. Но дальнейшие события вокруг имени Солженицына не способствовали его популяризации в Китае. Путь его произведений к китайским читателям оказался сложным. Как подчеркивает Гу Чэн, первоначальный перевод произведений Солженицына был непубличным материалом. Разрозненные переводы со временем сформировались в сборник (см.: [2, с. 93–94]). Благодаря этому среди работ китайских русистов стали появляться исследования творчества Солженицына.

В китайской критике сосуществуют различные, порой противоположные взгляды на художественное творчество писателя. Согласно одному из них Солженицын не достоин внимания, поскольку дискуссия о его творчестве приняла сложный и бесконечный характер. Кроме того, несправедливое убеждение Солженицына о Китае сильно повлияло на отношение китайских исследователей к его литературному наследию. Но есть и другая тенденция — считать ценной саму полемику вокруг феномена Солженицына и видеть в нем многогранное явление. Тогда документальность, жанровое разнообразие, художественное отображение народного характера указываются как черты, определяющие художественную ценность произведений писателя.

В процессе перевода, издания и рецепции художественных произведений Солженицына в Китае можно выделить три этапа: первый — знакомство с первоначальным переводом; второй — восстановление разрушенных взаимоотношений читательской аудитории с переведенными произведениями Солженицына; третий — развитие и углубление исследований творчества писателя, в том числе его поздних произведений, освоение переводной литературы о жизни и творчестве Солженицына.

Первый этап продлился с 1963 по 1978 г. Первым переведенным на китайский произведением Солженицына был рассказ «Один день Ивана Денисовича», перевод состоялся в 1963 г. В 1964 г. в свет вышел сборник рассказов Солженицына. После 1964 г. были опубликованы только несколько статей и рецензий, посвященных Солженицыну, причем все они были в журналах «для внутреннего пользования» [2, с. 93–94]. В 1966 г. начинается культурная революция. Она оказала влияние на перевод и издание иностранной литературы [8, с. 513], в результате уже переведенные произведения Солженицына стали недоступны китайским читателям. Это же время стало перерывом в литературоведческом исследовании Солженицына.

Второй этап издания и восприятия художественных произведений писателя начался под влиянием знаменитой экономической программы «Реформы и открытость», осуществление которой началось в 1978 г.

Целью программы стало создание социализма с китайской спецификой при сохранении открытости в отношении внешнего мира. Обновление жизни повлияло и на культурную политику. Переводчики вновь обратили внимание на произведения иностранных писателей, среди которых был и А. И. Солженицын. Произведения Солженицына вновь появились в книжных магазинах в конце 1970-х — начале 1980-х гг., в новом переводе.

В 1979 г. в шестом номере журнала «Вайго вэнь» («Иностранное художественное творчество») появляется фрагмент повести «Раковый корпус». Хотя данный номер журнала издавался для внутренней информации, перевод «Ракового корпуса» напомнил специалистам о творчестве Солженицына. В 1980 г. в книгу «Избранные статьи советских диссидентов» [3] было включено «Письмо вождям Советского Союза» (книга также издавалась для внутреннего пользования). В том же году вышел в свет полный перевод повести «Раковый корпус». Благодаря переводчику Жун Жудэ имя писателя вернулось к китайской читательской аудитории после двадцатилетнего перерыва. В 1982 г. издательство «Масс» опубликовало в Китае «Архипелаг ГУЛАГ» [22]. Перевод был выполнен по изданию «YMCA Press» 1973 г.

Художественные произведения писателя вошли в университетские аудитории с начала 1990 г. Молодые специалисты и студенты узнавали о жизненном пути и творчестве Солженицына из учебников по русской литературе. Стали появляться дипломные работы и диссертации, посвященные поэтике Солженицына, художественной специфике его произведений, их связям с традициями русской литературы.

В 1998 г. в китайском переводе вышла автобиографическая книга Солженицына «Бодался теленок с дубом». В 2000 г. было опубликовано собрание сочинений Солженицына на китайском языке [27], его составили «Раковый корпус», «В круге первом», «Бодался теленок с дубом» и несколько рассказов.

Работа по переводу и изданию произведений Солженицына не прекращалась и после 2008 г., когда писатель ушел из жизни. Так, в 2012 г. вышла в свет «Хрестоматия по творчеству Солженицына» [34], в которой читатель найдет письма, прозаические миниатюры, а также несколько вещей, принадлежащих позднему периоду творчества писателя. Раньше эти тексты оставались вне поля зрения специалистов. С июня 2010 г. до октября 2013 г. были изданы первые три узла романа-эпопеи «Красное колесо» на китайском языке [24–26]. Предполагалось, что в течение ближайших десяти лет роман будет опубликован полностью [8, с. 513–514]. Издание первых узлов «Красного колеса» завершает второй этап рецепции произведений Солженицына в Китае, так как творчество писателя вполне было возвращено в кругозор читателей и исследователей. Последовательное издание работ Солженицына не только предлагало новые тексты и темы сложившимся исследователям, но и формировало интерес к писателю у нового поколения русистов.

Третий этап начинается с издания научных трудов, посвященных жизни и творческому пути писателя. К читателям Китая пришли работы о Солженицыне, созданные авторами из России и третьих стран. В сентябре 2013 г. увидел свет перевод книги английского писателя Джо-

зефа Пирса «Душа в изгнании — Солженицын» [4]. В декабре того же года был опубликован перевод биографии Солженицына из российской книжной серии «ЖЗЛ», автором биографии выступила известная писательница Л. Сараскина [20] (рец. см.: [9]). Два автора из разных стран, пытаясь восстановить биографию Солженицына, опирались на помощь со стороны писателя и его близких. Биография из серии «ЖЗЛ» была напечатана издательством «Литература народа», входящим в число наиболее авторитетных китайских издательств. В 2014 г. на китайском публикуется книга «Неизвестный Солженицын» Владимира Бушина [1], а в 2016-м — «Солженицын: борец и писатель» Жоржа Нива [5]. Новый массив информации вызывает к жизни китайские исследования зарубежного периода жизни и творчества Солженицына [10; 16]. Особняком среди книжных новинок этих лет стоит издание «Абрикосовое варенье — избранные рассказы А.И. Солженицына» [21], представляющее позднее творчество писателя и его двучастные рассказы.

На сегодняшний день почти все главные произведения Солженицына переведены на китайский язык, это способствует повышению внимания китайских русистов к его творчеству. Исследователи рассматривают судьбу писателя, его творческую деятельность и отражение политических взглядов писателя в его произведениях. Научно-исследовательские работы, связанные с историей русской литературы, обычно содержат биографические очерки о писателе. Такие книги часто принадлежат к жанру учебного пособия, примером могут служить совместный труд Ли Хуфань и Чжан Цзе «История русской литературы XX века» (Издательство «Циндао», 1999) [12]; «История русской литературы XX века» Ли Юйчжэнь («Издательство Пекинского университета», 2000) [13]; «История русской литературы» Жэнь Гуансюань, Чжан Цзяньхуа, Юй Ичжун («Издательство Пекинского университета», 2006) [6] и др. Восприятие художественных произведений писателя связано с исследованиями о его жизненном пути. Неслучайно важное место в библиотеке китайских исследований о Солженицыне занимает монография Чжан Сяоцяна «Вернулся на родину скиталец» [31], которая долгое время оставалась единственной работой, содержащей обширную подборку материалов о жизни и творчестве писателя. Автор книги анализирует «Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус», «Бодался теленок с дубом», «В круге первом», «Архипелаг ГУЛАГ» и «Красное колесо», стремясь приблизить художественный мир Солженицына к пониманию китайского читателя. Монография «Вернулся на родину скиталец» была опубликована издательством «Чанчунь» в декабре 1996 г. В 1998 г. ее сокращенный вариант вышел там же в качестве научно-популярной книги для молодежи. После публикации сокращенного варианта книги «Вернулся на родину скиталец» в 2006 г. появляется новая монография «Солженицын как литературный мученик» [11], ее автор Ли Сяоцзюй в трех главах рассказывает о жизни и самых известных произведениях писателя. Культурный контекст прочтения произведений Солженицына избирают создатели монографий «Текст и культура в повести “Раковый корпус”» (2014) [28] и «Из-под глыб — бунтарское письмо Солженицына» (2015) [14; см. также [15]]. Автор последней книги характеризует творчество Солженицына через его связи с общественной средой эпохи.

Следует отметить, что при общности исходных материалов о творчестве писателя китайские исследователи приходят к различным выводам и оценкам. В частности, некоторые из них склонны сводить значение литературных текстов писателя к его политическим убеждениям и задачам. В книге «История русской литературы XX века» (издательство «Циндао», 1999) автор отмечает, что художественное достоинство ранних произведений Солженицына связано с общественными условиями, на фоне которых они были написаны, но по мере обострения отношений Солженицына с государством он постепенно стал политическим публицистом, и его творчество потеряло литературную ценность. Также, по мнению автора книги, Солженицын в «Красном колесе» извратил смысл Октябрьской революции и российской истории и, нарушая историческую хронологию, создал условия для несправедливых оценок. По мнению автора, «Красное колесо» стало инструментом распространения политических убеждений Солженицына.

У других авторов, в том числе авторов учебников, внимание уделяется и собственно литературным характеристикам творчества Солженицына. В учебных пособиях «История русской литературы XX века» Ли Юйчжэнь, «История русской литературы» Жэнь Гуансюань, Чжан Цзяньхуа, Юй Ичжун исследователи характеризуют творчество писателя разносторонне. Подчеркивая поэтические особенности творчества Солженицына, ученые замечают и его специфическую политическую направленность (напр., [19]). Говоря о том же «Красном колесе», они отмечают высокую художественность произведения, с которой соседствует политическая тенденция. В сентябре 2020 г. вышла статья «Солженицын: жизнь и политика» [18]. Она представляет собой часть незавершенной новейшей всеобщей истории русской литературы в нескольких томах. Ее автор — известный китайский русист Лю Вэньфэй (см. его же [17]), который также ценит литературное и языковое своеобразие прозы Солженицына. Лю Вэньфэй рассматривает тексты Солженицына в хронологическом порядке их создания, освещая тематическое и жанровое своеобразие. Уделено внимание и политическим выступлениям писателя, таким как «Из-под глыб», «Как нам обустроить Россию», «Русский вопрос к концу XX века», «Россия в обвале». Данные работы, по мнению автора, снискали Солженицыну славу русского национального мыслителя XX в. Повторим, что упомянутые издания принадлежат к числу учебников по истории русской литературы. Такие книги обычно содержат энциклопедическую информацию о жизненном пути писателя, о периодизации его творчества, главных произведениях, индивидуальных особенностях поэтики. Они дают возможность простым читателям, студентам, начинающим русистам ознакомиться с основными сведениями о писателе и его творческой деятельности. Дальнейшее изучение творчества писателя основывается на фундаменте таких материалов.

Чтобы показать общую тенденцию публикаций, посвященных жизни и творчеству Солженицына на китайском языке, мы сделали выборку научно-исследовательских работ по ключевым словам «Солженицын» и «творчество Солженицына» в авторитетной китайской научно-исследовательской базе данных [35]. Результаты выборки показаны на рисунке 1.

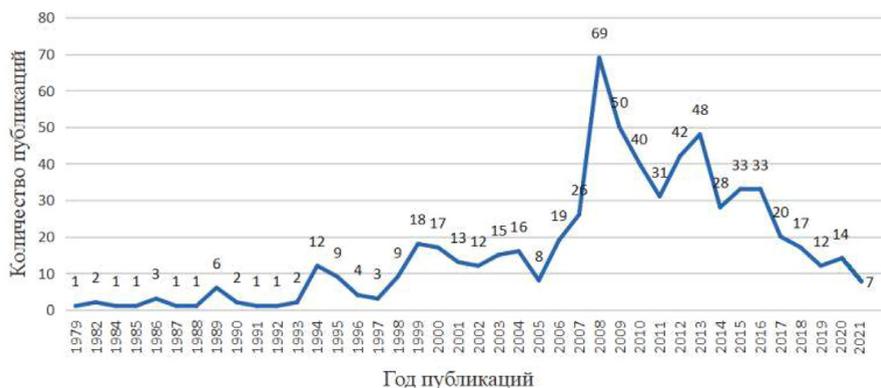

Рис. 1. Диаграмма активности публикаций, посвященных А. И. Солженицыну, на китайском языке

Диаграмма показывает динамику числа публикаций, посвященных жизни и творчеству Солженицына за 1979–2021 гг. Количество научно-исследовательских работ отражает состояние исследования художественных произведений писателя в Китае. В период экономических реформ с 1979 по 1989 г. появились 10 таких научно-исследовательских работ, а с 1989 по 2008 г. их количество кратно увеличилось. Важное историческое решение государства повлияло на активизацию исследований творчества писателя, но этапные события жизни и творческой деятельности Солженицына оказались более существенными факторами. Число публикаций неслучайно впервые увеличивается в 1989 г. В июле 1989 г. в журнале «Новый мир» была издана нобелевская лекция Солженицына, затем в августе началась публикация «Архипелага ГУЛАГ». Количество публикаций заметно растет в 1994 г., когда писатель вернулся на родину. В 1999-м он был награжден Большой золотой медалью имени М. В. Ломоносова, президент России В. В. Путин посетил его в 2000 г. Оба события вызвали интерес китайских исследователей и русистов к переведенным на тот момент произведениям писателя, его высказываниям и общественной позиции. Хотя Солженицын получает в их работах различные оценки, его писательский талант признают многие ученые и критики. В их интерпретации творчество Солженицына наследует традицию критического реализма, сформировавшуюся в русской литературе XIX в. В его творчестве одновременно отмечаются черты советской социалистической литературы и модернизма. В художественном мире писателя литература тесно связана с религией и поиском истины [33, с. 392]. Количественный пик публикаций о Солженицыне отмечается в 2008 г. в связи с кончиной писателя. Биография советского нобелиата вновь оказалась в центре внимания исследователей. После 2008 г. количество публикации падает, но китайские русисты не потеряли интерес к творчеству Солженицына, что стимулирует появление новых переводов. Теперь тематический горизонт исследований не ограничивается ранними произведениями Солженицына, а в научный кругозор попадают монографии зарубежных филологов.

В изученной базе находится 647 работ о Солженицыне (1979–2021), и многие из них обращены к конкретным узким темам — отдельным проблемам творчества писателя или произведениям (см. рис. 2).

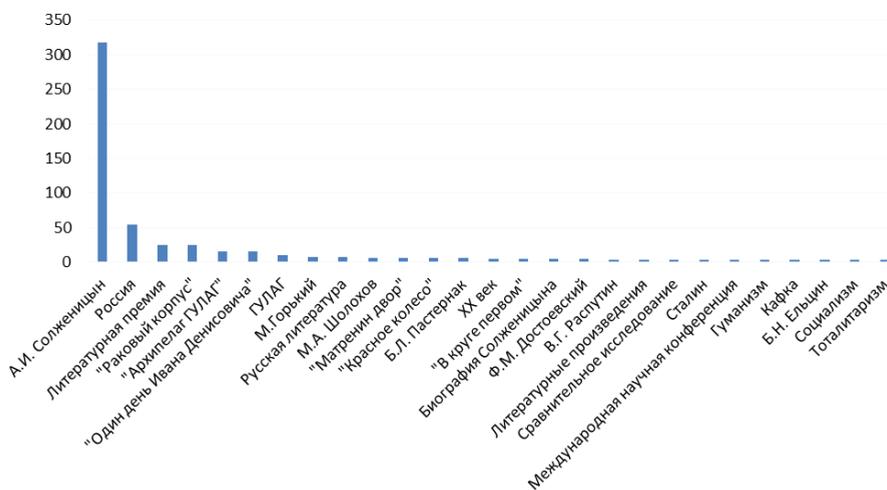

Рис. 2. Диаграмма частотности ключевых слов в статьях, посвященных А. И. Солженицыну, на китайском языке

Рисунок 2 показывает частотность ключевых слов в научно-исследовательских работах и количество работ, где эти слова повторяются. Как можно видеть, в первую очередь китайских русистов привлекает биография и творческая деятельность Солженицына. Во вторую очередь уделяется внимание литературной премии, лауреатом которой стал Солженицын, и посвященным ему международным научным конференциям. Среди литературных произведений автора вызывают наибольший интерес «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ», «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «В круге первом» и роман-эпопея «Красное колесо». Русисты из разных научно-исследовательских учреждений анализируют тематические характеристики, систему персонажей произведений Солженицына, значительное место в тематике исследований занимает трагическая судьба интеллигенции, взгляд писателя на гуманизм, борьбу идей и т. д. К сожалению, двучастные рассказы и другие произведения позднего периода творчества писателя пока отсутствуют в списке основных ключевых слов (хотя посвященные им работы есть — см. [29]). Мы уверены, что издание этих рассказов на китайском активизирует интерес русистов к позднему периоду творчества писателя, безусловно, заслуживающему этого.

Нельзя не заметить, что среди ключевых слов выделяются две группы имен. Первая группа включает имена русских писателей XIX и XX вв. (Ф. М. Достоевский, М. Горький, М. А. Шолохов, Б. Л. Пастернак и В. Г. Распутин). Это сигнализирует о высоком интересе русистов к типологическому описанию русской литературы и стремлении найти место Солженицына среди сопоставительных контекстов. В исследова-

ниях освещаются и литературные параллели, и взаимоотношения Солженицына с писателями и критиками своего времени (напр., см. [32]). Вторая группа — это политические деятели (И. В. Сталин и Б. Н. Ельцин). Присутствие этих имен среди частотных ключевых слов говорит о том, что китайские русисты, как и их коллеги из других стран, склонны рассматривать творчество Солженицына в неразрывной связи с историей общества и социально-историческими взглядами писателя. Типично также восприятие историографии Солженицына как отдельной исследовательской темы, основанное на том, сколь большое значение писатель придавал восстановлению исторической правды, чему свидетельством «Архипелаг ГУЛАГ» и «Красное колесо». Интересно также отметить, что китайские русисты предпочитают изучать творчество Солженицына в аспектах литературоведения и истории, и на рисунке 2 среди ключевых слов не видно ни одного слова, связанного с лингвистикой и переводоведением. Также несложно заметить, что исследователи уделили относительно большее внимание произведениям раннего периода творчества Солженицына. «Красное колесо», двучастные рассказы и другие поздние произведения пока не находятся в центре внимания русистов.

Пройдя три этапа развития, исследования литературного наследия Солженицына в Китае продолжают оставаться актуальным и активным разделом русистики. Опираясь на труд переводчиков, в исследовании Солженицына-писателя включились сегодня представители различных сфер гуманитарной науки. Фигуры Солженицына-писателя и Солженицына-политика сосуществуют в научно-исследовательских работах, созданных китайскими русистами разных поколений. Как подчеркивает профессор Жэнь Гуансюань, хотя китайские исследователи «не могут принять все у Солженицына-политика, но относятся к Солженицыну-писателю с большим вниманием и уважением» [7, с. 391]. Опираясь на это мнение, мы читаем Солженицына и изучаем художественный мир, построенный яркой и сложной творческой личностью.

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда социальных наук провинции Цзилинь (Social Science Foundation of Jilin Province), научно-исследовательского проекта «Изучение и анализ особенностей женских образов в литературных произведениях Солженицына» (2020C119).

Список литературы

1. Бушин В. Неизвестный Солженицын. Пекин, 2014.
2. Гу Чэн. Рецензия на переводы произведений А. Солженицына в Китае // Новые взгляды на мировую литературу. 2018. №5. С. 93–94.
3. Избранные статьи советских диссидентов. Пекин, 1980.
4. Пирс Д. Душа в изгнании — Солженицын. Шанхай, 2013.
5. Нива Ж. Солженицын: борец и писатель. Пекин, 2016.
6. Жэнь Гуансюань, Чжан Цзяньхуа, Юй Ичжун. История русской литературы, Пекин, 2006.
7. Жэнь Гуансюань. А. Солженицын в китайской критике. Между двумя юбилеями (1998–2003) // Писатели, критики и литературоведы о творчестве А. И. Солженицына: альманах / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М., 2005. С. 385–392.

8. Жэнь Гуансюань. «Красное колесо» А. Солженицына в Китае // Жизнь и творчество Александра Солженицына: На пути к «Красному колесу»: сб. ст. / сост. Л. И. Сараскина. М., 2013. С. 513–517.
9. Жэнь Гуансюань. Новая книга Сараскиной «Биография Солженицына» // Исследование динамики зарубежной литературы. 2009. №2. С. 4–6.
10. Лань Тайкай. Солженицын: От «Изгнания» к «Возвращению» // Вестник Гуйянского института. Сер.: Социальные науки. 2021. №16 (03). С. 81–92.
11. Ли Сяоцзюй. Солженицын как литературный мученик. Пекин, 2006.
12. Ли Хуэйфань, Чжан Цзе. История русской литературы XX века. Циндао, 1999.
13. Ли Юйчжэнь. История русской литературы XX века. Пекин, 2000.
14. Лун Юйчэн. Из-под глыб – бунтарское письмо Солженицына. Ханчжоу, 2016.
15. Лун Юйчэн. Солженицын: Бунтарская творческая деятельность в историческом контексте и культурных конфликтах: дис. ... канд. сравнительного литературоведения. Пекин, 2012.
16. Лун Юйчэн. «Угодило зернышко промеж двух жерновов»: Солженицын на Западе (1974–1994) // Изучение России. 2014. №5. С. 26–61.
17. Лю Вэньфэй. После ухода Солженицына // Мировая литература. 2008. №6. С. 284–303.
18. Лю Вэньфэй. Солженицын: жизнь и творчество // Изучение России. 2020. №4. С. 118–152.
19. Лю Лэ. О теме политической критики в художественных произведениях Солженицына: дис. ... магистра сравнительного литературоведения. Шаньдун, 2013.
20. Сараскина Л. Александр Солженицын. Пекин, 2013.
21. Солженицын А. И. Абрикосовое варенье: избранные рассказы. Нанкин, 2015.
22. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Пекин, 1982.
23. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Чанчунь, 1998.
24. Солженицын А. И. Красное колесо. Узел 1. Нанкин, 2010.
25. Солженицын А. И. Красное колесо. Узел 2. Нанкин, 2011.
26. Солженицын А. И. Красное колесо. Узел 3. Нанкин, 2013.
27. Солженицын А. И. Собрание избранных сочинений. Пекин, 2000.
28. Фэн Юйчжи. Текст и культура в повести «Раковый корпус». Пекин, 2014.
29. Хэ Мэнюань. Тревога и размышления – Исследование «двучастных рассказов» Солженицына в 1990-х годах: дис. ... магистра литературоведения, Хэйлунцзян, 2016.
30. Чжан Гуйна. Стремление к смыслу жизни – траектория основных идей Солженицына и их эволюционная логика // Академический обмен. 2016. №1. С. 30–36.
31. Чжан Сяоцяна. Вернулся на родину скиталец. Чанчунь, 1996.
32. Чжан Цзяньхуа. Солженицын: Исторические встречи русского писателя и интеллектуальное историческое мышление // Вестник Ханчжоуского педагогического университета. Сер.: Социальные науки. 2010. №32 (06). С. 52–58.
33. Чэнь Цзяньхуа. История исследования русской и советской литературы в Китае. Чунцин, 2007. Т. 3.
34. Чжан Цзяньхуа. Хрестоматия по творчеству Солженицына. Пекин, 2012.
35. China National Knowledge Infrastructure. URL: <https://www.cnki.net/> (дата обращения: 01.02.2022).

Об авторах

Би Цзюньжу — канд. филол. наук, ст. преподаватель, Цзилиньский университет, Китай.

E-mail: 2758498583@qq.com

Ли Мэнлун — канд. ист. наук, ст. преподаватель, Цзилиньский университет, Китай.

E-mail: 244591055@qq.com

Bi Junru, Li Menglong

**THREE STAGES OF PUBLICATION AND PERCEPTION
OF A. I. SOLZHENITSYN'S ARTISTIC WORKS IN CHINA**

Jilin University, Changchun, China

Received 09 February 2022

Accepted 15 December 2022

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-6

To cite this article: Bi Junru, Li Menglong. 2023, Three stages of publication and perception of A. I. Solzhenitsyn's artistic works in China, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1. P. 61 – 70. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-6.

The article is devoted to the analysis of the research done on Solzhenitsyn's literary works in China from 1979 to 2021 on the basis of data from the China National Knowledge Infrastructure (CNKI). The article highlights three stages in the process of publishing and perceiving the writer's works, studies the opinions of various researchers about the artistic value of the writer's work, and analyzes the specific features of the development of research about his works. Chinese researchers consider the literary heritage of the writer to be a complex phenomenon that consists of his artistic works and political beliefs. As a result of the analysis, it can be seen that Solzhenitsyn attracts more attention from readers and researchers. Their interest in the literary works of the writer has not disappeared for 42 years. Writer Solzhenitsyn is a more attractive figure in Chinese research works.

Keywords: Solzhenitsyn, translation, publicism, Russian literature, Chinese Russian studies

The authors

Dr Bi Junru, Senior Lecturer, Jilin University, Changchun, China.

E-mail: 2758498583@qq.com

Dr Menglong, Senior Lecturer, Jilin University, Changchun, China.

E-mail: 244591055@qq.com

А. В. Диль

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТА
«ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ»
В СТИХОТВОРЕНИИ П.Б. ШЕЛЛИ «LOVE'S PHILOSOPHY»**

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,

Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 07.07.2022 г.

Принята к публикации 26.12.2022 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-7

71

Для цитирования: Диль А. В. Художественное воплощение концепта «единство в многообразии» в стихотворении П. Б. Шелли «Love's philosophy» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. № 1. С. 71 – 81. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-7.

Исследуется лингвокультурная специфика и прагматическая функция концепта «единство в многообразии» в стихотворении П. Б. Шелли «Love's philosophy». Вербальные репрезентации указанного концепта рассматриваются сквозь призму внутреннего мира лирического героя произведения. Междисциплинарный подход к анализу лексических единиц, используемый в статье, определяет рассмотрение языкового материала в контексте смежных с лингвистикой дисциплин: лингвокультурологии, литературоведения, психолингвистики и философии. Анализ лексического материала стихотворения проведен с привлечением методов сплошной выборки, концептуально-фреймового анализа, семантико-когнитивного анализа, а также описательного контекстуального и интерпретационного методов. На основе изучения вербального содержания фреймовых структур, репрезентирующих концепт «единство в многообразии» в рамках индивидуально-авторской концептосферы П. Б. Шелли, фреймовая структура концепта описывается как представленная фреймами «природа» и «взаимодействие», последний из которых, в свою очередь, репрезентируется субфреймами «наличие взаимодействия» и «отсутствие взаимодействия». Делается вывод об особой смыслообразующей функции рассмотренного концепта, являющегося когнитивной доминантой стихотворения «Love's philosophy» и корреспондирующего с религиозно-философской идеей поэта о единстве всего живого в его бесконечном многообразии.

Ключевые слова: единство, многообразие, поэзия, фрейм, концепт, Шелли

Введение

Художественный текст по праву можно назвать одним из наиболее личностно обусловленных и индивидуализированных вариантов реализации авторских концептов, так как специфика мировидения и мировосприятия автора получает свое вербальное воплощение в рамках когнитивного пространства литературного произведения.

Художественная речь представляет собой отражение индивидуально-авторского идиостиля. Исследование концептов, моделирующих художественное пространство литературного произведения, способствует выявлению ментальных конструкторов как индивидуально-авторской, так и национальной концептосферы. Изучение идиостиля автора художественного произведения и семантического функционирования художественной речи нередко выполняется с применением полевого метода [12, с. 47–49]. В случае если в качестве материала анализа выступает художественный текст, как указывает Е. А. Огнева, необходимо изучение «номинативных полей» трех основных конструкторов архитектуры художественной концептосферы, куда входят «когнитивные образования», «когнитивные структуры» и, соответственно, «языковые структуры», их репрезентирующие [12, с. 91]. Когнитивное пространство художественного произведения, в свою очередь, складывается из многообразия художественных концептов, моделируемых когнитивными структурами, к которым относятся фреймы, сценарии, схемы, сцены, когнитивные карты, пропозиции, гештальты и др. [12, с. 75]. В соответствии с концепцией М. Минского [11] под фреймом мы в данном исследовании понимаем набор определенных данных, который применяется в целях структурирования и репрезентации стереотипной ситуации, лежащей в основе анализируемого художественного образа [12, с. 69]. Мы рассматриваем структуру фрейма как сеть, состоящую из вершинных узлов (отражающих наиболее релевантные атрибуты и признаки описываемой ситуации) и узлов нижнего уровня, или слотов (нередко соотносимых с необлигаторными параметрами ситуации и содержащих информацию уточняющего характера). Содержание соответствующих когнитивных структур может быть изучено посредством фреймового анализа, направленного на выявление взаимосвязи и взаимовлияния различных концептов в рамках концептосферы художественных произведений, а также анализа их вербальных репрезентаций и лингвокультурного потенциала.

Общекультурные концепты в контексте произведений художественной литературы реализуют свой когнитивный потенциал как художественные концепты. Под художественным концептом в настоящем исследовании мы понимаем разновидность ментальных конструкторов (концептов), функционирующую в рамках когнитивного пространства художественного текста и объединяющую в себе как индивидуально-авторские особенности восприятия конкретного понятия или явления, так и национально-культурную специфику его интерпретации. Как отмечает О. С. Акетинина [1], анализ художественного текста позволяет выявить наличие определенной «взаимосвязи концепта и художественного произведения» – концепт, содержащий в себе «этнокультурно обусловленный эстетико-смысловой код», раскрывает содержательную сторону художественного произведения. В свою очередь, исследование художественных средств объективизации концептов посредством анализа номинативного потенциала языковых единиц, их репрезентирующих, представляет собой одну из интереснейших задач современной когнитивной лингвистики. Исследования художественных концептов на мате-

риале литературных произведений проводятся в антропоцентрической парадигме, то есть с учетом не только индивидуально-авторской специфики репрезентации конкретных концептов, но и интерпретативных стратегий читателя, то есть индивидуальных особенностей их миропонимания и восприятия художественных концептов, что определяет актуальность подобных исследований.

Художественная литература содержит большое разнообразие эмоционально-оценочных смыслов, выявление которых подразумевает наличие у читателя определенного социокультурного опыта и эмоциональной компетенции [8, с. 71]. В современной лингвокультурологии можно выделить ряд исследований, посвященных изучению специфики вербализации эмоциональных концептов в междисциплинарном аспекте на материале поэтических произведений. Так, в ряде работ рассматриваются эмоциональные концепты в творчестве русскоязычных [2; 14], англоязычных поэтов [3; 5; 6; 9], русскоязычных и англоязычных в сопоставительном аспекте [4] и др.

В зависимости от жанровой принадлежности и сферы употребления языка в художественном тексте происходит моделирование дискурсивно обусловленного фрагмента национальной картины мира, обладающего специфическими ассоциативными чертами. Конкретный литературный жанр характеризуется определенной когнитивной моделью, в которой фигурирует изображаемый предмет, представляются приемы его изображения и особенности реализации в дискурсе [17, с. 34–35]. Мы исходим из убеждения, что анализ концептуального содержания художественных образов, репрезентированных фреймовыми структурами, в свою очередь объединяющими терминальные узлы, или слоты, может быть осуществлен посредством изучения вербальных репрезентаций соответствующих фреймовых структур.

Цель настоящего исследования заключается в изучении лингвокультурной специфики структуры и содержания концепта «единство в многообразии» в рамках художественного пространства стихотворения П. Б. Шелли «*Love's philosophy*» посредством анализа языковых структур, его репрезентирующих.

Актуальность настоящего исследования определяется интересом лингвистов, литературоведов и лингвокультурологов к лингвокультурной специфике вербальных репрезентаций философских концептов в рамках художественного пространства литературных произведений. Новизна исследования в первую очередь связана с его междисциплинарностью ввиду того, что анализируемый материал предполагает привлечение данных ряда смежных научных дисциплин (лингвокультурологии, литературоведения, психолингвистики, философии), а также с антропоцентрической направленностью исследования. Изучение лингвокультурного потенциала языковых номинаций концепта «единство в многообразии» в контексте стихотворения П. Б. Шелли «*Love's philosophy*» способствует расширению перспективы изучения философских и эмоциональных концептов на материале произведений художественной литературы, проводимых в лингвокультурном аспекте.

Методы

Были применены следующие методы исследования:

- концептуально-фреймового анализа;
- семантико-когнитивный анализ лексических единиц, вербализующих художественный концепт «единство в многообразии» в рамках художественного пространства англоязычного стихотворения П. Б. Шелли;
- описательный;
- контекстуальный и интерпретационный.

В качестве материала исследования были использованы лексические единицы в стихотворении П. Б. Шелли «Love's philosophy», содержащие сему соотнесенности с концептом «единство в многообразии», дефиниции которых представлены в Cambridge Dictionary of English [18], Collins Cobuild English Language Dictionary [19] и Oxford Dictionary of English [20].

Теоретическая значимость данного исследования определяется его непосредственной связью с теорией концептуализации базовых философских категорий в лингвокультурологической и литературоведческой перспективах. Изучение вербальных репрезентаций философских категорий из сферы бытия человека расширяет и дополняет теоретическую основу когнитивной лингвистики, в рамках которой философские категории отражают культурно обусловленную специфику мировидения народа.

Результаты и обсуждение

Представление о единстве мира во всем его многообразии, как отмечает Н. Ф. Золотухина [7], всегда находилось в центре внимания ученых-философов и характеризовало развитие философской мысли на протяжении всей ее истории, являясь предметом самых разнообразных споров и дискуссий. Постулируя единство мира, философское мышление традиционно рассматривало две ипостаси единства — единство в духе («идеалистический монизм») или в материи («материалистический монизм»). В действительности представление о мире как о гетерогенном едином целом восходит к преданиям о сотворении мира, характерным для различных религий, согласно которым из разрозненных, далеко не гомогенных элементов живой и неживой природы складывается гармоничное единое целое. Идея единства в разнообразии получает развитие не только в философии, но и в ряде других научных дисциплин, таким образом расширяя сферу своего применения. Так, например, Н. Ф. Золотухина выделяет конструктивные подходы, связанные с практической реализацией концепта «единство в многообразии» в сфере педагогики, а именно в рамках концепции «Школы конвергентной педагогики» В. И. Тюпы [15]. Под конвергенцией в философском и в более общем понимании данного термина традиционно подразумевается «схождение признаков различных объектов и явлений, несмотря на их родовое или типовое отличие» [16].

Идея единства природы во всем ее многообразии находит отражение в творчестве англоязычного поэта-романтика П. Б. Шелли. В мировую литературу П. Б. Шелли вошел прежде всего как поэт, воспевавший красоту и истинность поэзии, ее особую миссию для всего человечества, актив-

но призывавший бороться за справедливость против господствовавшего политического строя. По мнению Шелли, основной задачей поэзии является поиск истины и правды. Предметом изображения в его лирике нередко становятся переживания лирического героя. По этой причине эмоциональные концепты в контексте лирики Шелли обладают особой смыслообразующей нагрузкой.

Помимо эмоционального мира персонажей особое внимание в творчестве Шелли уделяется бытийным категориям. Философия любви и жизни, предназначение человека в этом мире, бренность бытия — некоторые из излюбленных тем творчества поэта. Как отмечают Т. И. Мельникова и С. А. Рычкова, поэт не проводил грань между поэзией и философией, так как видел в них сходное предназначение, состоящее в поиске истины [10]. Тема единства природы при всем разнообразии форм ее существования проявляется в стихотворениях Шелли «Love's philosophy» и «The Birth of Pleasure» в двух ипостасях — это гармоничное слияние объектов природы в любовном союзе в первом случае и представление о мире как о едином целом с момента сотворения земли — во втором.

Стихотворение Шелли «Love's philosophy», опубликованное в 1819 г., посвящено теме любви. Текст подразделяется на две строфы из восьми строк, в которых в соответствии с авторской философской концепцией любви в пантеистической манере воспеваются гармония и единение всего живого на земле. Мы исходим из убеждения, что в рассматриваемом поэтическом произведении, «Love's philosophy», концепт «единство в многообразии» репрезентируется рядом фреймов (или структур данных, представляющих определенную стереотипную ситуацию). Исходя из этого анализ концепта «единство в многообразии» проводится путем исследования вербального (текстового) воплощения выделенных фреймовых структур. Необходимо отметить, что в соответствии со спецификой индивидуально-авторского идиостиля Шелли концепт «единство в многообразии» обладает особой сюжетообразующей и смыслообразующей функцией, которая реализуется в художественном пространстве анализируемого стихотворения:

Love's Philosophy

The fountains mingle with the river
 And the rivers with the ocean,
 The winds of heaven mix for ever
 With a sweet emotion;
 Nothing in the world is single;
 All things by a law divine
 In one spirit meet and mingle.
 Why not I with thine? —
 See the mountains kiss high heaven
 And the waves clasp one another;
 No sister-flower would be forgiven
 If it disdained its brother;
 And the sunlight clasps the earth
 And the moonbeams kiss the sea:
 What is all this sweet work worth
 If thou kiss not me? [13, c. 258].

Смысловое наполнение стихотворения «Love's philosophy» строится на антитезе — единство природы в виде гармоничного любовного союза фонтанов и рек («The fountains mingle with river»), рек и океана («...And the rivers with the ocean»), гор и небес («...the mountains kiss high Heaven»), солнечного света и земли («...And the sunlight clasps the earth») противопоставляется одиночеству лирического героя. Таким образом, любовный союз природных объектов контрастирует с разрозненностью и изолированностью в мире людей.

Для усиления отмеченного эффекта противопоставленности объекты неживой природы персонифицируются — описания гармоничного единства самых разнообразных, на первый взгляд несовместимых, элементов природы в терминах человеческих взаимоотношений избыточно лексемами с эмотивным значением:

сущ. emotion — «a strong feeling such as love or anger, or strong feelings in general» [19]; «An emotion is a feeling such as happiness, love, fear, anger, or hatred» [20];

гл. kiss — «to touch with your lips, especially as a greeting, or to press your mouth onto another person's mouth in a sexual way» [19]; «if you kiss someone, you touch them with your lips to show affection or sexual desire» [20];

гл. forgive — «to stop blaming or being angry with someone for something that person has done, or not punish them for something» [19];

гл. disdain — «the feeling of not liking someone or something and thinking that they do not deserve your interest or respect» [19];

гл. clasp — «to hold someone or something firmly in your hands or arms» [19].

Все представленные выше лексемы содержат в своей семантической структуре сему, отмеченную маркером соотнесенности с эмоциональной сферой человека. Использование эмотивной лексики при описании объектов неживой природы позволяет рассматривать природные, биологические процессы в терминах человеческих отношений [10] и в рамках авторского идиостиля придает изображаемым природным объектам статус основных действующих лиц произведения. Наименования океана и небес (Ocean, Heaven) приобретают статус имен собственных, так как в тексте стихотворения они указаны с прописной буквы. Более того, в целях усиления художественной образности произведения и, следовательно, его лингвопрагматического воздействия на читателя (создания ощущения раздвоенности действительности путем изображения двух контрастирующих эмоциональных планов) в стихотворении применяются такие стилистические приемы и выразительные средства, как олицетворение («The fountains mingle with the river» — рус. досл. «Фонтаны сливаются с рекой»; «Winds of heaven mix forever with a sweet emotion» — рус. досл. «Небесные ветры навеки сливаются в сладостном чувстве»; «The mountains kiss high heaven» — рус. досл. «Горы целуют высокие небеса»; «The waves clasp one another» — рус. досл. «Волны обнимают друг друга»; «No sister flower could be forgiven if it disdained its brother» — «Нет прощения цветку-сестре, отвергшему (презревшему) своего брата»; «Moonbeams kiss the sea» — «Лунный свет целует море») и эпитет («sweet emotion» — рус. «сладкая, нежная эмоция»; «law divine» — «божественный закон», «high Heaven» — «высокие небеса», «sweet work» —

досл. «сладкая работа», то есть прекрасное творение). В приведенных примерах нередко встречается лексика с семантикой физического взаимодействия, в частности чувственного восприятия: *mingle*, *sweet*, *kiss*, *clasp* и др. Употребление подобных лексических единиц в контексте описания природы способствует ее восприятию читателем как единого живого организма, подчиняющегося человеческим законам.

Центральными концептами анализируемого стихотворения являются «любовь», «единство в многообразии» и «одиночество». При этом первые два концепта находятся в отношениях взаимовлияния в рамках художественного пространства стихотворения, усиливая когнитивное содержание друг друга. Так, например, концепт «любовь» присутствует в когнитивном пространстве стихотворения в имплицитной форме, получая реализацию только в непосредственном взаимодействии с концептом «единство в многообразии», — окружающий мир преисполнен любви и красоты только в своей гармонии и единстве. В данном случае мы имеем дело с характерной для Шелли философской концепцией любви, основанной на признании конвергентной сущности любви в этом мире как гармоничного единства самых разных живых существ и объектов на земле. Мир невозможен без любви, которая, в свою очередь, основывается на сближении и слиянии разнородных элементов, в итоге становящихся единым целым. Жизнь прекрасна во всех своих проявлениях только благодаря чудодейственной силе любви.

Фреймовая структура, репрезентирующая концепт «единство в многообразии», представлена фреймами «природа» и «взаимодействие», тематически связанными друг с другом. Текстовая реализация фрейма «природа» в стихотворении выглядит следующим образом: разнородные элементы неживой природы сливаются в любовном порыве и тем самым уподобляются людям. Данный фрейм представлен следующими слотами:

1) что? (то есть непосредственно объекты природы): *fountains* — рус. фонтаны, *river* — рус. река, *ocean* — рус. океан, *winds* — рус. ветра, *Heaven* — рус. небеса, *mountains* — рус. горы, *waves* — рус. волны, *sister-flower* — рус. цветок-сестра, *its brother* — рус. ее брат, *sunlight* — рус. солнечный свет, *earth* — рус. земля, *moonbeams* — рус. сияние луны, *sea* — рус. море;

2) какой? (то есть характеристика объектов природы): *high* — рус. высокий, *of Heaven* — рус. небесный;

3) что делает? (то есть тип взаимодействия): *mingle* — рус. сливаться, *mix* — рус. смешиваться, *meet* — рус. встречаться, *kiss* — рус. целовать, *clasp* — рус. обнимать.

В рамках когнитивной структуры стихотворения концепт «природа» находится в тесном взаимодействии с концептом «взаимодействие», благодаря которому происходит его актуализация — природа оживает и раскрывает свое романтическое начало перед лирическим героем именно в результате сближения и слияния самых разнообразных ее компонентов.

Фрейм «взаимодействие» подразделяется на два субфрейма — «наличие взаимодействия» и «отсутствие взаимодействия», раскрывающих концептуальную дихотомию стихотворения — в эмоциональном плане

мир делится на царство любви, основанной на взаимодействии и слиянии разнородных объектов природы, и сферу не-любви применительно к взаимоотношениям людей. Субфрейм «наличие взаимодействия» включает в себя следующие слоты:

1) что? (то есть объекты природы, взаимодействующие друг с другом);

2) что делает? (то есть тип взаимодействия): *mingle* – рус. сливаться, *mix* – рус. смешиваться, *meet* – рус. встречаться, *kiss* – рус. целовать, *clasp* – рус. обнимать;

3) как? (то есть условия и специфика реализации взаимодействия):

(*mix*) *for ever* – (сливаться) навсегда – о ветрах;

with a sweet emotion – со сладким чувством;

by a law divine – по божественному закону;

in one spirit – в единое целое;

4) какой? (то есть качественная характеристика взаимодействия): *all this sweet work* – все это прекрасное (досл.: сладкое) творение.

В художественном пространстве рассматриваемого стихотворения субфрейм «наличие взаимодействия» вступает в когнитивную оппозицию с субфреймом «отсутствие взаимодействия», включающим в себя следующие слоты:

– кто? (лирический герой и объект его любви, представленные в тексте стихотворения личными и притяжательными местоимениями): *I, with thine, thou, me*;

– что не делает? (то есть отсутствие взаимодействия): (*not I*) *meet and mingle*; (*thou*) *kiss not me*.

Стихотворение завершается риторическим вопросом («*What is all this sweet work worth // If thou kiss not me?*») со стороны лирического героя, который вопрошает мироздание, почему он не может преодолеть дихотомию любви, приобщившись к гармоничному единству природных элементов на земле. В подобной раздвоенности вселенной, характеризующейся разобщенностью мира человека и мира природы, как показывает Шелли, и состоит вселенская философия любви. Природа подчиняется божественному закону и позволяет каждому своему элементу найти себе пару («*Nothing in the world is single*»), в то время как человек стоит в отдалении и наблюдает за происходящим со стороны.

Выводы

Таким образом, фреймовая структура концепта «единство в многообразии», репрезентированная тематически связанными фреймами «природа» и «взаимодействие», соотносится с представлением двух типов ситуаций – гармоничного любовного союза гетерогенных элементов природы, с одной стороны, и диссонанса в мире людей, то есть лирического героя, искренне стремящегося к обретению подобной любовной гармонии в отношениях с объектом обожания, – с другой. Анализ фрейма «взаимодействие», в свою очередь, подразумевает рассмотрение субфреймов «наличие взаимодействия» и «отсутствие взаимодействия», в когнитивном плане связанных с описанием двух

сюжетных линий стихотворения — становления и процветания гармоничного союза в мире природы и в то же время одиночества лирического героя и его противопоставленности миру вокруг. Рассмотрение субфрейма «наличие взаимодействия» позволяет выявить ряд слотов в его составе, совпадающих с выделенными узлами фрейма «природа», что свидетельствует об их тесной связи в когнитивной структуре стихотворения — природные элементы в художественном пространстве стихотворения живут и достигают гармонии только в своем взаимодействии и взаимовлиянии. Таким образом, «единство в многообразии» с точки зрения его общекультурной и индивидуально-авторской интерпретации представляется многогранным и емким концептом, рассмотрение которого в контексте анализа стихотворения «Love's philosophy» одновременно может проводиться с позиций лингвокультурологии, философии, психологии и литературоведения. Религиозно-философская идея П. Б. Шелли о единстве всего живого в его многообразии, корнями уходящая в историю, приобретает в стихотворении «Love's philosophy» особое эмоциональное наполнение, так как концепт «единство в многообразии», благодаря своей тесной взаимосвязи с концептом любви, обладает ярко выраженной эмоциональной заряженностью и представляется поэтом сквозь призму эмоциональных переживаний лирического героя.

Список литературы

1. Акетина О. С. Концептуальный анализ художественного текста и художественный концепт // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2013. №2. С. 13–18.
2. Бошонко В. С. Отражение языковой картины мира в поэтическом дискурсе (на материале русской интимной лирики поэтов XIX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
3. Выстропова О. С. Базисные индивидуально-авторские концепты в поэзии Роберта Бёрнса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013.
4. Вычужанина А. Ю. Роль цветообозначений в передаче эмоциональных концептов поэтического когнитивного пространства (на материале произведений С. А. Есенина и Д. Г. Лоуренса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009.
5. Диль А. В. Лексико-семантическая и синтаксическая валентность языковых репрезентаций эмоционального мира человека в стихотворении Т. Мура «Then, fare thee well» // Дискурс. 2021. Т. 7, №6. С. 120–131.
6. Диль А. В. Лингвокультурологический аспект номинации эмоций в стихотворении Дж. Г. Байрона «To a youthful friend» // Мир науки, культуры, образования. 2021. №3 (88). С. 585–587.
7. Золотухина Н. Ф. Концепт «единство в многообразии» в современной философской и педагогической мысли // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. №3. С. 67–71.
8. Коростова С. В. Эмоциональные ситуации в художественном тексте: способы выражения эмоционально-оценочных смыслов // Вестник ТГУ. 2016. Вып. 3 (7). С. 70–78.

9. Кучер И. Н. Структурно-семантические и когнитивные особенности метафоризации концепта *sorrow* в поэзии А. Теннисона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11, ч. 1. С. 118–121.
10. Мельникова Т. И., Рычкова С. А. Особенности стихотворного слога П. Б. Шелли и его перевод на русский язык // Огарёв-online. 2021. № 9 (62). URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/osobennosti-stixotvornogo-sloga-p-b-shelli-i-ego-perevod-na-russkij-yazyk> (дата обращения: 11.11.2022).
11. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1978.
12. Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд., доп. М., 2013.
13. Поэзия английского романтизма XIX в. / на англ. яз. с параллельным рус. текстом / пер. с англ. И. З. Фрадкина. СПб., 2004.
14. Склад Е. С. Концептосфера «эмоциональный опыт человека» в поэзии А. А. Фета и Ф. И. Тютчева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2011. С. 56–66.
15. Тюпа В. И. Коммуникативные параметры урока в школе конвергентной педагогики // Universum: Вестник Герценовского университета. 2012. № 1. С. 56–66.
16. Философская энциклопедия. URL: <https://terme.ru> (дата обращения: 07.07.2022).
17. Эмер Ю. А. Фреймовая организация концепта «язык» в частушке // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 34–39.
18. Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 27.05.2022).
19. Collins Cobuild English Language Dictionary. 1st ed. L., 1987.
20. Oxford Dictionary of English. 2nd ed. Oxford, 2010.

Об авторе

Анна Викторовна Диль – канд. филол. наук, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: annadiehl2018@yahoo.com

A. V. Diehl

ARTISTIC IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT “UNITY IN DIVERSITY” IN THE POEM BY P. B. SHELLEY “LOVE’S PHILOSOPHY”

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
Saint Petersburg, Russia

Received 07 July 2022

Accepted 26 December 2022

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-7

To cite this article: Diehl A. V. 2023, Artistic implementation of the concept “unity in diversity” in the poem by P. B. Shelley “Love’s philosophy”, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, № 1. P. 71–81. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-7.

This research focuses on the linguistic and cultural specifics of the concept «unity in diversity» in P. B. Shelley's poem "Love's philosophy". The study reflects the expert linguistic interest to the national cultural and individual author's specificity in interpreting philosophical concepts in literature, which have a meaning-forming function within the space-time continuum of literary works. The aim of this research is to study the linguistic and cultural specifics of the concept «unity in diversity», as well as to identify its pragmatic function in the artistic space of P. B. Shelley's works.

The novelty of this research lies in the use of an anthropocentric approach to the study of linguistic material, in which the verbal representations of the concept «unity in diversity» are viewed through the prism of the inner world of the lyrical hero. The interdisciplinary approach to the analysis of lexical units brings together linguistic cultural studies, literary criticism, psycholinguistics and philosophy.

The theoretical principles underlying this study are presented in the works of linguists involved in the analysis of concepts (in particular, philosophical and emotional ones) in the linguo-cultural and anthropocentric paradigms. The analysis relies on the method of continuous sampling, the method of conceptual frame analysis, the method of semantic-cognitive analysis, the descriptive method, as well as the contextual and interpretive methods.

Having studied the verbal content of frame structures representing the concept of «unity in diversity» within the framework of the individual author's concept sphere, the author made a conclusion about the special semantic function of the analyzed concept, which represents the cognitive dominant of the poem «Love's philosophy».

Keywords: unity, diversity, poetry, frame, concept, Shelley

The author

Dr Anna V. Diehl, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: annadiehl2018@yahoo.com

А. С. Косинская, С. В. Кравченко

**КАТЕГОРИЯ ЖАЛОСТИ В «РАСТОРЖЕНИИ БРАКА»
К. С. ЛЬЮИСА И «ВЛАСТЕЛИНЕ КОЛЕЦ» ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 09.08.2022 г.

Принята к публикации 20.12.2022 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-8

82

Для цитирования: Косинская А. С., Кравченко С. В. Категория жалости в «Расторжении брака» К. С. Льюиса и «Властелине колец» Дж. Р. Р. Толкина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. № 1. С. 82–89. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-8.

Категория жалости в текстах двух инклингов – К. С. Льюиса и Дж. Р. Р. Толкина – рассматривается в контексте этической бинарной оппозиции «добро и зло». Льюис писал «Расторжение брака» с целью опровергнуть известную художественную идею Уильяма Блейка о плодотворном союзе Рая и Ада, олицетворяющем творческое смешение добра и зла и, как следствие, размытие границ основных этических категорий, проявляющееся в моральном релятивизме человека XX и, пожалуй, XXI в. Жанр «Властелина колец» Толкина можно определить как эпическое фэнтези, посвященное вечной борьбе добра и зла. Противостояние двух членов интересующей нас этической оппозиции – в центре повествования Толкина. В обоих рассматриваемых произведениях добро и зло не относительные категории, присущие воспринимающему сознанию, но бытийные категории мироустройства. Для человеческого разума эта бинарная оппозиция является, по мысли Льюиса, «ключом к пониманию Вселенной». Метод сопоставительного анализа позволяет выявить единство и в то же время различия в репрезентации категории жалости в творчестве двух инклингов. В аспекте соотносительности с базовой этической оппозицией анализируется категория жалости в текстах Льюиса и Толкина, рассматриваются различные значения (модели) жалости, выявляется специфика раскрытия этой категории в сюжетах «Властелина колец» и «Расторжения брака».

Ключевые слова: Льюис, Толкин, «Расторжение брака», «Властелин колец», хоббит, жалость, добро, зло, бинарная оппозиция

**1. Бинарная оппозиция «добро и зло»
в текстах Льюиса и Толкина**

К. С. Льюис и Дж. Р. Р. Толкин близки не только в художественном контексте английской христианской мифопоэтической литературы XX в., но и в контексте литературной жизни. В начале 1930-х гг. они основали филологический дискуссионный клуб «Инклинги» (от англ. «inkling» – «намеки», а также «тот, кто перепачкан в чернилах»).

Инклингов объединял интерес к философии слова, мифу и литературе. Во время собраний зачитывались и обсуждались фрагменты неоконченных произведений, таких как «Властелин колец», «Расторжение брака», «За пределы Безмолвной планеты» и др.

В 1945 г. К. С. Льюис опубликовал произведение под названием «The Great Divorce», жанр которого он и другие члены литературного товарищества инклингов определили как «a dream» (сон, видение) [9; 12]. Поскольку текст построен как описание сна о загробной жизни, то, на наш взгляд, правомерным будет определить его жанр как эсхатологическое видение [3]. Обращение писателя к жанру, характерному скорее для средневековой литературы, чем для литературы XX в., неудивительно, так как автор, долгие годы профессионально исследовавший литературу европейского Средневековья в университетах Оксфорда и Кембриджа, отмечал, что склонен воспринимать многие вещи и видеть мир, как человек Средних веков [14, р. 47]. Пожалуй, первое, что бросается в глаза читателю «Расторжения брака» — это яркое несоответствие названия содержанию произведения. Эффект обманутых ожиданий читателя подчеркивает основную идею, вынесенную в сильную позицию текста. Эта идея состоит в полемике с мыслью Уильяма Блейка о том, что рай и ад, а вместе с ними и этические категории добра и зла взаимозависимы и обуславливают существование друг друга. «Если У. Блейк описал в своей поэме “The Marriage of Heaven and Hell” бракосочетание Рая и Ада, то К. С. Льюис посвятил свой текст “The Great Divorce” закономерному, по его мнению, расторжению этого брака» [2, с. 172]. Дж. Р. Р. Толкин является в этом отношении единомышленником Льюиса. Его герои так же не могут сохранить даже малой толики зла перед лицом Истины. На протяжении многих лет Бильбо Бэггинс наслаждается мирной и относительно добродетельной жизнью, изредка используя для своего блага кольцо всевластия, но и ему в определенный момент предстоит сделать решающий выбор и расстаться с «прелестью». Таким образом, в прозе двух инклингов утверждается жизненная необходимость этического выбора между добром и злом, и, поскольку судьбы мира во «Властелине колец» и вопрос о личном спасении в «Расторжении брака» напрямую зависят от этого выбора, то он, по сути, приобретает статус экзистенциального акта. Более того, всякая антропологическая категория в эсхатологическом видении К. С. Льюиса рассматривается через призму непримиримости категорий добра и зла, и с точки зрения основной в этом тексте этической оппозиции большинство категорий жизни человека имеют как светлого, так и темного аллегорического двойника. Так, например, любовь может обернуться для человека как спасением, так и гибелью. «Чем выше и сильнее что-то в естественной иерархии, тем будет страшнее оно в мятеже. Бесы — не падшие блохи, но падшие ангелы» [5, с. 96]. Дихотомичность в целом характерна для художественного мышления К. С. Льюиса, который еще в ранних стихах противопоставлял, к примеру, разум и фантазию (см. стихотворение «Reason»), полагая, что их синтез помог бы ему обрести веру. Как справедливо отметил Питер Шейкел, «Льюис испытывал серьезную потребность в осознании роли разума, которая состоит не в том, чтобы играть в интеллектуальные игры, но в поиске истины» [16, р. 21]. Это осознание, по мысли исследователя, стало

важным фактором для принятия Льюисом христианства, выбора, который требовал «взаимодействия разума и воображения» [16, р. 22]. Именно такое взаимодействие мы наблюдаем в «Расторжении брака»: здесь синтезированы воображаемые и чрезвычайно образные ад и преддверие рая, увиденные во сне вместе с их обитателями и посетителями (работа творческого воображения), и сложнейшие богословские вопросы с ответами праведников на них (тончайшая работа разума и логики). Гармоничное сочетание аллегорико-метафорической образности с рациональной богословской дискуссией, переданное простым и в то же время поэтическим языком, является, на наш взгляд, основной особенностью текста Льюиса.

Специфика «Властелина колец» в контексте бинарной оппозиции добра и зла состоит в сложности, изначальной неоднозначности художественного образа. В книге «Герои Толкина» Дэвид Дэй отмечает, что в характере Бильбо Бэггинса «есть нечто особенное и противоречивое» [1, с. 155]. С одной стороны, это типичный хозяйственный, общественный и прагматичный хоббит, с другой — он выбран в качестве взломщика («a burglar»). С точки зрения хоббитьего общества, его роль в походе — это роль преступника, «которого сторонится общество» [1, с. 156]. При этом, как отмечает исследователь, в художественном мире английской волшебной сказки взломщик зачастую — «знаменитый герой, славный мастерством, умом и отвагой» [1, с. 156], как, например, в сказке «Джек и бобовый стебель». «Типичен он и для множества мировых мифов, где герой путешествует в иной мир и похищает сокровище, волшебное оружие или даже секрет добывания огня» [1, с. 156]. Таким образом, в социальной реальности Хоббитании Бэггинс внезапно получает приглашение стать преступником, в то время как в мифопоэтической реальности текстов Толкина он приглашен на роль героя и храбреца. Такое раздвоение говорит об идейной многоплановости «Властелина колец» и «Хоббита», на которую не раз указывали исследователи творчества Толкина [6; 7; 11].

2. Истоки и смысл жалости во «Властелине колец»

Первым милует Горлума Бильбо Бэггинс (еще в «Хоббите»), и в тексте подчеркивается, что герой не убивает врага из чувства справедливости (Бильбо был невидим благодаря кольцу), жалости и сочувствия сопернику. «Это сочувствие было сродни озарению», — комментирует автор [10, с. 108]. Более того, чувство жалости (сочувствие врагу) «придало Бильбо решимости и сил» [10, с. 108]. Так, чувство жалости переходит в мгновенное действие. Это же чувство не раз переосмыслиется главными героями «Властелина колец». Выслушав в главе «Тень прошлого» рассказ Гэндальфа, Фродо сначала восклицает: «О какая жалость, что Бильбо не убил эту подлую тварь (Горлума. — А. К., С. К.), ведь он мог это сделать, мог!» [8, с. 75]. Гэндальф отвечает на это игрой слов: «Жалость? Да, Жалость, именно она остановила Бильбо» [8, с. 75]. («What a pity that Bilbo did not stab that vile creature, when he had a chance!» — «Pity? It was Pity that stayed his hand» [17, р. 73]. Отметим, что лексема “Pity” («Жалость») в речи Гэндальфа выделена написанием с заглавной буквы, при передаче реплик Фродо этого не происходит, потому что герой

заявляет, что у него «нет к Горлуму никакой жалости» [8, с. 75]. Такое выделение автором лексемы говорит о значимости обозначенного ею концепта. Более того, его значение уточняется Гэндальфом, который словно ищет наиболее точное слово для обозначения мотива поведения Бильбо. Оказывается, что это жалость в сочетании с Милосердием (снова с заглавной буквы). «Pity, and Mercy: not to strike without need» [17, р. 73]. Здесь же за лексемой «Милосердие» следует констатация морального закона: «Нельзя убивать без нужды» [8, с. 75]. Соблюдение этого закона в конечном счете и спасает Бильбо от губительного воздействия кольца. Таким образом, с точки зрения Гэндальфа (а эта точка зрения в начале повествования наиболее приближена к авторской), Жалость и Милосердие стоят в одном синонимическом ряду, обозначая высокие этические ценности, сопряженные с моральным законом.

Отметим, что ни Фродо, ни Сэм Гэмджи изначально не разделяют такое понимание концептов, явно недооценивая роль Жалости. Во время пути в Мордор мнение Фродо постепенно меняется. Встретив Горлума, он сначала повторяет поведение Бильбо (не убивает врага даже после того, как тот не единожды пытается убить его), а позже вспоминает и мысленно дословно воспроизводит рассуждения Гэндальфа на этот счет. Герой осознает, что не вправе отбирать у другого жизнь уже потому, что он ее не давал и не в силах вернуть. Поэтому чувство жалости осмысливается в тексте Толкина как благо, близкое по своей сути к милосердию. При этом щедро наделенный житейской мудростью Сэм осознает, что Горлум явно злоупотребляет проявленной ими жалостью и готовится их предать. Таким образом, жалость становится оружием в руках вызывающего к ней предателя и убийцы. Эта мысль мучает Сэма еще больше оттого, что он постоянно убеждается в ее верности. Таким образом, во «Властелине колец» представлено две модели жалости: жалость как проявление милосердия и однозначное благо — взгляд Гэндальфа и Фродо, и жалость как орудие манипуляции — взгляд Горлума и Сэма. Уникальным, на наш взгляд, в тексте Толкина является то, что жалость Фродо и Сэма, использованная Горлумом против героев и едва не погубившая их в сетях Шелоб, в последний момент спасает Фродо, и орудием этого спасения становится Горлум, именно он по воле Провидения уничтожает кольцо. Таким образом, даже злоупотребление жалостью в конечном счете может быть использовано во благо. Провиденциализм (случайность отрицается в художественном мире Толкина) подразумевает присутствие второй модели жалости, которая преобразует сюжет в сторону победы добра над злом, поэтому две модели становятся неравнозначными.

3. Виды и формы жалости в «Расторжении брака»

В тексте эсхатологического видения Льюиса категория жалости представлена неоднозначно: жалость описывается как великое благо, которое, однако, нередко применяется против человека. Так, Сара Смит, именуемая также Прекрасной женщиной, в сопровождении ангелов и в сиянии славы встречает своего земного мужа, Фрэнка, олицетворяющего манипулирование людьми и злоупотребление жалостью. Фрэнк в тексте представлен, пожалуй, как страннейший из призраков.

«I turned and saw an oddly-shaped phantom approaching. Or rather two phantoms: a great tall Ghost, horribly thin and shaky, who seemed to be leading on a chain another Ghost no bigger than an organ-grinder's monkey» [15, p. 82]. («Я посмотрел и увидел очень странного призрака. Вернее, это были два призрака. Один, высокий и тощий, волочил на цепочке маленького, с мартышку ростом») [5, с. 107]. Высокий и тощий напомнил повествователю «трагика», «плохого актера старой школы». Очевидно, он alter ego или олицетворенная маска карлика, к которому и обращается Прекрасная женщина. Трагический актер, или alter ego Фрэнка, — искусный и злой оратор, говорящий пламенные речи о священной любви и глубочайшем страдании и тоске, которая истончает его душу. Основная тема всех его монологов — это чувство собственного достоинства (униженное женщиной, которую он любит). При этом нетрудно заметить особенность его речей — в каждом высказывании прочитывается упрек в адрес собеседника. Так красивые высказывания маскируют непрестанную игру на жалости и чувстве вины. При этом Сара Смит, по-видимому, знает и понимает Фрэнка лучше, чем он сам способен себя понять. Прекрасной женщине дано видеть призрака «насквозь» (в том числе и в переносном смысле слова). «Even as a child you did it. Instead of saying you were sorry, you went and sulked in the attic... because you knew that sooner or later one of your sisters would say, "I can't bear to think of him sitting up there alone, crying." You used their pity to *blackmail* them, and they gave in in the end. And afterwards, when we were married» [15, p. 90] («Ты и в детстве так делал. Чем просить прощения, ты шел поплакать на чердак... Ты знал, что кто-нибудь из сестер скажет рано или поздно: "Не могу, он там плачет". Ты шантажировал их, играл на жалости, и они сдавались. А потом со мной...») [5, с. 115].

Весьма необычный (даже для призрака) образ Фрэнка иллюстрирует «страсть, именуемую жалостью» [5, с. 119]. Такой вид жалости, по мнению проводника главного героя в мире мертвых Дж. Макдональда, является оружием зла против добра. Наставник предупреждает главного героя о мнимом благородстве заблуждения людей, заявляющих, что они «не примут спасения, если хоть одна душа останется во тьме» [5, с. 119]. Опасность, по мнению учителя, состоит в том, что «собака на сене может стать "тираном мироздания"» [5, с. 119]. Но Макдональд повествует и о другом виде жалости. Жалость как действие является орудием добра. «It leaps quicker than light from the highest place to the lowest to bring healing and joy, whatever the cost to itself. It changes darkness into light and evil into good. But it will not, at the cunning tears of Hell, impose on good the tyranny of evil» [15, p. 92] («Она летит быстрее света с высот в низины, чтобы исцелить и обрадовать любой ценой. Она обращает тьму в свет, зло — в добро. Но она не может отдать добро в рабство злу») [5, с. 119].

Таким образом, в эсхатологическом видении Льюиса понятие «жалость» имеет два значения, состоящие между собой в отношении бинарной оппозиции: жалость-действие (стремление помочь и обрадовать, милосердие) и жалость-страсть (чувство вины, которое используется для тирании и манипуляций). Тем самым логически опровергается религиозное заблуждение, ставящее под сомнение возможность райского блаженства при адских муках грешников.

Исследователь творчества Льюиса Г. С. Кутсона справедливо отметил, что святые в тексте «The Great Divorce» преисполнены радостью и светятся от ее избытка. «И наоборот, отказаться от радости значит предпочесть жизнь в аду, что и делает Карлик в “Расторжении брака”, даже когда Сара Смит, его земная жена, призывает его принять радость Небес. А ведь Сара Смит могла “разбудить всех умерших во Вселенной для вечной жизни” своей абсолютной радостью» [13, р. 53]. Соответственно, радость в «Расторжении брака» (как и во многих других художественных произведениях Льюиса) — своеобразный критерий, относящий отдельные явления к категории добра. Интересующее нас явление жалости может быть отнесено к этической категории добра при условии, что проявления жалости действительны и приносят радость как субъекту, так и объекту чувства.

Выводы

Таким образом, категория жалости в рассмотренных текстах Толкина и Льюиса имеет два основных значения:

- жалость как проявление милосердия, или добро в действии;
- жалость-страсть, подчиняющая милосердного человека тирану.

Следовательно, жалость в текстах Льюиса и Толкина может относиться как к этической категории добра, так и к категории зла. Вторая модель (значение) жалости вовсе не отрицает целесообразности первой благодаря провиденциальности текстов двух писателей. Так, вмешательство Божьей воли в судьбы героев способно не только оправдать жалость праведника к «тирану мироздания», как в «Расторжении брака» Льюиса, но и даже использовать несвободу второй модели жалости во благо (в том числе и для освобождения) героя, что происходит во «Властелине колец» Толкина.

Список литературы

1. Дэй Д. Герои Толкина. М., 2020.
2. Косинская А. С. Образы добра и зла в повести К. С. Льюиса «The Great Divorce» // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2021. №6. С. 172–181.
3. Косинская А. С. Образ проводника в эсхатологическом видении «The Great Divorce» («Расторжение брака») К. С. Льюиса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2021. №2. С. 89–97.
4. Королев К. М. Толкин и его мир : энциклопедия. М., 2003.
5. Льюис К. С. Сказание об аде и рае, или Расторжение брака. М. ; СПб., 2010.
6. Паксютов Г. Д. Толкин и скрытые смыслы «Властелина колец». М., 2021.
7. Прашкевич Г. М., Соловьев С. В. Толкин. Дон с Бычьего Брода. М., 2019.
8. Толкин Дж. Р. Р. Властелин колец : в 2 ч. / пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. СПб., 1992.
9. Толкин Дж. Р. Р. Письма / под ред. Хамфри Карпентера и Кристофера Толкина / пер. с англ. С. Лихачевой. М., 2004.
10. Толкин Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно / пер. с англ. К. Королёва, В. Тихомирова. М. ; СПб., 2009.

11. Шунну Т. А. Дорога в Средьземелье. СПб., 2003.
12. Barfield O. On C. S. Lewis. Oxford, 2011.
13. Cootsona G. S. C. S. Lewis and the Crisis of a Christian. Westminster, 2014.
14. Lewis C. S. De Description Temporum, Inaugural Lecture as Professor of Medieval and Renaissance English at Cambridge University, November 29, 1954 // Grayson Carter Beyond Personality: Recollections of C. S. Lewis. The C. S. Lewis Journal. 2008. Vol. 2, iss. 1. P. 47–68.
15. Lewis C. S. The Great Divorce. L., 2009.
16. Shakel P. J. C. S. Lewis: Reason, imagination and knowledge // C. S. Lewis and friends / ed. by D. Hein, E. Eugene Henderson. Wipf and Stock publishers, 2011.
17. Tolkien J. R. R. The Hobbit or there and back again. Dublin, 2020.

Об авторах

Александра Сергеевна Косинская – канд. филол. наук, независимый исследователь, Калининград, Россия.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru

Сергей Васильевич Кравченко – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ocsfinn@mail.ru

A. S. Kosinskaya, S. V. Kravchenko

**THE CATEGORY OF PITY IN «THE GREAT DIVORCE»
BY C. S. LEWIS AND «THE LORD OF THE RINGS»
BY J. R. R. TOLKIEN**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 09 August 2022

Accepted 20 December 2022

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-8

To cite this article: *Kosinskaya A. S., Kravchenko S. V.* 2023, The category of pity in «The Great Divorce» by C. S. Lewis and «The Lord of the Rings» by J. R. R. Tolkien, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1. P. 82–89. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-8.

The article analyzes the main features of the category of pity in the texts of two inklings – C. S. Lewis and J. R. R. Tolkien in the context of the ethical binary opposition of “good and evil”. This binary opposition is not randomly chosen: Lewis wrote “The Great Divorce” in order to refute the famous artistic idea of William Blake about a fruitful union or the marriage of Heaven and Hell, which personifies the creative mixture of good and evil, and as a result, the blurring of the boundaries of the main ethical categories, manifested in the moral relativism of man of the twentieth (and, perhaps, the twenty-first) centuries. The genre of the text “The Lord of the Rings” by Tolkien can be defined as an epic fantasy dedicated to the eternal struggle of good and evil. The confrontation between the two members of the ethical binary opposition of interest to us is at the center of Tolkien’s narrative. In both Lewis’s text and Tolkien’s work, good and evil

are not relative categories inherent in the consciousness of the perceiving person, but existential categories of the world order. This binary opposition is, according to Lewis's thought, "the key to understanding the universe". The method of comparative analysis makes it possible to reveal the unity and at the same time minor differences in the representation of the category of pity in the work of the two inklings. From the point of view of correlation with the basic ethical binary opposition, the category of pity in the texts of Lewis and Tolkien is analyzed. Different meanings (models) of pity are considered, the main features of realisation of this category in the texts of "The Lord of the Rings" and "The Great Divorce" are described.

Keywords: Lewis, Tolkien, "The Great Divorce", "The Lord of the Rings", hobbit, pity, good, evil, binary opposition

The authors

Dr Alexandra S. Kosinskaya, Kaliningrad, Russia.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru

Sergey V. Kravchenko, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ocsfinn@mail.ru

М. А. Агапов, Ю. Е. Скалин, Н. Н. Бочарова

**СКРИНИНГОВАЯ ДИАГНОСТИКА
ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ
В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

90

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, Россия

Поступила в редакцию 10.11.2022 г.

Принята к публикации 16.01.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-9

Для цитирования: Агапов М. А., Скалин Ю. Е., Бочарова Н. Н. Скрининговая диагностика психоэмоционального состояния обучающихся в системе высшего образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №1. С. 90—101. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-9.

Позитивные эмоциональные состояния обучающихся в системе высшего образования являются одним из важнейших факторов, способствующих сохранению психического здоровья, освоению образовательных программ и профилактике агрессивного и девиантного поведения. Одним из определяющих факторов того, будут ли молодые люди испытывать трудности с психическим здоровьем, служит раннее выявление психоэмоциональных нарушений у студентов для разработки алгоритма соответствующего психологического сопровождения. Целью исследования стала оценка возможностей и перспектив скрининговой психологической диагностики обучающихся университета в дистанционном формате. Исследование впервые проводилось на базе электронной платформы управления обучением (learning management system, LMS). Психодиагностика выявила значительный уровень тревожности у обследуемых на субклиническом уровне выраженности, определенную динамику тревожных расстройств и депрессии у студентов разных лет обучения, а также проявления разных форм агрессивного поведения. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что проведение скрининговых психологических исследований в электронной форме позволяет обеспечить раннее выявление обучающихся, нуждающихся в психологической помощи, и разработать алгоритм действий и обеспечения внутриведомственного и вневедомственного взаимодействия.

Ключевые слова: обучающиеся, высшее образование, агрессия, депрессия, тревога, скрининговое тестирование

Введение

Психологическая помощь в системе высшего образования – неотъемлемая часть образовательного процесса, нацеленная на сохранение здоровья, а также профилактику деструктивного поведения обучающихся. Обеспечение мер психологической профилактики направлено на выявление и предупреждение психических расстройств, возникновение социально-психологической дезадаптации в процессе образовательной деятельности в образовательном учреждении высшего образования. В основе возникновения указанных рисков зачастую лежат нарушения вариантов эмоционального развития молодых людей, влекущие за собой поведенческие феномены.

Методология раннего выявления подобных расстройств, а также агрессивного и аутоагрессивного поведения у студенческой молодежи актуализирует необходимость трансформации системы психологического сопровождения и психологических служб в системе высшего образования [9]. По данным многочисленных отечественных исследований, у значительной части студентов наблюдаются эмоциональные проблемы, связанные с повышенной возбудимостью, склонностью к депрессивным состояниям, частыми сменами настроения, тревожностью. В частности, А. А. Артеменков [1], оценивая психоэмоциональные состояния студентов университета в 2010–2013 гг., отмечал у значительной части первокурсников повышенный уровень тревожности. О. А. Карабинская, В. Г. Изатулин, А. Н. Калягин и А. Б. Чикалюк [8], А. Р. Бигаева [2], изучая медико-биологические и социально-гигиенические факторы, влияющие на формирование образа жизни студентов медицинского вуза, пишут о влиянии личностной и реактивной тревожности на структуру учебной мотивации студентов первых курсов медицинского колледжа и Иркутского государственного медицинского университета [8].

Зарубежные ученые также констатировали в аналогичный период, что более трети студентов университетов имели диагностические показатели, соответствующие критериям психического расстройства, в связи с чем три четверти из них испытывали ролевые и поведенческие нарушения в каком-либо аспекте своей жизни [27; 29].

Однако проблема состоит не только в том, что эмоциональные реакции играют важнейшую роль в адаптационном процессе и существенным образом влияют на компенсаторно-приспособительные и коммуникативные функции эмоций в учебной деятельности [12; 14; 20; 24; 25]. А. С. Утюж, В. А. Загорский, А. В. Юмашев и др. [19] еще пять лет тому назад отмечали существенное увеличение числа пациентов с неустойчивой тревожностью и постоянными интенсивными страхами по сравнению с предшествующим периодом и указывали на данный показатель как на фактор повышения риска развития у таких людей во взрослом возрасте различных невротических состояний и неврозов, которые могут повлечь за собой нарушения антиципационных особенностей психической деятельности [16], дезадаптацию различного характера [7; 17; 21; 26; 30] и повлиять на развитие личности в целом [4; 15; 18; 23; 28]. Особое беспокойство уже тогда вызывал феномен коморбидности при возникновении тревожных расстройств [2; 13; 15].

На поведенческом уровне вышеперечисленные расстройства могут проявляться в виде различных форм агрессивного поведения обучающихся. Так, по данным Р.М. Магомедовой, 90% преподавателей сообщают о том, что периодически сталкиваются с проявлениями агрессии студентов и испытывают трудности во взаимодействии с такими студентами [13]. Несмотря на то что агрессия в юношеском возрасте порождается сложным комплексом психофизиологических и социальных причин, основными триггерами агрессивного поведения в этом возрасте, на наш взгляд, выступают состояния тревожности, стресса и фрустрации, поскольку образ жизни студентов характеризуется наличием учебных перегрузок, стрессов, нарушениями режима дня и приема пищи, вредными привычками и др. Все это способствует развитию негативных эмоциональных состояний, а возможно, и социально-психологической дезадаптированности и психосоматических заболеваний [11; 21].

Современная образовательная ситуация в вузах развивается в постпандемических условиях коронавирусной инфекции, создавшей новые вызовы для системы высшего образования, ответами на которые становятся не только трансформация средств и методов обучения, но и требования к обеспечению психического здоровья обучающихся и формированию культуры здоровья в вузе [5; 10].

Резюмируя вышесказанное, приходим к очевидному выводу: тревожность в современной клинической практике рассматривается как один из основных пусковых механизмов, лежащих в основе расстройств эмоциональной сферы личности. Мониторинг (скрининг) распространения тревожных расстройств среди студенческой молодежи позволит осуществить профилактику более серьезных нарушений здоровья, а также оптимизировать лечебно-диагностический процесс.

Для решения задач, поставленных Концепцией развития сети психологических служб в образовательных организациях высшего образования в Российской Федерации, на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта была создана Психологическая служба. Одной из ее функций стало проведение скрининговых психологических исследований для решения проблем здоровья обучающихся, в частности психодиагностика психоэмоциональных расстройств, сопровождающихся серьезными последствиями при отсутствии психологической / медицинской помощи (что доказано имеющимися научными данными о течении данных расстройств и состояний).

Методы исследования

Выбор метода скринингового исследования обусловлен необходимостью применения простых, недорогих, валидных, достаточно чувствительных тестов, которые могут выявить обучающихся молодых людей группы риска по психоэмоциональным расстройствам на бессимптомной или ранней стадии, а также факторы риска [6]. Данное исследование впервые проводилось на базе электронной платформы управления обучением (learning management system, LMS), используемой в обыден-

ной практике образовательного процесса в дистанционном формате с октября по декабрь 2022 г. Для входа в систему каждый обучающийся использовал персональный логин и пароль. Скрининг в дистанционной форме доступен и безопасен для обследуемых, может проводиться в комфортных для них условиях. Достоверность исследования обеспечена применением математико-статистической обработки массива данных в программе StatTech v. 3.0.1 (разработчик – ООО «Статтех», Россия). Количественные показатели оценивались на предмет соответствия нормальному распределению с использованием обобщенного теста Д'Агостино – Пирсона. Сравнение двух групп по количественному показателю, имеющему нормальное распределение, выполнялось на основе t-критерия Стьюдента; сравнение трех и более групп осуществлялось с помощью однофакторного дисперсионного анализа. Направление и теснота корреляционной связи между двумя количественными показателями оценивались с помощью коэффициента корреляции Пирсона.

Целевая выборка скрининга сформирована из 3128 обучающихся Балтийского федерального университета им. И. Канта в возрасте от 18 до 25 лет, очной формы обучения бакалавриата, магистратуры и специалитета различных образовательных кластеров университета, 71,6% составили женщины, 28,4% – мужчины. Для оценки основных психологических параметров были использованы следующие стандартизованные тесты:

– Госпитальная шкала тревоги и депрессии (Hospital Anxiety and Depression Scale, HADS);

– «Агрессивное поведение» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев).

После проведения скринингового тестирования обучающиеся, имеющие выраженные отклонения по интегральным показателям тестирования, приглашались в Психологическую службу университета для проведения углубленной диагностики с последующим включением в группу психологического сопровождения. По итогам углубленного психологического обследования часть обучающихся была включена в психокоррекционную работу, при необходимости было возможно направление к врачу-психиатру.

Результаты исследования

Среди всех испытуемых проводилось тестирование с использованием психометрической шкалы HADS, шкалы агрессии, включающей оценку склонности к вербальной агрессии (прямой и косвенной), склонности к физической агрессии (прямой и косвенной), уровень несдержанности. Депрессия и тревожность считалась клинически выраженными при наборе 11 баллов и более по шкале HADS, склонность к различным формам агрессии была высокой при показателе более 7 баллов, несдержанность диагностировалась, если было набрано более 20 баллов.

Результаты оценки выраженности психоэмоциональных нарушений в зависимости от курса обучения и их динамика представлена в таблице 1 и на рисунках 1, 2.

Таблица 1

Средние показатели выраженности психоэмоциональных нарушений

Курс	Склонность к прямой вербальной агрессии	Склонность к косвенной вербальной агрессии	Склонность к скрытой физической агрессии	Склонность к прямой физической агрессии	Уровень несдержанности респондента	Депрессия	Тревога
1-й	3,308 614	3,707 865	1,851 685	1,934 082	7,094 382	4,927 341	7,641 199
2-й	3,479 283	4,061 590	1,946 249	1,988 802	7,414 334	5,180 493	8,163 677
3-й	3,683 146	4,474 157	1,968 539	2,053 933	7,705 618	5,305 618	8,373 034
4-й	3,495 413	4,259 939	1,892 966	1,938 838	7,327 217	5,550 459	8,483 180
5-й	3,722 689	4,436 975	2,092 437	2,142 857	7,957 983	5,896 226	8,726 415
6-й	3,777 778	4,333 333	2,555 556	1,222 222	7,555 556	6,444 444	9,111 111

Как видно из таблицы 1, показатели прямой и косвенной вербальной агрессии можно отнести к пониженным, в свою очередь, данные скрытой и прямой физической агрессии имеют низкие значения. При этом данные по шкале депрессии относятся к нормальным показателям, в то же время показатель шкалы тревоги имеет субклиническую выраженность за исключением первого курса обучения.

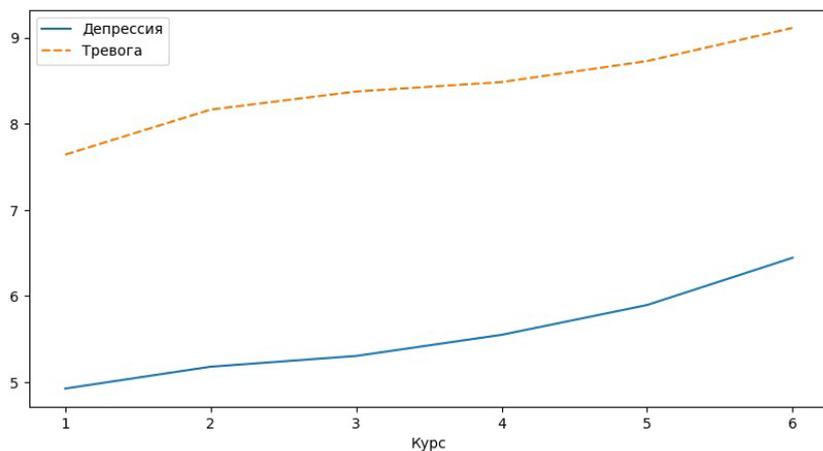

Рис. 1. Показатели депрессии, тревоги и агрессии у студентов разных специальностей:

ось абсцисс – курс обучения; ось ординат – балл по тесту «Госпитальная шкала HADS

Как видно из рисунка 1, показатели тревоги растут прогрессивно в зависимости от курса обучения и имеют различную степень выраженности.

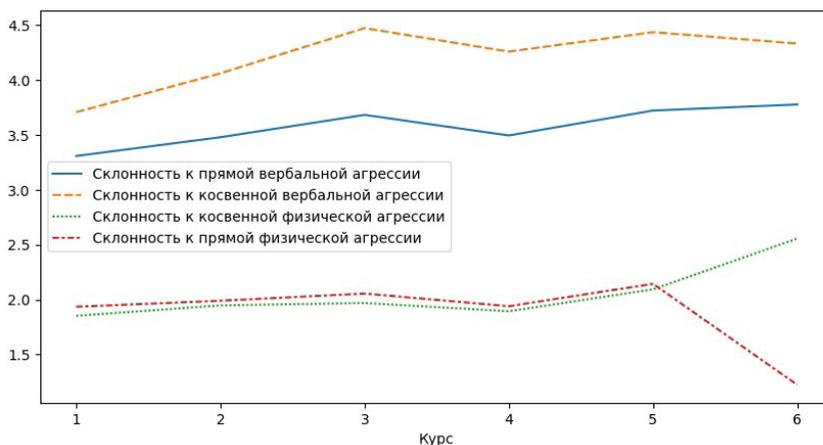

Рис. 2. Динамика показателя форм агрессии:
ось абсцисс – курс обучения; ось ординат – балл по тесту Е.П. Ильина

На рисунке 2 видно отсутствие выраженной прогрессии показателей в зависимости от года обучения, однако отмечается некоторый рост показателей прямой, косвенной агрессии и прямой физической агрессии к третьему курсу обучения.

Формы агрессивных реакций представлены в таблице 2.

Таблица 2

Характеристика различных форм агрессивных реакций обучающихся высших школ/колледжа университета исходя из среднего значения показателя

Наименование высшей школы/колледжа	Склонность к прямой вербальной агрессии	Склонность к косвенной вербальной агрессии	Склонность к косвенной физической агрессии	Склонность к прямой физической агрессии	Уровень несдержанности респондента
Высшая школа физической культуры и спорта, n=42	3,5	4,61	2,26	2,33	8,16
Высшая школа бизнеса и предпринимательства, n=258	3,39	4,06	1,58	1,96	6,94
Высшая школа гостеприимства, n=124	3,81	4,56	1,77	1,86	7,45
Высшая школа живых систем, n=237	3,26	4,04	1,97	2,0	7,24
Высшая школа компьютерных наук и прикладной математики, n=155	3,35	3,68	1,96	2,21	7,53

Окончание табл. 2

Наименование высшей школы/ колледжа	Склонность к прямой вербальной агрессии	Склонность к косвенной вербальной агрессии	Склонность к косвенной физической агрессии	Склонность к прямой физической агрессии	Уровень несдержанности респондента
Высшая школа медиа и дизайна, n=170	3,59	4,70	1,72	1,64	6,96
Высшая школа меди- цины, n=423	3,56	3,91	2,00	1,97	7,54
Высшая школа меж- дисциплинарных ис- следований и инжи- нинга, n=90	3,22	3,53	2,25	2,46	7,94
Высшая школа обра- зования и психологии, n=184	3,13	4,32	2,0	1,73	6,87
Высшая школа права, n=165	3,52	3,67	1,90	2,09	7,52
Высшая школа физи- ческих проблем и тех- нологий, n=372	3,48	3,12	1,98	2,63	8,09
Высшая школа фило- логии и кросс-куль- турной коммуника- ции, n=655	3,31	4,35	1,83	1,52	6,66
Высшая школа фило- софии, истории и со- циальных наук, n=172	3,92	4,12	2,01	2,17	8,10
Медицинский кол- ледж, n=61	3,27	3,36	1,73	1,46	6,47
Университетский кол- ледж, n=20	4,40	4,65	3,15	3,75	11,3

Из таблицы 2 видно, что наиболее выраженные показатели несдержанности респондента как интегральные показатели различных форм агрессии отмечаются в Высшей школе философии, истории и социальных наук и в Высшей школе физических проблем и технологий (показатели Университетского колледжа и Высшей школы физической культуры и спорта мы не учитываем в связи с малым числом респондентов). При этом в Высшей школе физических проблем высоки показатели склонности к прямой вербальной агрессии, а в Высшей школе философии, истории и социальных наук — показатели склонности к косвенной вербальной агрессии.

При исследовании корреляционных взаимоотношений между психоэмоциональными проявлениями различной модальности были установлены различной тесноты и направленности связи между признаками

в зависимости от года обучения. Шестой курс при анализе корреляционных связей не учитывался ввиду малой численности респондентов (табл. 3).

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа взаимосвязи психоэмоциональных проявлений при численности респондентов более 300 человек

Наименование высшей школы/колледжа	Тип корреляционной связи	Коэффициент корреляции, ρ
Высшая школа медицины, $n = 423$	Депрессия — тревога	0,63
	Склонность к прямой физической агрессии — склонность к прямой вербальной агрессии	0,47
Высшая школа физических проблем и технологий, $n = 372$	Депрессия — тревога	0,58
	Склонность к косвенной физической агрессии — склонность к прямой вербальной агрессии	0,49
Высшая школа филологии и кросс-культурной коммуникации, $n = 655$	Депрессия — тревога	0,54

97

Обсуждение

Скрининг показал, что психоэмоциональные нарушения широко распространены в студенческой среде. К наиболее выраженным проявлениям таких нарушений в первую очередь относятся тревога, депрессия и различные формы агрессии.

В полученных нами результатах виден значительный уровень тревоги среди обследуемых на субклиническом уровне выраженности. При этом отмечается рост тревожных расстройств с 1-го по 3-й курс, затем данный показатель снижается. Полагаем, что выявленная динамика связана с тем фактом, что при поступлении обучающегося в университет происходит адаптация к интеллектуальной деятельности, значительному объему получаемой информации, высоким психоэмоциональным нагрузкам, которая сопровождается нарушением режима труда и отдыха, что приводит к ухудшению состояния здоровья студентов, негативно сказывается на эффективности процесса обучения в высшем учебном учреждении и приобретении профессиональных навыков. Увеличение продолжительности учебного времени, обусловленное учебной нагрузкой, уменьшение количества свободного времени и снижение продолжительности сна, гиподинамия, погрешности в питании приводят к проявлению феномена тревожности.

Депрессивные расстройства, имея нормальные значения, также характеризуются динамикой роста показателей от младших курсов к старшим. Полагаем, что это также обусловлено нарастанием учебной нагрузки на обучающихся, развитием фрустрации, связанной с риском неуспеваемости и последующим отчислением.

Скрининговое исследование также выявило динамику роста прямой и косвенной вербальной агрессии обучающихся с 1-го по 3-й курс.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что весьма выражены показатели несдержанности респондентов Высшей школы философии, истории и социальных наук и Высшей школы физических проблем и технологий. Не исключено, что данный факт может быть связан с особенностями взаимодействия обучающихся с педагогическим составом школ, а также с личностными особенностями студентов. При этом данные характеристики агрессивного поведения проявляются как форма психологической адаптации. Однако мы согласны с Ю. Г. Овчинниковой в том, что кризис идентичности, наступающий в юности, играет значительную роль в формировании юношеской агрессивности и агрессивного поведения, когда индивид может перечислить собственные идентификации, но эмоциональный стержень, объединяющий их воедино, отсутствует [18]. Вероятно и то, что поскольку существует связь между кризисом идентичности и эмоциональным кризисом юношеского возраста, изменение или даже частичная утрата социального статуса или признания со стороны значимого окружения вследствие включения в другую социальную группу (из школьников в студенты) могут стать причиной агрессивного поведения юноши или девушки [13].

Положительная корреляция уровня тревоги и депрессии отмечается во всех анализируемых образовательных подразделениях, что является закономерным процессом патологической адаптации к условиям образовательной среды с формированием комплексного тревожно-депрессивного расстройства и возможным развитием психосоматических заболеваний, а также риском суицидального поведения. Иные связи между формами агрессивного поведения требуют дополнительного изучения, что будет целью дальнейших исследований.

Заключение

Формирование системы психологического сопровождения образовательного процесса в учреждениях высшего образования — базовый фактор сохранения психического благополучия обучающихся и полноценного освоения образовательных программ без ущерба их здоровью. Полученные нами данные скрининга сопоставимы с другими результатами отечественных ученых [1; 3; 7; 8; 15] и зарубежных исследователей [27] и др., что свидетельствует в пользу обоснованности применения дистанционной формы психологического скрининга на базе электронной платформы управления обучением (Learning Management System, LMS).

Проведение скринингового тестирования в условиях комфортности и доступности с целью выявления обучающихся, которым требуется психологическая помощь, а также обеспечение системы межведомственного взаимодействия, преемственности при оказании психиатрической помощи и организации превентивных мер деструктивного поведения студентов является важным этапом психологической помощи. Выявленные в ходе исследования у значительного числа обучающихся признаки тревоги, депрессии и агрессии подтверждают правомерность и необходимость созданного алгоритма психологического сопровождения, направленного на максимальный охват обучающихся.

Список литературы

1. Артеменков А. А. Оценка психоэмоционального состояния студентов университета // Гигиена и санитария. 2013. Т. 92, №4. С. 73–76.
2. Астапов В. М., Петрова И. Н. Проблемы коморбидности в анализе тревожных расстройств // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2017. №2 (46). С. 75–79.
3. Бигаева А. Р. Сравнение уровня тревожности у студентов медицинского вуза и студентов психологического факультета // Студенческий вестник. 2021. №41-1 (186). С. 48–50.
4. Вачков И. В. Тревожность, тревога, страх: различение понятий. М., 2014.
5. Временные методические рекомендации. «Медицинская реабилитация при новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Версия 3» (утв. Министерством здравоохранения РФ 1 ноября 2022 г.). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/405861557/paragraph/1:1> (дата обращения: 11.11.2022).
6. Дранкина О. М., Самородская И. В. Скрининг: терминология, принципы и международный опыт // Профилактическая медицина. 2019. Т. 22, №1. С. 90–97. Doi.org/10.17116/profmed20192201190.
7. Дроздова Л. Н., Кулешова Ю. В., Ашихмина С. В. Возрастные особенности и оценка адаптационных возможностей студентов-первокурсников // Психология обучения. 2007. №12. С. 89–94.
8. Карабинская О. А., Изатулин В. Г., Калягин А. Н., Чичкалюк В. А. Тревожность и ее влияние на учебную мотивацию у студентов различных образовательных заведений // Культура. Наука. Образование. 2021. №3 (60). С. 49–54.
9. Концепция развития сети психологических служб в образовательных организациях высшего образования в Российской Федерации (утв. Минобрнауки России 29.08.2022 №ВФ/1-Кн). URL: <https://fzakon.ru/dokumenty-ministerstv-i-vedomstv/kontseptsiya-razvitiya-seti-psihologicheskikh-sluzhb-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-vysshego-obrazovaniya-v-r/> (дата обращения: 11.11.2022).
10. Кулешова Ю. В., Козулина Н. С. Психолого-педагогические технологии формирования культуры здоровья обучающихся в вузе // Актуальные проблемы педагогики и психологии: вызовы XXI века. М., 2017. С. 147–151.
11. Куценко Г. И. Общественное здоровье и здравоохранение. СПб., 2000.
12. Лукьянова Н. А., Родионова Е. В., Конюхова Т. В. Социологические основания траектории поддержания психоэмоциональной устойчивости студентов в стрессовых ситуациях // Вестник Томского государственного университета. 2019. №440. С. 153–159. doi: 10.17223/15617793/440/21.
13. Магомедова Р. М. О причинах проявления агрессии и агрессивного поведения студентов современного вуза // Казанский педагогический журнал. 2012. №2 (92). С. 131–137.
14. Максимов С. В., Лепихина Т. Л. Факторы эффективной жизнедеятельности студента и их влияние на здоровье // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер.: Экономика. 2017. №1. С. 43–48.
15. Малкова Е. Е. Тревожность и развитие личности: монография. СПб., 2013.
16. Менделевич В. Д., Мухаметзянова Д. А. Антиципационные особенности психической деятельности детей, страдающих неврозами // Социальная и клиническая психиатрия. 1997. №2. С. 31–36.
17. Мешков Н. А., Мешкова Г. Н. Особенности психофизиологической адаптации детей разного возраста к образовательной нагрузке // Вестник Поморского университета. 2008. №3. С. 12–18.

18. *Обчинникова Ю. Г.* К проблеме кризиса идентичности // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2000. №2. С. 84–89.
19. *Утюж А. С., Загорский В. А., Юмашев А. В. и др.* Оценка психоэмоционального статуса и анализ уровня тревожности у студентов первого курса медицинского университета // Роль науки в развитии общества : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 18 марта 2016 года) : в 2 ч. Пенза, 2016. Ч. 2. С. 148–157.
20. *Попова Н. М., Рогова А. Н., Николаева О. В.* Характеристика образа жизни и состояния здоровья студентов 1 и 3 курса медицинской академии // Синергия наук. 2016. №6. С. 743–749.
21. *Симаева И. Н.* Психология адаптации субъекта к изменениям жизнедеятельности. Калининград, 2019.
22. *Соловьева С. Л.* Тревога и тревожность: теория и практика // Медицинская психология в России. 2012. №6 (17). URL: <http://medpsy.ru/> (дата обращения: 07.12.2017).
23. *Спилбергер Ч.* Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги // Тревога и тревожность / под ред. В. М. Астапова. СПб., 2001. С. 88–103.
24. *Толмачев Д. А., Казакова Т. А., Кудрявцева А. Л.* Тревожность как критерий оценки здоровья молодежи // Наука, образование и культура. 2017. №9 (24). С. 104–106.
25. *Фильчаков С. А., Чернышева И. В., Шлемова М. В.* Актуальные проблемы здоровья студентов // Успехи современного естествознания. 2013. №10. С. 192. URL: <https://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=33075/> (дата обращения: 10.12.2017).
26. *Agapova T., Kuleshova Yu. V.* Assessment of the level of anxiety as a factor of adaptation of students in the educational environment // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Vol. 10, №1-1. P. 72–77. doi: 10.34670/AR.2021.65.90.009.
27. *Hasking P., Chen Nigel T.M., Chiu V. et al.* Managing Emotion: Open label and waitlist controlled trial of an emotion regulation program for university students. doi: 10.31234/osf.io/huc9m.
28. *Vilyunas V. K.* Psychology of emotional phenomena. M., 2016.
29. *Kerimbayeva R. K., Zhamirova N. Sh, Karkimbaeva Zh. S.* Problems of the anxiety of foreign students in higher education institutions of Kazakhstan // Bulletin of the Academy of Pedagogical Sciences of Kazakhstan. 2020. №5 (97). P. 138–144. doi: 10.51883/20704046_2020_5_138.
30. *Spielberger Ch.* Anxiety, current trends in theory and research. N. Y., 1972.

Об авторах

Михаил Андреевич Агапов – д-р мед. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: MAgapov@kantiana.ru

Юрий Евгеньевич Скалин – канд. психол. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ISkalin@kantiana.ru

Наталья Николаевна Бочарова — руководитель Психологической службы,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.
E-mail: NBocharova@kantiana.ru

M. A. Agapov, Yu. E. Skalin, N. N. Bocharova

SCREENING DIAGNOSTICS OF THE PSYCHO-EMOTIONAL STATE OF STUDENTS IN HIGHER EDUCATION SYSTEM

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 10 November 2022

Accepted 16 January 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-9

101

To cite this article: Agapov M. A., Skalin Yu. E., Bocharova N. N. 2023, Screening diagnostics of the psycho-emotional state of students in higher education system, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, № 1. P. 90–101. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-9.

Positive emotional state of students in the system of higher education is one of the most important factors that contribute to good mental health, the development of educational programs and the prevention of aggressive and deviant behavior of students. One of the determining factors of whether or not young people will have mental health issues is the early detection of psycho-emotional disorders of students in order to develop an algorithm for appropriate psychological support. The study aims at assessing the possibilities and prospects of screening psychological diagnostics of university students remotely. The study was first conducted through the electronic learning management system (LMS). Psycho diagnostics revealed a significant level of anxiety in the examinees at the subclinical level of severity, certain dynamics of anxiety disorders and depression of students of different years of study, as well as manifestations of different forms of aggressive behavior. The received data allow to conclude that timely psychological online screening allows to provide early detection of psychological issues, develop an algorithm of actions and support intradepartmental and out-of-departmental interaction.

Keywords: students; higher education system; aggression; depression; anxiety; screening tests

The authors

Prof Mikhail A. Agapov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: MAgapov@kantiana.ru

Dr Yuri E. Skalin, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ISkalin@kantiana.ru

Natalia N. Bocharova, Head of the Psychological Service, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: NBocharova@kantiana.ru

Л. А. Попова

ЦИФРОВЫЕ ДИДАКТИЧЕСКИЕ ИГРЫ КАК СРЕДСТВО ДИСТАНЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ ШКОЛЬНИКОВ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 23.07.2022 г.

Принята к публикации 22.12.2022 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-10

102

Для цитирования: *Попова Л. А.* Цифровые дидактические игры как средство дистанционной поддержки школьников // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №1. С. 102 — 113. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-10.

Представлен обзор некоторых дидактических игр, доступных для педагогов и обучающихся в сети «Интернет», рассмотрены технологии их использования. Методологическая основа исследования — системно-деятельностный подход с учетом возрастных особенностей обучающихся и тенденций развития современной цифровой образовательной среды. Определяются цели, функциональные назначения цифровых дидактических игр, используемых в процессе дистанционной поддержки школьников, обучающихся в начальной школе, а также на средней и старшей ступенях обучения. Показаны особенности и преимущества цифровых дидактических игр для ликвидации типичных затруднений в учебной деятельности предметного и психологического генеза у обучающихся разного возраста. Автор предлагает алгоритм разработки и использования игры и дает рекомендации педагогам по применению некоторых существующих шаблонов для создания цифровых дидактических игр, доступных на цифровых платформах и сервисах в сети «Интернет» и пригодных для дистанционной поддержки школьников, устранения учебных затруднений у школьников.

Ключевые слова: цифровые дидактические игры, дистанционная поддержка школьников, затруднения школьников в учебной деятельности

Введение

Цифровизация образования вносит свою специфику в процесс обучения школьников, предоставляя обучающимся более широкие возможности для удовлетворения особых образовательных потребностей. Как для одаренных школьников, так и для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья стали более доступны онлайн-олимпиады, онлайн-викторины, дистанционные консультации и т. д.

На наш взгляд, отдельного внимания педагогов заслуживает один из актуальных вопросов в современном образовании: исследование возможностей цифрового формата образования для оказания дистанционной

поддержки школьников. Данная поддержка сегодня совершенно справедливо рассматривается как необходимая помощь и содействие школьникам, испытывающим различные трудности в учебной деятельности. Организация взаимодействия между преподавателями и учениками в этом случае осуществляется с помощью информационно-коммуникационных технологий в цифровой образовательной среде. Процесс дистанционной поддержки предполагает расширение и дополнение средств педагогического процесса и средств образовательной деятельности обучающегося.

В классическом понимании средства педагогического процесса в совместной деятельности педагога (педагогов) и обучающегося (обучающихся) подразделяют на материальные, информационные, языковые, логические, математические [14, с. 215]. Однако в действительности, в реальной педагогической практике в понятие данных средств включают материальные и информационные средства: учебное оборудование, учебно-наглядные пособия и т.д. «Средства педагогического процесса делятся на средства для обучающегося: учебники, учебные пособия, задачки, справочники, хрестоматии, конструкторы и т.д. и средства для педагога: методики, методические пособия, рекомендации, методические разработки и т.д.; средства на занятия, мероприятия: наглядные пособия, демонстрационное оборудование, лабораторное оборудование, компьютеры и т.д.» [14, с. 216].

Представляется, что арсенал средств педагогического процесса в контексте дистанционной поддержки обучающихся может быть существенно расширен и дополнен за счет разработки и применения цифровых дидактических игр, которые могут выступить в качестве современного педагогического инструментария, привлекательного для учеников и способствующего освоению учебной деятельности и развитию их личностного потенциала.

Методология и методы исследования

Традиционно дидактическая игра в педагогике рассматривается как «технология, позволяющая повысить активность, самостоятельность и заинтересованность ученика в процессе познания, сделать учебную деятельность лично значимой, значительно облегчить процесс приобретения новых знаний и умений» [16, с. 8]. Так, по мнению Н.В. Чен, дидактическая игра — «это разновидность игры по правилам, специально созданным педагогом с целью обучения и воспитания детей» [19, с. 8]. Полагаем, главный эффект основан на том, что дидактическая игра выступает как интеграция игровой и учебной деятельности, в которой обучающиеся поставлены в безопасные условия, способствующие преодолению предметных и индивидуальных психологических трудностей и тем самым обеспечивающие приобретение необходимых учебных знаний, умений, навыков.

Применению дидактических игр в процессе обучения посвящен ряд современных диссертационных исследований, в частности диссертация Т.Г. Рысьевой «Система дидактических игр как средство развития познавательной самостоятельности школьников» [16], С.О. Тамбиевой «Дидактическая игра как средство активизации коммуникативной деятельности младших школьников» [17] и др.

В условиях цифровизации образования большой интерес вызывают педагогические возможности дидактических игр, осуществляемых на основе информационно-коммуникационных технологий в цифровой образовательной среде. Под цифровой дидактической игрой (ЦДИ) понимается игровая учебно-познавательная деятельность, осуществляемая в цифровой образовательной среде. Иными словами, «цифровые дидактические игры опираются на закономерности, структуру и классификации дидактических игр, но используют электронный дидактический материал» [2, с. 68]. Подобная игровая деятельность может быть организована в различных цифровых средах и пространствах, включая сетевое и виртуальное. Можно согласиться с П. И. Ковтонюк [10], М. Ю. Новиковым [14] в том, что цифровые образовательные игры имеют большой потенциал применения благодаря повышению мотивации к изучению различных дисциплин, а также с С. С. Федорович относительно того, что «включение подобных игр в постоянную практику в обучении школьников может стать ответом новым вызовам, позволит вовлечь учащихся, повысить их мотивацию и интерес к предмету, сформировать навыки работы в команде и принятия решений» [18, с. 47].

Педагогические средства – это «материальные объекты и предметы духовной культуры, которые предназначаются для организации и осуществления педагогического процесса и выполняют функции развития учащихся, они функционально обеспечивают предметную поддержку педагогического процесса, а также разнообразную деятельность, в которую включаются воспитанники, – труд, игра, учение, общение, познание» [11, с. 142].

Учитывая возможности дидактических игр в обучении, ученые часто рассматривают цифровые дидактические игры как средство для достижения определенных целей обучения, воспитания, развития обучающихся, например как средство формирования временных представлений у старших дошкольников (Д. А. Буркш [5]), средство формирования культуры речи младших школьников (Ю. О. Бронникова [4]), средство развития логических учебных действий школьников (А. А. Беспрозванных, Н. П. Шаталова [2]), средство обучения в высшей школе (Т. В. Рудакова [15], Э. Р. Галиуллина [6]), средство интенсификации обучения (Л. Л. Браницкая, Г. А. Браницкая [3], М. Л. Груздева [7]), средство активизации коммуникативной деятельности младших школьников (С. О. Тамбиева [17]), средство развития познавательной самостоятельности школьников (Т. Г. Рысьева [16]) и т. д. Вышеперечисленные отечественные исследования установили, что цифровая дидактическая игра в процессе обучения школьников способствует развитию индивидуальных характеристик ученика; обучению и самообучению школьников в цифровой образовательной среде; развитию коммуникации между школьниками различных школ, обмену опытом, формированию гармоничных взаимоотношений с другими учениками; развитию у обучающихся умений и навыков в информационно-коммуникационных технологиях; представлению обычной учебной информации в разнообразных игровых формах (квесты, кейсы, кроссворды, викторины и др.); более качественному восприятию учениками учебной информации; повышению наглядности учебной информации; психологической

разрядке учеников, снятию стресса; интерактивному взаимодействию учеников с учебным материалом, настраиванию на активную самостоятельную познавательную деятельность; осуществлению разноуровневости и вариативности представления информации для школьников с учетом уровня предметной подготовки, наличием предметных и психологических затруднений.

Цифровые дидактические игры, по нашему мнению, выступая как средство дистанционной поддержки школьников, могут способствовать предупреждению и нейтрализации затруднений психологического и предметного характера. Предметные затруднения школьников мы связываем с изучением учебного предмета, с усвоением предметных и внепредметных знаний, развитием умений использовать данные знания в различных ситуациях. Затруднения психологического характера, по нашему мнению, обусловлены недостаточным развитием индивидуальности школьника (воли, мотивации, саморегуляции и др.).

С позиции идей оказания дистанционной поддержки школьников необходимо отметить, что такие характеристики цифровой дидактической игры, как интеграция учебной информации с эмоциональной окраской, атмосфера творчества и взаимодействия, свобода от принятых шаблонов, свободная развивающая деятельность, способствуют актуализации проявлений психических и личностных качеств школьников, которые в другой, неигровой ситуации могут и не заявить о себе (помогают активизации познавательной деятельности учеников, развитию мыслительных операций, волевых устремлений, раскрытию творческих способностей школьников, развитию самостоятельности в принятии решения, формированию воображения, уменьшению чувства тревоги, созданию ощущения радости и удовлетворения от учебной деятельности, развитию коммуникативных способностей, облегчая общение между обучающимися). В процессе игры восприятие и запоминание учебной информации учениками происходит легче и быстрее.

В дидактической игре достижимы образовательные, воспитательные и развивающие цели [19]. Аналогичные цели вполне могут быть поставлены в цифровых дидактических играх. Образовательные цели включают расширение кругозора учеников, формирование умений и навыков и др. Воспитательные цели связаны с развитием самостоятельности, воли, формированием у учеников определенных позиций и др. Развивающие цели направлены на развитие у обучающихся внимания, памяти, речи, мышления, воображения, творческих способностей, эмпатии, мотивации учебной деятельности [19].

Результаты исследования

Теоретический анализ и наш опыт применения цифровых игр показывают, что затруднения школьников в процессе обучения могут быть полностью или частично разрешены путем их дистанционной поддержки в цифровом формате. В таблице 1 видно, какое функциональное назначение может выполнять цифровая дидактическая игра для предупреждения и устранения затруднений предметного и психологического характера у школьников в процессе обучения.

Таблица 1

**Функциональное назначение цифровой дидактической игры
в дистанционной поддержке школьников для предупреждения
и устранения затруднений в учебной деятельности**

Назначения ЦДИ в учебной деятельности предметной направленности	Назначения ЦДИ в учебной деятельности психологической направленности
Усвоение школьниками предметных и внепредметных знаний по учебным предметам. Формирование у школьников умения использовать свои знания в различных ситуациях. Поддержание активной самостоятельной познавательной деятельности ученика	Содействие проявлению у школьника активного познавательного интереса, активных мыслительных операций. Способствование проявлению у школьника способности к творческой деятельности, развитию воображения, креативности мышления. Сопровождение познавательной деятельности элементами соперничества, конкуренции («эмоциональное напряжение»), положительными эмоциональными переживаниями (радость, восторг). Формирование у ученика адекватной самооценки, развитие волевых устремлений (победить в игре, не проиграть). Развитие у ученика самостоятельности в игровой познавательной деятельности, умения самостоятельно, обдуманно принимать решения. Развитие у учеников коммуникативных умений (умения общаться, договариваться с другими игроками, следовать правилам).

106

С учетом специфики цифровых дидактических игр к ним предъявляют требования, аналогичные требованиям и к дидактическим играм, и к электронным образовательным ресурсам. На основании ГОСТ Р 52653-2006 цифровые дидактические игры, как и другие электронные образовательные ресурсы, должны соответствовать «требованиям федеральных образовательных стандартов, образовательных программ, нормативных и учебно-методических документов» [8, с. 4]; педагогическим, дидактическим и психологическим требованиям; требованиям, которые выдвигаются как к продукту информационно-коммуникационных технологий с учетом специфики его использования [8, с. 4].

Ряд педагогов [13; 17 и др.], исходя из опыта, представляют следующие требования к дидактическим играм в процессе обучения: привлекательность игры для учеников; соответствие их возрастным особенностям и индивидуальным возможностям; содержание игры должно включать упражнения, развивающие разнообразные умения, навыки и знания; процесс обучения в игре должен сочетаться с занимательностью; четкость и понятность правил; хорошая организация игры и т. д.

Помимо вышеперечисленных требований в процессе дистанционной поддержки существенным требованием к цифровым дидактическим играм является соответствие затруднениям школьников, их интересам,

возрастным характеристикам. Данные требования обуславливают различные критерии для отбора характеристик предлагаемых на цифровых платформах или разрабатываемых педагогом самостоятельно цифровых дидактических игр. Приведем некоторые характеристики для обучающихся разного возраста в таблице 2.

Таблица 2

**Характеристики цифровых дидактических игр,
используемых в процессе дистанционной поддержки школьников**

Возраст учеников	Характеристики цифровых игр для применения в учебной деятельности
<i>Младший школьный</i>	<ul style="list-style-type: none"> – игра направлена на ликвидацию или предупреждение затруднений (типичных или индивидуальных) – наличие интересного для ученика персонажа, который направляет, мотивирует его к образовательной деятельности, комментирует ошибки, эмоционально поддерживает и т. д. – яркие, красочные, большие картинки (например, из известных ученикам мультфильмов, комиксов, фильмов и др.) – простота в использовании (возможность для ученика самостоятельно участвовать в игре, без помощи взрослых) – количество текстовой информации, а также задания должны соответствовать возрасту учеников, уровню развития, их затруднениям – скорость показа анимации, появление дополнительных пояснений, темп самой цифровой игры соответствуют возрастным особенностям учеников – комментарии в процессе выполнения учениками заданий, оценка верности и неверности ответов иллюстрируются картинками (к примеру, смайликами), анимацией, звуковым сопровождением (при этом они носят поддерживающий характер)
<i>Средний и старший школьный</i>	<ul style="list-style-type: none"> – игра направлена на ликвидацию или предупреждение затруднений (типичных или индивидуальных) – задания соответствуют уровню развития, интересам школьников, имеют различные уровни сложности, также могут учитывать межпредметные связи, носить исследовательский характер – связь цифровой игры с известными и популярными для учеников персонажами – элементы командной и проектной деятельности – наличие интерактивных элементов для возможности активной самостоятельной деятельности учеников – присутствие анимации, звукового сопровождения, гиперссылок только в тех местах, где это уместно и соответствует содержанию игры – присутствие комментариев, дополнительных пояснений и помощи в игре – направленность дидактической игры на развитие индивидуальных характеристик обучающихся

Таким образом, в процессе дистанционной поддержки школьников затруднения в обучении могут быть разрешены путем выбора игры в соответствии с ее функциональным назначением, возрастом обучающегося, интересами, а также учебным предметом и темой учебной дисциплины. Возможна и самостоятельная разработка соответствующих цифровых дидактических игр, например цифровых игровых упражнений и тренажеров, учебно-ролевых игр (связанных с принятием учащимися определенных ролей, использованием сказочного сюжета, моделированием профессиональной деятельности и др.), соревновательных игр. Мы полагаем, что многообразие цифровых дидактических игр предоставляет возможность их творческого использования на всех уровнях обучения при изучении различных предметов и отдельных тем.

В отечественной педагогике усиливается интерес к созданию и апробации цифровых дидактических игр как для учеников, так и для студентов. Так, С. С. Федорович, Н. Н. Зильберман, Н. С. Смиян представили разработку цифровой дидактической игры «CryptoSpace» для спецкурса по информатике по теме «Криптография» для учащихся 7–8-х классов и описали опыт ее апробации. Педагоги предполагают при помощи цифровой дидактической игры знакомство учащихся с основными принципами криптографии, с основными алгоритмами [18]. А. А. Беспрозванных, Н. П. Шаталова рассмотрели разработанные на основе анализа учебника математики для 5-х классов (авторами которого являются А. Г. Мерзляк, В. Б. Полонский, М. С. Якир) несколько цифровых дидактических игр, которые способствуют развитию таких логических учебных действий, как анализ, выдвижение гипотез и их обоснования [2]. Ю. О. Бронникова описала отдельные специальные интернет-сервисы для создания цифровых дидактических игр и тренажеров, направленных на формирование культуры речи младших школьников, а также представила тренажер, разработанный на основе одного из шаблонов сервиса «eТреники» [4]. О. В. Крежевских и А. И. Михайлова описали опыт создания и внедрения цифровой дидактической игры для студентов, готовящихся стать воспитателями детского сада. Исследователи представили основанные на собственном опыте принципы разработки цифровых мультимедийных игр, которые предполагают использование звуковых, анимационных и других эффектов [12]. О. А. Шабалина описывает идею того, как в процессе разработки обучающих компьютерных игр сохранить баланс между обучающей и игровой компонентой. Автор приводит разработку игры «Камми» для обучения студентов объектно-ориентированной технологии программирования и положительный результат ее применения в процессе обучения [20].

Интерес представляют исследования и разработки Г. О. Аствацатурова. Педагог на страницах сайта «Дидактор», а также в видеороликах и вебинарах на YouTube-канале «Академия цифрового учителя» знакомит учителей с возможностями дистанционного обучения, показывает на примерах, как создавать цифровые образовательные ресурсы (включая цифровые дидактические игры) на различных цифровых платформах (например, на H5P, Lumio, Genially и др.), в том числе используя шаблоны [1; 9].

Обзор публикаций и Интернета позволяет видеть, что размещены различные цифровые платформы и сервисы для создания цифровых дидактических игр, многие из них предоставляют ряд шаблонов для создания цифровых дидактических игр, которые также можно использовать при дистанционной поддержке школьников (табл. 3).

Таблица 3

Рекомендации по применению шаблонов цифровых дидактических игр на платформах и сервисах Интернета

Шаблоны цифровых дидактических игр	Цифровые платформы и сервисы Интернета
Шаблоны и примеры игровых упражнениях и тренажеров: «Найди пару», «Классификация», «Линейка (последовательность)», «Простой порядок (последовательность)», «Сортировка картинок», пазлы, терминологическая игра «Объясни мне», «Криптон» — разгадка слов с перепутанными буквами, «Морфанки» — разбор слова по составу, «НЛО» — поиск лишних объектов в группе, «Картофан» — соотнесение подписей с объектами на карте, «Крестики-нолики», «Сорбонка» и др.	Образавр, LearningApps, eТреники, Learnis, Educandy, Flippity, Umaigra, Classtools, Kahoot, Genially, H5P
Шаблоны для создания ребусов	Rebus1, Classtools, Квестодел
Шаблоны и примеры учебных кроссвордов	LearningApps, Classtools, Online Test Pad, Educandy, Flippity, ProProfes, Genially
Шаблоны веб-квестов: «Выберись из комнаты», «Приключение одной экспедиции» и др.	Learnis, Квестодел, Genially, BorisBot
Викторины и олимпиады	Learnis, LearningApps, Flippity, Genially, Madtest, Kahoot, Riddle
Командные игры: «Скачки», «Своя игра», «Кто хочет стать миллионером», шаблоны для создания дидактической цифровой настольной игры	LearningApps, JeopardyLabs, Flippity, Factile

Приведенный ряд шаблонов упрощает создание учителем цифровой дидактической игры в процессе дистанционной поддержки школьников. Необходимо заметить, что учителя, желающие разрабатывать цифровые дидактические игры без шаблонов, на основе собственных идей, правил, сюжетов, также могут использовать цифровые ресурсы Интернета, например PowerPoint для таких игр, как «Морской бой», «Дом с приведениями», Google Form для веб-квестов, викторин, дистанционных олимпиад, Microsoft Physics Illustrator для разработки соревнований на основе виртуальных опытов по физике, Logiclike, Umaigra для создания математических конкурсов, содержащих головоломки, логические задания и др. Выбор сюжета и содержания цифровой дидактической игры зависит от тех педагогических целей, которые ставит педагог при ее разработке в процессе дистанционной поддержки школьников.

Выводы

Педагог в процессе создания и использования цифровой дидактической игры может выполнять различные задачи и в соответствии с ними играть различные роли: создатель (определяет типичные и индивидуальные затруднения школьников; придумывает концепцию игры, определяет сценарий игры, роли игроков; подбирает дидактическое содержание игры; выбирает цифровую платформу, шаблон игры, если это необходимо; создает цифровую дидактическую игру в соответствии с затруднениями школьников, сохраняя при этом основную структуру игры: дидактическая задача, игровая задача, игровые действия, правила игры, результат игры), инструктор (знакомит учеников с правилами игры, оказывает им консультации во время ее проведения, дает рекомендации по использованию технических средств), судья (вносит коррективы в процесс игры, дает советы в процессе распределения ролей, представляет общее решение о результате игры), тренер (подсказки, помощь учащимся в процессе выполнения учебных заданий), ведущий игры.

Однако для того чтобы цифровая дидактическая игра имела педагогический эффект в дистанционной поддержке школьников, учителю следует придерживаться следующего алгоритма при разработке и использовании игры:

- провести диагностику затруднений, интересов, потребностей школьников в процессе обучения;
- выбрать готовую или самостоятельно разработать цифровую дидактическую игру в соответствии с проведенной ранее диагностикой;
- организовать игровое взаимодействие между участниками игры в цифровой образовательной среде;
- в процессе игровой деятельности школьников оказывать педагогическое сопровождение, если это необходимо;
- совместно с участниками игры подвести итоги игры, включая рефлексию игровой познавательной деятельности.

Таким образом, создание цифровой дидактической игры и организация игрового взаимодействия между учениками в цифровой среде требуют основательной подготовки, включая подготовку педагога к такой деятельности. Необходимо подчеркнуть, что дистанционная поддержка школьников, организованная при помощи цифровой дидактической игры, способствует созданию особой атмосферы, направленной на развитие учеников, исключение и предупреждение затруднений у учеников в процессе обучения, что в результате оправдывает все трудности создания цифровых дидактических игр.

Список литературы

1. Аствацатуров Г.О. Академия цифрового учителя. Videоканал. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCe3Vpug14loJ5u56755JrGQ> (дата обращения: 19.04.2022).
2. Беспрозванных А.А., Шаталова Н.П. Использование цифровых дидактических игр на уроках математики в 5 классах для развития логических учебных действий // Лучшие практики «Вызов цифрой»: матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 23 марта 2020 г.). Чебоксары, 2020. С. 67–71.

3. Браницкая Л.Л., Браницкая Г.А. Дидактическая компьютерная флэш-игра как средство интенсификации обучения // Образовательные технологии и общество. 2017. Т. 20, №1. С. 493 – 499.

4. Бронникова Ю.О. Формирование культуры речи младших школьников на основе информационных технологий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №7 (58). С. 26 – 29.

5. Бурки Д.А. Актуальность формирования временных представлений старших дошкольников с легкой степенью умственной отсталости посредством цифровых игр // Наука и социум : матер. XV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-formirovaniya-vremennyh-predstavleniy-starshih-doshkolnikov-s-legkoy-stepenyu-umstvennoy-otstalosti-posredstvom> (дата обращения: 28.06.2022).

6. Галиуллина Э.Р., Зарипова Р.С. Цифровые игры как способ обучения // Ученые записки ИСГЗ. 2019. Т. 17, №1. С. 126 – 129.

7. Груздева М.Л., Чаннова А.В. Анализ российского рынка цифровых образовательных платформ // Интеграция информационных технологий в систему профессионального и дополнительного образования : сб. ст. по матер. VIII регион. науч.-практ. конф. Нижний Новгород, 19 ноября 2021 года. Н. Новгород, 2021. С. 54 – 58.

8. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 52653-2006 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Термины и определения». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

9. Аствацатуров Г.О. Дидактор — педагогическая практика. Сайт педагога-практика. URL: <http://didaktor.ru/> (дата обращения: 19.04.2022).

10. Ковтонок П.И., Столбов А.А., Новиков М.Ю. Использование цифровых образовательных игр в учебном процессе школьников // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. №8 (122). URL: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.93> (дата обращения: 31.05.2022).

11. Коджаспирова Г.М, Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь: Для студентов высших и средних педагогических учебных заведений М., 2000.

12. Крежевских О.В., Михайлова А.И. Опыт создания цифровой мультимедийной игры // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. №4 (47). С. 141 – 148.

13. Мишечкина Н.А. Представление о дидактической игре и ее роли в процессе обучения младших школьников // Молодой ученый. 2017. №52 (186). С. 201 – 204.

14. Новиков А.М. Введение в методологию игровой деятельности М., 2006.

15. Рудакова Т.В. Обучение на основе цифровых игр в системе высшего образования // Наука и инновации в современном мире : сб. науч. ст. М., 2019. С. 100 – 102.

16. Рысьева Т.Г. Система дидактических игр как средство развития познавательной самостоятельности школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ижевск, 2003.

17. Тамбиева С.О. Дидактическая игра как средство активизации коммуникативной деятельности младших школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2007.

18. Федорович С.С., Зильберман Н.Н., Смиян Н.С. Опыт разработки и апробации цифровой образовательной игры по криптографии суртосpace // Гуманитарная информатика. 2019. №16. С. 41 – 49.

19. Чен Н. В. Дидактическая игра — основа развития воображения и фантазии // Методическая копилка. 2011. С. 6–10.
20. Шабалина О. А. Разработка обучающих компьютерных игр: как сохранить баланс между обучающей и игровой компонентой? // Образовательные технологии и общество. 2013. Т. 16, №3. С. 587–602.

Об авторе

Людмила Анатольевна Попова — ассистент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.
E-mail: l.a.popova@mail.ru

112

L. Popova

DIGITAL DIDACTIC GAMES AS A MEANS OF REMOTE SUPPORT FOR SCHOOL STUDENTS

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 23 July 2022

Accepted 22 December 2022

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-10

To cite this article: Popova L. A. 2023, Digital didactic games as a means of remote support for school students, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1. P. 102–113. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-10.

In the context of dynamic digitalization of the educational space, the introduction of inclusive education, the task of remote support for educational activities of both gifted students and schoolchildren with disabilities is of high relevance, since it helps to meet special educational needs and resolve difficulties in educational activities. The article presents an overview of some didactic games available for teachers and students on the platforms and services of the Internet and the relevant methodology, as well as a descriptive algorithm for self-development of such games for teachers. The goals, features and advantages of digital didactic games for the elimination of typical subject-related and psychological difficulties in the educational activities among students of different ages are shown.

The work expands the search base of research in the field of teacher education by analyzing the technology of using digital didactic games in the educational process of general and inclusive secondary education.

Methodology and research methods. The study relies on general research methods of systematization and generalization, structural and functional analysis of the targeted use of digital didactic games to prevent and eliminate the difficulties experienced by schoolchildren in educational activities. The methodological basis of the research is a system-activity approach, taking into account the age characteristics of students, as well as the development trends of the modern digital educational environment.

Results and scientific novelty. The analysis determined the goals, functional purposes of digital didactic games used in the process of remote support for elementary school students, as well as for the secondary and high school. The author proposed an algorithm and recommenda-

tions for the game development and use of some existing templates for creating digital didactic games available to teachers on digital platforms and services on the Internet and suitable for remote elimination of educational difficulties at schoolchildren.

Practical significance. The results obtained can be used by teachers of general secondary and inclusive education to implement remote support for schoolchildren at different levels of education.

Keywords: digital didactic games, remote support for schoolchildren, schoolchildren's learning difficulties

The author

Lyudmila Popova — assistant, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: l.a.popova@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

7. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

8. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве — в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

3) аннотацию на русском и английском языках (150—250 слов). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов / словосочетаний). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008;

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, ORCID);

7) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 × 297 мм). Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате doc и docx (Microsoft Office). Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержится рекомендация по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте или через личный кабинет онлайн-редакции журнала.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации. Текст рецензии направляется автору по электронной почте или через личный кабинет онлайн-редакции журнала.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия

Филология, педагогика, психология

2023

№ 1

Редактор *Е. Т. Иванова*

Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 30.03.2023 г.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,2

Тираж 300 экз. (1-й завод 35 экз.). Цена свободная. Заказ 39

Подписной индекс 20098

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14